

НАВЕЩЕСТВИЕ ПЛОТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

<https://litres.ru/74604562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умрёт Бог, а гной начнёт капать на планету.

Эта история в рамках огромной вселенной "Коровья вода" - альтернативная история человечества, в которой произошли темные, жуткие события. В 1099 году Крестоносцы осаждают Иерусалим и сами того не понимая, убивают бога и погружают мир в эпоху безбожия, а карта мира сильно меняется. Сама книга, нашествие плоти, рассказывает об одном из событии этой вселенной в сеттинге Первой Мировой Войны(а также ВМВ), где происходит вторжение сверх организма, поглощающего роя на одну из стран. Гарнизоны разбиты, все перекладывают ответственность друг на друга и в итоге, в мясной штурм бросают едва закончивших заведение кадетов военной полиции. Просто ли это вторжение организма? Хороший вопрос...

Книга обильна насилием и жестокостью, а огромное количество дат, событий идеологий, персонажей, что делает высокий порог входа - не для новичков, но я уверяю, что после прочтения, вы испытаете оргазм.

Содержание

Глава 1. "Те, с которых всё началось"	4
Глава 2. Гниль в правительстве	32
Глава 3. Битва за Данциг	65
Глава 4. На утёсе	101
Глава 5. Тогда, когда мы дома	130
Глава 6. Потерять всё	163
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Blutige Faust519

Нашествие Плоти

Глава 1. "Те, с которых всё началось"

"Уважаемые граждане, великое и доброе правительство Вегиммии очень озабочено вопросом прекращения поставок зерна и дров в город. Просим вас успокоиться и разойтись по домам, будьте уверены - ситуация решится совсем скоро", - надрывая голос, кричал митингующей толпе полицейский.

В Тчеве, городе недалеко от Данцига и столицы Вегиммии, уже несколько недель как прекратились поставки зерна и дров. Первое время это не ощущалось, и правительство надеялось, что поставки возобновятся раньше, чем народ что-то заметит, но они облажались. Куда легче было при Крюгере: тогда не было запрета на мясной принцип подогрева, и люди разводили фермы насекомых. Однако после смены правительства и запрета этого метода вернулись дрова и другие, менее эффективные способы.

Митинг не был большим и собрался не в самом центре города, но, помня об опыте восстаний при Крюгере, на место

прибыл отряд военной полиции - карателей в количестве 11 человек. Их отряд был еще "зеленым" - они только выпустились из кадетского училища, в котором обучались военному делу с 11 до 16 лет. На вопрос юнцов, почему отправили их, а не более опытных, им ответили: "Пускай это будет вашим первым реальным заданием". Хотя на самом деле старшие и опытные просто отказались и спихнули все на новобранцев - здесь царила дедовщина. Их задача - разгон митинга физической силой, и для этого они были вооружены дубинками и газовыми винтовками. Новобранцы стояли за кирпичной стеной давно обрушившегося здания и ожидали приказа... Все они впервые должны были нанести физический вред другому человеку, и среди них - Вальтер Вальтер и Рудольф Бисмарк.

Два парня, дружившие с детства, поступили в одно училище, еще с юности мечтая о том, как будут "бить плохих ребят". Но реальность оказалась другой - теперь "плохими ребятами" можно было назвать их самих, ведь они собирались бить тех, кто просто хочет жить. Эти мысли не давали покоя Вальтеру. Хотя за годы службы он все еще хотел, чтобы его детская мечта была правдой.

"Зачем мы бьем тех, кто просто хочет жить, а не выживать? Мы же давно покончили с канибализмом и повсеместной аморальностью. Это ненормально", - говорил шепотом Вальтер, думая, что произносит это про себя.

Это услышал Рудольф, стоявший рядом и проверявший

баллоны на наличие газа. В их дружбе не было "жестких запретов": они могли оскорбить друг друга и даже ударить, при этом все понимали шутку, даже когда постороннему человеку показалось бы, что это настоящее оскорбление. Несмотря на это, Вальтер был более сдержанным и усидчивым, пока Рудольф говорил и делал все то, что думает.

- Ты чего? Сам с собой опять разговариваешь? Лови журавля!

Рудольф дал легкий подзатыльник по черному полицейскому шлему Вальтера, на верхушке которого красовался золотой пикельхауб. "Лови журавля" - кадетский прикол, в ходе которого дают подзатыльник (неважно - по голове, шлему или другому головному убору), если человек разговаривает сам с собой. Разговоры с самим собой (и еще кое-что похуже), похоже, уже генетически являлись нормой для большей части населения из-за событий первого и второго ударов...

Рудольф - лучший друг Вальтера еще с детства. Хотя они и жили на достаточно большом расстоянии, они часто виделись и проводили время вместе. Парень был рыжим и выше Вальтера на несколько сантиметров. Добавляя еще больше отличий между ними, Бисмарк, как уже было сказано, говорил то, что думает, и был куда более "вольным", чем Вальтер.

От удара шлем перекосялся вперед и закрыл глаза Вальтеру, а от неожиданности тот вздрогнул, и его белые волосы полезли на лицо.

- Ай, - сказал Вальтер и поправил шлем.

- Если заговорил вслух, то рассказывай, о чем, - сказал Рудольф.

Вальтер знал позицию Рудольфа. Тот уже давно поменял взгляды: из детской мечты, в которой он хотел наказывать всех плохих, он вырос в того, кто хочет максимально обезопасить себя, иметь статус и хороший заработок. Вальтер, который все так же хотел работать по "справедливости", понимал выбор Бисмарка. Они жили в том мире, где человека запросто могли загрызть черви, а служба в военной полиции в первую очередь гарантировала безопасность - ведь даже находясь в зоне боевых действий на карательных операциях, они проводили эти операции за линией фронта. Вальтер солгал, поскольку если бы он сказал правду, то это переросло бы в спор.

- Да вот думаю, зачем нужно было запрещать... - Вальтер запнулся, потому что забыл, как это называется.

- ...запрещать плоть в качестве топлива? Правительство не видит, в какую отсталость это ввергло страну?

- Бессмыслица та еще... И самое забавное, что сами власти толком не объяснили это. Заставили местных управляющих и генералов проямлить какую-то чушь, и все, - ответил Рудольф.

- ...А народ это терпит, как будто так и надо. Даже мерзко.

- А? - удивился Рудольф.

Руд редко слышал от Вальтера резкие заявления, и тем более - заявления в адрес простого населения, зная его от-

ношение к людям. Такое случалось не впервые, но достаточно редко.

- Мерзко от покорности вегиммцев. Сидит себе как наказанный ребенок и терпит. А ведь непонятно - почему при этом мудак практически все терпит, а при Крюгере восстания поднимал?

- Я бы не сказал, что терпят. Ты вот глянь... - Рудольф выглянул из-за стены и показал пальцем в сторону бунтующей толпы. - Все же иногда у народа терпение кончается... Что печально.

Бисмарк облокотился на стену и приспустил шлем на глаза, собираясь подремать. Это была его привычка еще со времен обучения - дремать в самые неподходящие моменты. Но болтовня Вальтера не давала ему расслабиться.

- "Иногда кончается терпение"? Ты к чему клонишь, Руд? При Крюгере от любой мелочи восставали, а здесь только после нескольких недель издевательств собрался митинг из 70 бабок. И то есть, по-твоему, это нормально?

- Чего ты так взъероился? Наоборот, хорошо, не надо нам лишний раз подниматься. Нам все равно платят одинаково - что мы скачем по всей Вегиммии и фронту как ишаки, что мы месяцами сидим где-то в Данциге или Смертоберге, гоняя шпану от скуки и потягивая очередное пиво.

- А я, может, пошел в полицию не потому, что здесь можно отлынивать и тебе никто ничего не сделает. По крайней мере, не сдохну от цирроза в 30.

Вальтер сказал это, надеясь вывести Рудольфа из себя и намекая на его слишком большое пристрастие к алкоголю, поскольку был заряжен на спор. Рудольф хотел ответить, но понял смысл сказанного и осознал, что Вальтер "берет его на понт". "Если играть, то по-крупному", - прозвучало в голове Руда.

- Говоришь прямо как моя бабка. Вообще, помереть от цирроза - лучше, чем быть пойманным в плен французами и быть там убитым, ну или если тебя сожрет черная плоть где-то на границе Орды с Белполюшей.

Вальтер понял, что началась "игра" - кто кого остроумнее заткнет, вошел в азарт и даже позабыл, что спорил не в шутку о глупом терпении вегиммцев.

- По крайней мере, помнить меня будут как героя, ну или воздвигнут памятник неизвестному солдату. А то как потом твои родственники на похоронах будут выглядеть? Рыдать по алкоголику, пившему без перебоя?

- Их не будет.

Это был намек на родных Вальтера, а точнее - на отсутствие каких-либо вестей от них. Единственное, что знал Вальтер (или о чем не говорил), так это то, что они участвовали в восстаниях при Крюгере, а сам он рос на луковой ферме с няней и несколькими другими детьми.

- Да ты...

Хотя Вальтер и привык к шуткам на этот счет, прямо сейчас это прозвучало не просто обидно, а означало его пораже-

ние в этом шутовском споре. Размахнувшись, он хотел было вклепить другу подзатыльник, но Рудольф, который облокотился на стену, в момент размаха случайно сполз на несколько сантиметров вниз, пропустив удар. Он не сразу понял, что вообще произошло, и догадался только тогда, когда увидел стоявшего в недоумении Вальтера. Тот протягивал долгое "ээ?", а Рудольф засмеялся, возгордившись своим везением. Крепкий удар по шлему принес бы боль и Вальтеру, а у Рудольфа от такого было чувство, будто его ударили молотом.

- И все же народ - терпила ты еще, - несмотря на веселую атмосферу, продолжил о своем Вальтер.

- Ну, по факту оно так и есть. Но мне отлично живется, был бы ты попроще... - Рудольф замолчал, осознав, что сейчас может начаться новый спор, и решил все мирно закончить.

- Думаю, что кто-то сейчас где-то сидит и планирует переворот. Если тебе так хочется, то можешь вступить в ряды этих... как их там... восставших.

- Знал бы - вступил. Я служу за идею. От голода я не помру, крыша над головой тоже есть, поэтому деньги и комфорт как-то на второй план отходят.

- А может, ты просто изначально за идею был?

- И это не исключаю. Еще на ферме няня говорила, что если тебя тянет именно идея работать или служить где-то, то именно там тебе и место. Намек ли это был от нее, что я пойду в полицию и, возможно, организую переворот?

- Хах, Вальтер, ты хотя бы не облажайся на разгоне этих калек, а потом о восстании думай. Забыл, как ты еще в училище на элементарных заданиях, по типу сборки винтовки, тупил?

- Ну, ты сам сказал про восстание, и я поддержал тему... И моя скорость сборки винтовки вообще ничего не значит. Тебе это хоть раз где-то не на учениях пригодилось? Вряд ли. Да и если бы я тупил везде, я бы не прошел все обучение - вылетел бы, и отправили бы в пехоту. А так, как говорили инструктор и Геринг, у меня весьма светлый ум.

- И когда они это говорили? Я не припомню такого, вроде наоборот - обсирали тебя при первой же возможности, - усмехнулся Рудольф, решившись, наконец, поправить шлем.

- Я за несколько недель до выпуска слышал из их кабинета, как они разговаривали, и Геринг сказал: "У Вальтера нет выдающихся физических достижений, но у него крайне светлая голова. Далеко пой...".

Не успел он договорить, как Рудольф прервал его:

- Пряма сам Геринг? В жизни не поверю, что он это сказал бы.

- Хочешь верь, хочешь нет, но он так сказал.

Хотя на фоне разговаривали другие новобранцы, для них двоих будто повисла мировая тишина, которую прервал Рудольф, спросив осторожно, сам начинает верить в слова Вальтера:

- А про меня там, случаем, ничего не говорили, а?..

- Про тебя? Не услышал. Но, наверное, обсуждали, потому что, как я понял, они разговаривали о выпускниках. Услышал только про Герду, Хуберта... ну и про меня.

- Про меня? Про меня что-то говорили?

В разговор вписался Хуберт, который стоял рядом и слышал их беседу. Это был низкий парень с короткими волосами и нелепыми глазами, будто он - игрушка, но от этого он был по-своему мил. Хуберт был общим другом для них двоих и поэтому позволил себе влезть в разговор, но не был слишком близким. Вдобавок к нелепой внешности, его характер полностью соответствовал лицу - крайне любопытный и мыслящий поверхностно. Можно было назвать его даже назойливым и немного глупым, но никто его так не называл, поскольку все его любили.

- Да, Хуберт, говорили, - ответил Вальтер.

- И что говорили?

- Я не расслышал, так как уходил, но сказали что-то про твою быструю обучаемость. Либо что-то в этом роде.

- Вау... Чтобы так сказал инструктор...

- Геринг, это говорил Геринг, - поправил его Вальтер.

- Еще и сам Геринг?! Охереть!

Хуберт буквально светился от радости и, как это часто бывало от переизбытка счастья, начинал все больше вступать.

- Вы там говорили что-то про переворот, так вот - я бы с радостью взял оружие и пошел с вами!

Парень хотел еще что-то сказать, но Рудольф, понимая,

что их мог кто-то услышать, рукой закрыл ему рот, а свободной рукой, приставив палец к губам, приказал замолчать. Вальтер дополнил:

- Тихо ты, Хуберт. Я, конечно, рад твоим порывам, но будь потише, а то нас могут немного за это казнить.

Хуберт не был глупым и, вспоминая слова Геринга о его быстрой обучаемости, понял все и сам, без лишних просьб отошел от них. Вновь повисло молчание, которое прервал Рудольф:

- Ну вообще, если бы среди этих восставших был ты и много наших парней, то я бы тоже пошел...

Вальтер улыбнулся и сполз вниз по стене, сев на землю и ничего не говоря. Чаще всего в таком формате и проходили его споры с Рудом.

- Зелень, подъем! - прозвучал прокуренный голос того самого полицейского, который

пытался убедить толпу в том, что все в порядке и им стоит пойти домой. Но толпа, очевидно, его не послушала, и он, зная, насколько начальству будет все равно, скинул всю ответственность на новобранцев-карателей (хотя их должны были поднять только тогда, когда митингующие начали бы проявлять агрессию).

- Сейчас встанете и пойдете гонять толпу. Стрелять в крайнем случае, дубинками побейте пенсию да газ закиньте им. Все понятно? - спросил полицейский, немного нагибаясь вперед, будто желая лучше услышать вопросы новобранцев

и посмотреть им в лица.

Вопросы были, в том числе и у Вальтера с Рудольфом, но он не стал никого слушать и пошел прочь, поправляя съехавшую с плеча винтовку. Уходя, полицейский позвал сидевшего рядом на ящике приятеля:

- Пошли, им бесполезно что-то отвечать. В казармах как раз наши притащили какие-то новые карты, говорят, французские...

Он рассчитывал, что его напарник слышал весь инструктаж для новобранцев, но тот ничего не расслышал, и ему пришлось дополнить свою речь:

- Говорю же, на зелень все скинул. Или зачем их сюда притащили? Пускай учатся.

Новобранцы посмотрели в сторону уходящих за небольшой пост полицейских и начали готовиться к разгону толпы. Часть карателей готовилась к этому с пустыми лицами, будто это происходило каждый день. Из таких был Рудольф и несколько их с Вальтером общих друзей: Герда, Зигфрид и Дайон. Другая же часть, среди которой были Вальтер и Хуберт, была более эмоциональной, и на их лицах читалась растерянность (но не у всех это было от того, что им приходится бить обычных людей: кто-то боялся последствий, кто-то видел своих знакомых и так далее). Вальтер чистил винтовку, хотя стрелял бы в самую последнюю очередь, и вспомнил, как Рудольф хотел что-то спросить у того полицейского - это было не в его формате, что-то спрашивать.

- Руд, а что ты хотел спросить?

- У кого?

- У полицейского этого, кого ж еще.

- Да я спросить хотел, а можно ли потом будет уйти.

- А, ну... Я мог бы и предположить, что ты задашь этот вопрос.

- Так почему спрашива... - прервался Рудольф.

Вальтер не понял, в чем дело, и спросил у Бисмарка, что случилось. Тот ничего не ответил и встал прямо, а винтовку повесил на плечо.

- Руд? - даже испуганно спросил Вальтер и начал всматриваться в его глаза, пытаясь понять, куда он смотрит.

Рудольф покосился на него, задвигал мышцами щек и косо глянул на друга.

- Руд? - еще раз спросил Вальтер.

И на этот раз Бисмарк едва различимым шепотом все-таки сказал, в чем дело:

- Он... офицер...

А затем хором со всеми другими новобранцами (кроме Вальтера) они отдали воинское приветствие:

- Здравствуй, офицер Барнс Альфред!

От высокого мужчины в военной форме прозвучало: "Вольно, ребята", - и только после этого Вальтер смог повесить винтовку на плечо и отдать приветствие. Он сделал это уже после команды Барнса, из-за чего на него косо посмотрел Зигфрид и еще несколько новобранцев. Зигфрид еще с

самого начала обучения не сдружился с Вальтером, но им приходилось мириться с присутствием друг друга в одной компании из-за общих друзей. Он был как Рудольф, но говорил не прямо и без шуток, а тонко намекая. Зигфрид имел куда лучшие физические показатели (он был одним из лучших в этом плане: почти 190 см роста и крепкое телосложение), чем Вальтер, но вести себя как собаки на цепи по отношению друг к другу они стали из-за споров насчет взглядов еще в самом начале обучения и банальной взаимной зависти.

Барнс - без преувеличения великий офицер. Сейчас ему за 60, он сутулится, у него лысина и очень длинные усы, но раньше (да и сейчас) Альфред руководил легендарной 11-й кавалерийской дивизией. Под его командованием дивизия в одиночку разгромила восставших в Ганновере еще при Крюгере, при этом мастерски влившись в ряды восстания и уничтожив их за одну ночь. План полностью принадлежал Барнсу, который, кстати, являлся шотландцем, чьи родственники мигрировали в Вегиммию из Фортезии Лондон еще во времена второго удара. Помимо разгрома восставших в Ганновере, его 11-я кавалерийская дивизия совершила много подвигов, сражаясь с французами и Черной Ордой. Сейчас в силу возраста он дает уроки будущим командующим и, как сегодня, благодаря своему мастерскому навыку заговаривать людей, разгоняет митинги одной лишь речью.

Проходя вдоль стоявших как попало новобранцев, Барнс остановился у самого крайнего из них, быстро развернулся

лицом к карателям и, как будто он был для них отцом или другим близким человеком, начал расспрашивать о ситуации:

- Родные новобранцы, то, что вас отправили на ваше первое задание вне полигона - это хорошо, но нехорошо калечить людей тогда, когда дипломатия все еще доступна. Плохо ваши наставники обучили этому...

Барнс посмотрел в другой конец строя, в сторону того самого моста, куда ушли полицейские, давшие им указания. Он явно намекал на то, что встретил их и понял всю ситуацию.

Почесав запястье, на котором красовался большой шрам, Барнс продолжил, уже расспрашивая новобранцев:

- Значит, вам приказали разогнать толпу... Рассказали ли вам про поведение толпы, дети?

Полицейские-каратели разом замотали головами, а несколько ответили: "Нет".

- Плохо. Толпу трудно контролировать, не зная, чего можно от нее ожидать. А кто там хотя бы? А то я ничего не вижу... Шел как раз за очками, а тут такое.

Офицер провел рукой по лысине, будто там были волосы, а потом начал всматриваться в сторону толпы. Митингующие не знали, что буквально за стеной стоят каратели, готовые переломать им кости за непослушание полиции. Как и в прошлый раз, все 11 новобранцев ответили бы вместе, но पहले всех вызвалась Герда. Герда - самая молодая из всех

новобранцев, но от этого не менее полезная и нужная. Она была как луч света: даже с тихим и жестким Зигфридом находила общий язык, а ее рыжие, можно сказать огненные волосы подтверждали то, что она была "солнцем". Герда была заучкой и выскочкой, но от этого ее меньше никто не любил.

- Офицер Барнс, среди толпы в основном старики и женщины!

Офицер, осматривавший в это время новобранцев, начал искать взглядом девушку и нашел ее только по звуку и ярко-рыжим волосам.

- Спасибо, девочка, - сказал он с улыбкой и пошел в сторону толпы.

Герду напрягло, что он пришел сюда не по приказу, а просто проходил мимо. Она посчитала, что просто так выходить к толпе опасно, и спросила у Барнса, стоит ли ему идти к злой толпе без охраны. Альфред ответил:

- Вы же здесь с винтовками и дубинками стоите, чего мне бояться?

Все смотрели вслед уходящему Барнсу. Рудольф и некоторые другие вздохнули с облегчением - ведь не придется делать всю грязную работу.

Офицер Барнс Альфред напомнил Вальтеру инструктора Рим Харнер (хотя и не совсем инструктора). Рим преподавала пару дней несколько раз в год, в основном когда все другие инструкторы болели либо были на заданиях. Ее любили все за методы преподавания, в которых она часто обраща-

лась к теме полезности навыков в реальной жизни, хотя она стремилась в командующие, а не в преподаватели для сопляков. А еще, возможно, ее любили за то, что она была ненамного старше их и находила с ними общий язык. Вальтеру, к примеру, было 16 лет, а ей - 24 года. Вальтер положил руку на плечо Рудольфа, который все еще стоял в удивлении от встречи с Барнсом и пришел в себя

только тогда, когда друг начал трясти его за плечо.

- А? Чего тебе? - спросил Рудольф.

- Я вспомнил, как ты рассказывал, что Рим недавно дослужилась до нового звания. Вроде бы младшего преофицера... или как там его?

- Вот еще что вспомнил. Она еще два месяца назад до этого звания дослужилась. - Рудольф замолчал, а после добавил, чувствуя подвох: - А ты чего спрашиваешь-то?

- Да вот подумал... Она же твой родственник, так, может, от этого нам что-то перепадет?

Рудольф усмехнулся.

- Хах, еще чего! Она мой очень дальний родственник, так что даже мои родители об этом узнали только от меня. Да и за то время, когда она у нас преподавала, я не припомню каких-то поблажек для нас или хотя бы для меня.

- А как ты вообще узнал, что вы родственники? У вас же фамилии разные, да и вы не похожи... Ну, только характерами смахиваете.

- Да я как-то в городском архиве засиделся и нашел что-то

наподобие справочника фамилий Килена. Ради интереса посмотрел, что там по Бисмаркам происходит. Я-то понимаю, что фамилия не редкая, но быстро нашел свою бабуку, а через нее случайно наткнулся на Рим. Даже не знал, что она из Килена.

Вальтер был удивлен. Ему казалось, что находить родственников - это очень простое дело, и они сами все находятся. Но на самом деле ты можешь дружить с человеком, а окажется, что он твой родственник.

- Наверное, там был не чисто справочник фамилий Килена, а еще и генеалогическое древо.

Рудольф ничего не ответил, а выглянул из-за угла, посмотрел на Барнса, который пытался привлечь внимание толпы к себе, а после вернулся к диалогу с Вальтером:

- Да мне без разницы, главное, что узнал это. Ну а фамилии разные в итоге потому, что от нее кто-то взял одну фамилию, потом другую, ну и так далее. Хах, помню лица родителей до сих пор, когда приехал на каникулы и рассказал, что узнал.

- А ты не интересовался у самой Рим, знает ли она об этом? Если бы знала, то, возможно, тебе что-то и перепало бы.

- Узнавал, конечно. На следующий же день. Тогда еще, если помнишь, у нас было всего несколько пар и все с Рим, а к 12 нас отпустили, потому что вести некому больше было. Я после занятий зашел в ее кабинет. В нем сильно воняло

мясом, а она сама сидела, закинув ноги на стол, и что-то такое же вонючее ела. Подхожу, дрожу так, будто передо мной не сестра дальняя, а Гиммлер или Геринг. Рассказываю, что узнал, а она так спокойно говорит: "Да я это уже давно знаю", - и отвечает на все мои вопросы так невозмутимо, прикинь.

- А как она сама это узнала? - раздался грубый голос.

Рудольф подумал, что это спрашивает Вальтер, но осознал, что голос подозрительно груб для его друга.

- Что за... - протянул он и посмотрел в сторону Вальтера, который глядел куда-то выше.

Повернув голову в другую сторону, он увидел Зигфрида, стоявшего рядом и скрестившего руки. Дурная привычка ненадежного человека - вступать в тот разговор, где этого делать вообще не нужно. Зигфрид был ненадежным напарником: за время обучения он часто вытворял всякую дрянь, и именно от него Вальтер и другие чувствовали, что в случае чего можно ждать нож в спину.

- Руд, да успокойся ты, я же не быю, - засмеялся Зигфрид, смотря на Рудольфа сверху вниз и взявшись за его шлем.

Бисмарк, сам того не понимая, пригнулся и выскользнул из "объятий" Зигфрида. Он не понял, к чему было это действие, но не придал значения. Лицо Вальтера оставалось серьезным, но он косо поглядывал на Зигфрида, будто ожидая момента, чтобы начать спор.

- Да, Руд, чего такая тряска? Вроде обычный вопрос... Еще раз спрошу: а как Рим-то узнала об этом?

Вроде бы в любознательности Зигфрида не было угрозы или насмешки, просто совершенно ненужный вопрос, и Рудольф хотел было ответить. Но этого было достаточно, чтобы Вальтер (и не только он) возмутился.

- Зиг. - Зигфрид поменялся в лице. - К чему такая любознательность? В чем суть вступать прямо в середину чужого разговора?

- А тебя что, волнует?

- Еще как волнует. Это, так-то, был мой разговор с Рудом, а не то что я просто посторонний и, как осел, встречаю там, где это не нужно, - ответил Вальтер, повернувшись к Зигфриду полностью.

Рудольф понял, что от него сейчас ничего не будет зависеть, и выскользнул между ними двумя, освободив пространство. Небольшими шагами Зигфрид начал подходить ближе. Спор, возможно с дракой, готов был развернуться в тот же миг, пока за Вальтера не вступился сначала Рудольф, который вообще старался уйти от разговора, а потом - Герда, Хуберт и даже не знакомые им другие новобранцы, увидевшие разгоревшуюся ссору. Все осуждали Зигфрида за его чрезмерное любопытство, на что тот пытался не реагировать, но все-таки сдался и сам отошел от Вальтера. Герда бросила ему что-то оскорбительное вслед, но это же Герда. Даже оскорбления от нее на самом деле были похожи на слова матери, которая ругает своего маленького ребенка за то, что он выбросил игрушку из люльки. Зигфрид готов был избить здесь

каждого, но после слов рыжеволосой

успокоился. Будто разъяренному быку вкололи успокоительное.

Пока Вальтер разговаривал уже не только с Рудольфом, но и с остальными, Барнс толкал свою речь митингующим. Он не знал многих деталей и даже того, из-за чего митингуют. Альфред надеялся на свою антиправительственную речь, которая всегда работала на успокоение толпы. Власти прекрасно понимали взгляды Барнса, но ничего сделать не могли: ведь если его казнить или посадить за решетку - Вегимия ослабнет. Между ним и властями сохранялся нейтралитет. Его никто не трогал, а он не поднимал солдат и народ на активные действия, хотя имел для этого силы.

"Дамы и господа. Я прекрасно понимаю ваше положение, ведь, несмотря на мой статус, я такой же человек, и у меня нет доступа ко всему. Страдаете не только вы, но даже те, кого вы ненавидите. Плохо всем. Искать виновных не нужно, ведь все, что происходит прямо сейчас - это результат Новобожия Гиммлера 1111 года, или же, по новой системе - 1 года новой эры", - Барнс, скрестив руки за спиной, начал ходить вперед-назад, рассказывая отрывок из истории мира для продолжения своей речи. "В 1099 году, когда крестоносцы напали на Иерусалим, старый бог умер. По миру прокатилась ударная волна, которая сожгла все, что имело отношение к любым верам... Иерусалим, Мекка, Киев, Рим и Константинополь были полностью уничтожены ударной волной,

а другие города из-за загоревшихся святых писаний горели три месяца".

Барнс ушел в свой рассказ об истории мира с головой, не замечая, о чем кричит толпа, и не обращая внимания на происходящее рядом. Шаткой походкой из-за угла вышел неизвестный мужчина. Его взгляд был пустым, но от этого и пугающим, а дрожащая походка, будто он чем-то болен, еще больше нагоняла жути. Человек, проходя через толпу людей, словно ее и не было, приблизился к офицеру Барнсу и вытащил из рукава короткий нож, но достаточно длинный, чтобы пробить череп и уничтожить важные части мозга. Замахнувшись, он хотел безмолвно убить Барнса, который заметил угрозу только тогда, когда толпа начала не выкрикивать вопросы по типу "И сколько это может продолжаться?", а именно кричать от ужаса. У Барнса не было ни времени, ни сил, чтобы отразить или даже увернуться от удара, дабы не получить серьезного урона.

Новобранцы все так же стояли за стеной и разговаривали о своем, только Вальтер и Герда иногда поглядывали в сторону толпы, дабы убедиться, что все в порядке. После очередной глупой шутки Хуберта, над которой рассмеялись почти все, Вальтер обернулся на крик ужаса толпы и увидел замахивающегося ножом мужика. "Дерьмо", - подумал Вальтер и начал оглядывать лица остальных и друзей, пытаясь увидеть, что кто-то готовится остановить убийцу. Но люди либо не заметили вовсе, либо только заметили и делали все то же са-

мое, что и Вальтер - смотрели на лица других в надежде, что кто-то сделает это за них. Вальтер не хотел никого убивать, он надеялся, что за всю жизнь ему не придется этого делать, но либо он убьет сейчас, либо их самих покарают, и он будет нести на себе груз ответственности за то, что не спас Барнса.

"Почему именно мне приходится это делать?!" - прокричало что-то в его голове, и он схватил не свою винтовку, а рядом лежавшую противочервивую винтовку. Это был более крупный аналог обычной винтовки, созданный специально для уничтожения бронированных червей, которые перестали подчиняться. Схватив ее, он едва устоял, чтобы не упасть, потому что эта винтовка была создана для стрельбы в положении лежа или сидя. Вальтер прицелился точно в голову. В момент спуска курка на его левом глазу выступила слеза, и он тихо сказал: "Прости".

Выстрел. Большая вспышка света и громкий звук ослепили всех присутствующих, а Вальтер от огромной отдачи не устоял и упал на землю, а винтовка едва не придавила его.

Выстрел попал прямо в цель. Голова мужчины от такого попадания не то что разлетелась, а была полностью уничтожена. Не было осметков плоти и мозга - только кровь, которая фонтаном разлетелась во все стороны, испачкав Барнса и нескольких митингующих. Тело мужчины рухнуло на месте, как будто ребенок пытается поставить на ноги плюшевую игрушку. Часть толпы разбежалась еще тогда, когда он достал нож, а сейчас митинг был полностью разогнан, и лю-

ди убегали с криками.

Барнс даже после выстрела стоял на месте и смотрел вверх, туда, где был нападавший, а его одежда и лицо были залиты кровью. Подобные случаи для него в молодости не были редкостью, но страх и отвращение от этого даже спустя годы не вернулись к нему. Простояв в таком положении еще несколько секунд, он перевел взгляд на истекающий кровью безголовый труп, а потом повернулся в сторону новобранцев, которые уже подходили к нему, пока другая часть (среди которых был Рудольф и даже Зигфрид) приводила в себя Вальтера после выстрела.

- Вот оно как, - сказал вслух Альфред, пока новобранцы расспрашивали, все ли с ним в порядке.

Вытерев платком усы и лицо от крови, офицер ответил, что с ним все нормально, и попросил показать того, кто спас его от ножа. Рудольф, услышав это, помахал рукой Барнсу, подзывая его к Вальтеру, который уже стоял на ногах, но все еще находился в ступоре. Не каждый же день ты сносишь голову человеку из бронебойной винтовки, спасая офицера.

Барнс подошел к Вальтеру, оставляя за собой кровавые следы - он наступил в лужу крови.

- Ну же, парень, приди в себя, - просил его офицер, попутно вытирая платком остатки крови на лице.

Вальтер опустил взгляд сначала на его карман, который тут же пропитался кровью от положенного в него платка, а затем - в спокойные глаза Альфреда, будто это происходило

каждый день.

- Здравствуйте, - протянул он, а потом добавил: - Что со мной будет?

Барнс немного наклонился и глянул на свои наручные часы, будто у него было строго отведенное время. Заметив это действие, Герда и Дайон словно запаниковали и тоже глянули на свои часы.

- Ничего за это не будет, я это обещаю. Да и без моих обещаний тебе ничего не было бы... Как там тебя... - Барнс запнулся, желая узнать его имя.

Его быстро понял кто-то в самом конце и ответил: "Вальтер".

- М-м, Вальтер. Вальтер, к тебе никто не подойдет с вопросом, зачем ты это сделал, все вопросы я решу, поверь мне. А сейчас сходи с остальными куда-то, проветришь. Тебе это необходимо, - закончил Барнс и подошел к труп, из которого уже вытекла практически вся кровь, и начал ждать, по всей видимости, других полицейских, которые бежали на выстрел.

Вальтер слышал абсолютно все, сказанное Барнсом. Он не боялся последствий - он убил человека, который, возможно, просто был не в своем уме, и его можно было остановить, не убивая, а затем отправить на лечение, где он показал бы, что он самый обычный человек. Сейчас где-то сидит его жена, мать, дети и ждут его, а он лежит без головы. Парень снова впал в ступор и даже не заметил, как его взяли под руки

Рудольф с Хубертом и они пошли всем отрядом куда-то.

- Да ты, Вальтер, герой. Спас офицера. Даже забавно - он подавлял восстания, а сам чуть не откис от придурка с ножом, - шутил Рудольф.

- Да вообще круто поступил, Вальтер! Еще чуть-чуть, и его убили бы, и никто даже не отреагировал бы, пока ты не взял все в свои руки, не схватил бронебойную винтовку и как...

- А не кажется ли тебе, что Вальтер не очень гордится этим? - Хуберта прервал женский голос.

Обернувшись, Рудольф и Хуберт увидели сначала огненные волосы, идущие позади них, а опустив взгляд вниз - увидели Герду, которая, как всегда, переживала за других больше, чем они сами.

- Вы не видите, что Вальтер не хотел этого делать и он не гордится этим? Может, стоит оставить его со своими мыслями? - возмущалась Герда.

Рудольф почесал затылок и молча согласился с ней, а Хуберт спросил, как можно не гордиться таким поступком, на что тут же получил злой взгляд Герды и косой взгляд

Рудольфа. Подходя к казармам, Герда и Дайон (их общий друг) посмотрели на свои часы, пошептались и сказали всем, что у них есть дела в городе.

Вальтера практически несли. Он пытался перебирать ногами, но они стали словно ватными, и он запутывался в них же. "Я - убийца", - твердил голос в голове. Он, который всю

жизнь хотел всего лучшего для обычного народа, самым первым среди своих знакомых военных убил этого самого простого человека.

Секретный военный штаб под названием "Шертхальм" - это тайное место подготовки командующих, а также штаб принятия решений по контрразведке и экстренным ситуациям. Он находится в лесах вблизи Нового Смертоберга, а сам объект маскируется под заповедную зону для неудавшихся генно-модифицированных червей. Занятия контрразведкой происходят лишь на бумаге: на самом деле они следят за внешними, нечеловеческими угрозами для Вегиммии и коалиции с Белпольшей. Больше всего внимания они приковывают к Черной Орде - государству-паразиту на землях бывшей Гипербореи, которое целиком и полностью состоит из черной биомассы, поглощающей все неживое на своем пути, а живое берущей под свой контроль. Несмотря на все попытки изучить историю происхождения Черной Орды, единственное, что известно - так это то, что это коллективный разум, и этот черный рой стремится поглотить и терраформировать под себя весь мир. Известно, что "дышащая плоть" и "черная плоть" - скорее всего, одно и то же, но черная плоть - это более опасный аналог первого.

Белпольша еще с самого возникновения Черной Орды была живым щитом Европы, сдерживая Орду и даже преуспев в этом. Но на горизонте замаячила угроза. В Балтийском море была замечена подозрительная активность: как считают мно-

гие члены штаба, это черная плоть, движущаяся к берегам Вегиммии. А еще страшнее то, что почти все командующие, офицеры и разведчики находятся на границе с Францией, и ситуация полностью лежит на плечах нескольких молодых офицеров.

Не все в штабе занимаются выявлением угрозы со стороны Черной орды. Как было сказано ранее, это также центр подготовки командующих, и в нем обучается Рим Харнер. Ее не привлекают к вопросам, связанным с Ордой, но она входит в список тех, кто будет принимать решения, если всей верхушки не будет рядом или она погибнет раньше времени.

Штаб был практически пуст: только пара рабочих проходила по коридорам. Они, как и Рим, пользуясь отсутствием верхушки, занимались чем угодно, но не работой. Рим стремилась полжизни в командующие и, как сейчас Вальтер, когда-то тоже сражалась за идею. Но времена идут, и сейчас она здесь из-за высоких зарплат, безопасности и высокого статуса в обществе, который, в силу и без того ее скверного характера, позволял ей вести себя еще более деспотично.

До конца работы оставалось еще несколько шагов, покинуть ее единственным людям в

штабе мешали очень назойливые и упертые охранники, поэтому остаток смены Рим решила проспать в своем кабинете. Стук ее ботинок был единственным звуком на весь корпус, нагоняющим не самые хорошие мысли: "А вдруг Орда высадится?". Но эти мысли были вмиг развеяны, когда де-

вушка вошла в свой кабинет и увидела мягкий стул. На смену им пришли другие думы: "В штабе будто никого больше нет, кто мог бы взять на себя это. Здесь, наверное, есть несколько человек выше меня по званию". Под скрип пола Рим бросила на стол шлем, который обязательно носили даже в штабе (что не могло ее не бесить), и села на стул, запрокинув ноги на стол. В штабе никого не было весь день, и она была предоставлена сама себе без указаний, но почему-то устала, и старый стул, который был сделан еще при Крюгере, показался мягкой кроватью.

Кажется, сиди и спи, но нет. Рим услышала звук бега по коридору, будто бежало несколько испуганных человек. Опустив ноги со стола, девушка стала ожидать момента, пока этот табун пробежит мимо, но дверь была буквально открыта с ноги, и на пороге встали единственные люди, которые оставались в штабе. Все в один голос, испуганно и громко сказали:

- Связываемся с остальными и министерствами, Орда в километре от берега Данцига!

Глава 2. Гниль в правительстве

История циклична. Человечество вновь встретило своих врагов, от которых избавилось уже очень давно. Люди успели забыть, каково это - переживать каждый день как последний. Черная плоть, словно черная краска, плыла в сторону Данцига, смотря своими тысячами глаз на город. Скоро коллективный разум должен был пополниться новыми рабами. Хотя до берега оставался еще километр, жители города уже увидели черную воду с зубами и глазами, которая плыла прямо на них. Город охватила паника. Проповедники Гиммлера, помешанные на вере, предрекали четвертый удар, крича об этом, пока мимо них бежали и кричали люди. Били колокола: те, что возвещали о чрезвычайной ситуации и призывали граждан обратить на это внимание, и те, что стояли на гиммлеровских храмах. Новый судный день настал. Никто из граждан не видел вживую черную плоть, но каждый знал, на что она способна. Дышащая плоть, которую до запрета использовали в качестве подогрева и главного источника энергии, сама по себе была опасной и являлась основной угрозой после второго удара, а черная плоть - еще хуже. Из штаба Шертхальм на блокпосты на окраинах города был отдан приказ - не пропускать граждан до прибытия полиции, солдат и других мобилизованных войск. Тех, кто пытался сбежать из города, убивали на месте. Первая смерть случилась не от по-

глощающего роя, а от таких же людей. Людям на блокпостах не объяснили, что происходит, только сказали, что "в городе есть зараженные - никого не впускать и не выпускать".

В штабе находилось всего четыре человека, принимавших участие в операции по спасению Данцига, но даже так паника была поднята большая. Сильно паниковали трое из них. Не боялся (или делал вид, что не боялся) старший по званию высший офицер специальных групп Ян Пилсудский. Он, как и Барнс, был знатоком своего дела. Но вместо войны с другими людьми он воевал с червями и их же приручал, руководил белпольскими полками при сдерживании набегов Орды и делал еще много чего, с чем не справились бы обычные офицеры. Остальные же носились по штабу и пытались связаться с командующим и министерствами по поводу срочного переноса совещания относительно приближающейся плоти. Совещание должно было состояться только через несколько часов, и на нем присутствовал бы Барнс, но Орда прибыла раньше.

Окружающие все еще находились под действием паники, но наиболее рациональным и здравомыслящим оставался Колът. Обычный офицер, как и Рим, он, однако, обладал навыками в тактике и стратегии лучше, чем кто-либо из присутствующих. Его не повышали по одной причине: его родственники были участниками восстаний при Крюгере. Но насколько хороши были его познания в бою против не-человека? Ян мог бы самостоятельно скоординировать все дей-

ствия и срочно созвать совещание, но ему попросту не давали это сделать, а сам он постоянно ходил где-то сзади - впрочем, он был и не против. "Стадо идиотов", - думал он про себя. Последним человеком в этой "компании" была Шарлотта Гутенберг. Ничем не примечательная девушка, которая находилась здесь в качестве проповедника. Ее бы давно выгнали из штаба, но она оставалась там из-за родственников, которые занимали посты высших проповедников в Вегимской церкви Гиммлера, а также имела некоторые знания по поводу Черной Орды и плоти.

Средств для связи практически не было, а если они и имелись, то нужно было ждать очень долго, и за это время Данциг просто поглотила бы плоть. Одним из доступных методов была система колокольных ударов, и эта система имелась в штабе. О наличии этой системы здесь знал только Кольт, но не сказал об этом никому, так как думал, что в штабе есть более легкие способы связи (хотя новость о приближении плоти к берегу самым первым узнал именно он через эту систему), за что получил оскорбление от Яна и косые взгляды Рим с Шарлоттой, ведь это лишь затягивало время. Кольт повел за собой всех троих и по пути приговаривал, что вот-вот - и они будут на месте. Вышку нашли только тогда, когда Кольт стукнулся лбом о деревянное строение и, подняв голову, увидел ее.

- Пришли. Залезаем по очереди по этой лестнице, а дальше действуем так, как скажу я, - сказал Кольт и отступил от

лестницы, освобождая путь всем остальным.

Без вопросов первым из самого конца их "строя" полез по лестнице вверх Ян, за ним - Шарлотта, а последней была Рим. Переступив несколько ступеней, она остановилась и начала задавать Кольту достаточно глупые вопросы.

- Ты либо слепой, либо как ты не заметил эту вышку, так еще и врезался лбом? Она же вот такая высокая, - сказала Рим, посмотрев вверх и оценивая высоту вышки.

- Из-за высоких деревьев ее не было видно. Так делают, чтобы враг не уничтожил линии связи.

Рим поднялась на несколько ступенек вверх, давая возможность самому Кольту залезть на первую ступень, но после продолжила:

- Ну а как можно было ее не заметить впритык и удариться? Это еще одно доказательство твоей слепоты, Кольт.

Рим сняла свои очки и помахала ими перед Кольтом.

- Рим, если ты сейчас же не замолчишь и не залезешь на эту вышку, то твои очки и ты сама полетите вниз с этой лестницы, - повысив голос, сказал он и подтолкнул Рим рукой сзади. Кольт был спокойным и рассудительным человеком, но если его злили, то он мог сказать много лишнего.

- Ай! Совсем никакого уважения к женщинам у тебя, - высказав свое замечание, девушка продолжила взбираться на вышку, а в конце ей подала руку Шарлотта и помогла быстрее залезть.

Кольт, взобравшись на вышку, оценил обстановку: Шар-

лотта осматривалась по периметру, Рим сидела на платформе и снимала с ладоней содранную от лестницы краску, а Ян ходил вокруг огромного колокола из неизвестного металла. Не успел Кольт рассказать план действий, как Ян начал предполагать, что именно надо будет делать.

- Кольт, я полагаю, ты будешь звонить в этот колокол на каком-то языке?

- Да. "Колокольный язык", так и называется.

Шарлотта вклинилась в разговор:

- А как сообщение дойдет до министерства и остальных присутствующих на совещании? Они же сейчас, наверное, в нескольких десятках километров отсюда.

Кольт показал пальцем куда-то в сторону. Все тут же посмотрели туда.

- На расстоянии нескольких километров отсюда есть еще одна колокольня. Там сидит часовой, который, услышав наше сообщение, должен повторить его и в конце добавить наши координаты. Другой часовой в нескольких километрах от него должен сделать то же самое, и так до тех пор, пока оно не дойдет до ближайшего центра связи, откуда сообщение переадресуют адресату.

- А что от нас требуется, Кольт? - спросила Шарлотта.

- От вас? Ян, ты поможешь мне бить в колокол. Ты, Чарли, знаешь ведь колокольный язык?

- Я? Да, знаю. Еще в детстве в храме меня обучали ему.- Вот и отлично. Составишь сообщение и по моей команде

продиктуешь его по символам.

Кольт подошел к колоколу, который все это время осматривал Ян. Кольт взял рядом висящую веревку, за которую нужно было дергать в определенном направлении для того, чтобы колокол издавал определенный звук, означающий символ, из которых собираются слова.

- Смотри, как надо, - сказал он, подзывая к себе Яна.

В стороне от всех сидела Рим, свесив ноги с платформы и бросая шишки на землю. Она была не против того, что ее не трогают, но в то же время ей было обидно, что на нее даже не обратили внимания.

- А про меня, я так полагаю, все забыли, да? - спросила Рим и тут же получила ответ от Чарли:

- Да ладно тебе. Сидишь, ничего не делаешь. Наоборот хорошо, скоро ведь и секунды не будет, чтобы отдохнуть. - Она сказала это, намекая на скорое совещание, на котором, скорее всего, будут решать, на кого возложат ответственность по разрешению ситуации в Данциге.

Ян дополнил слова Шарлотты:

- Да от тебя помощи как от козла молока. Сиди и дальше свои шишки бросай, а если останемся живы через несколько дней, то изучи, как работает эта чертова система связи.

Для Рим это было чуть ли не оскорблением ее матери и детей, которых у нее никогда не было. Вскочив со своего места, она хотела рассказать Яну занимательную историю о его родных, но успела сделать лишь два шага, как Кольт спросил

у Чарли, готово ли сообщение, и выкрикнул:

- Откройте рты, чтобы не так сильно глушило! Ян, начинаем!

Чарли начала читать непонятные для Рим символы, а Ян просто повторял движения Кольта. Колокольный звон распространился по округе, оглушив Харнер, так как она ничего не сделала, чтобы приглушить этот звук. От громких ударов колокола птицы с чириканьем улетали с веток деревьев. Полностью закончив, все, кроме Рим, начали вслушиваться, ожидая ответа. Спустя десять секунд они слышали достаточно глухой, но различимый стук колокола. Сообщение было успешно отправлено, и вскоре должны были прибыть министры и некоторые члены военного руководства.

Сообщение было доставлено очень быстро, и все четверо ждали приезда на дорогах повозках и породистых лошадях военного руководства и министров. Больше всего ситуацию усугубляло то, что те понятия не имели, что прямо сейчас происходит в Данциге и жив ли он вообще. Никто из них не знал о поведении черной плоти на воде. Шарлотта предполагала, что плоть движется по воде со скоростью несколько сотен метров в час, а Ян, используя знания о скорости передвижения плоти по земле, считал, что город уже давно был заражен. Всем не давал покоя вопрос, что будет на совещании. Но все сошлись во мнении, что там решат, на кого скинут ответственность, и уже морально готовились к грядущей операции по спасению Данцига. Куда легче будет действо-

вать в том случае, если заранее подготовиться, - Кольт уговорил всех составить план операции. Но даже здесь появилось большое количество противоречий. Кольт считал, что держать оборону города нет смысла и нужно эвакуировать всех, кого можно, а потом замедлить наступающего врага. Ян настаивал на необходимости мобилизации береговой охраны и флота, а также организации обороны по берегу. Рим и Чарли по сравнению с ними были просто детьми, ничего не смыслящими в военной тактике, и пытались привести их к компромиссу и разработать наиболее эффективные и безопасные меры. Дальше споров о выборе тактики дело не пошло - приехали министры и военное руководство! В штаб забежали двадцать человек, на которых были опознавательные знаки: здравоохранение, общее военное руководство и МЧС, а Шертхальм был представлен независимой от военного руководства силой для решения ситуации (остальное руководство Шертхальма не прибыло, поэтому все легло на Кольта, Яна, Рим и Чарли). Шертхальм был последним, кто входил в конференц-зал, и почти перед самым входом Кольт остановил Рим и Яна, положив им руки на плечи и заставив обернуться. Смотря на входящую в зал Шарлотту, Кольт шепотом сказал им двоим:

- Прошу вас, не высказывайте раньше времени. Мы даже не подготовили речь, мы не в состоянии вести долгую дискуссию. Прошу вас, говорите тогда, когда настанет наша очередь.

Не став слушать вопросы, он прошел вслед за Чарли и сел на свое место за очень большим круглым столом, в центре которого стояла ваза с цветами. Когда все расселись по своим местам, первым свою речь начал Кольт. Послышался скрип стула об пол, и со своего места поднялась высокая фигура. Кольт начал говорить без бумаги, пока у всех остальных перед глазами лежало огромное количество документов. Взор всех присутствующих пал на Кольта - высокого человека для своего времени (180 см) с ярко выраженным шотландо-английским акцентом, типичным для шотландской нации темным цветом волос и медными глазами.

- Мы собрали вас всех раньше времени сюда, так как подтвердилась информация о приближении Черной плоти к берегам Данцига. По нашим данным, несколько часов назад она находилась в километре от берега, а что происходит сейчас - нам неизвестно. Шертхальм имеет в своем распоряжении базу из опытных военных, сталкивавшихся с Черной Ордой, но прямо сейчас все они отсутствуют и даже банально не выходят на связь. Неизвестно, в порядке ли они. Шертхальм хоть и выступает в качестве основного инструмента против последствий первого, второго и третьего ударов, а также противодействия Черной Орде, но прямо сейчас мы не способны взять ситуацию в свои руки.

Кольт закончил свою речь и молча сел на свое место. Присутствующие пошептались, и после выступило общее военное руководство:

- Мы выступаем за принятие основных боевых решений для защиты суверенитета Вегиммии и альянса против наших врагов. Ситуация прямо сейчас требует военного вмешательства, но такими вопросами во всей Вегиммии занимается только Шертхальм и несколько баз ученых. Но, принимая во внимание их положение, мы считаем, что взять на себя руководство ситуацией должно здравоохранение. Черная плоть является таким же живым существом, а биология - это сфера здравоохранения.

После речи общего военного руководства обстановка в зале начала принимать менее официальный формат. Со всех сторон, кроме Шертхальма, друг другу задавались вопросы: "А почему мы?". После нескольких минут таких перекрикиваний представители здравоохранения выступили со своей речью, которая также была далека от официального стиля:

- А почему именно мы? Мы занимаемся здоровьем человека и человеческого тела, а не чем-то иным. Тем более у нас не имеется ресурсов и связей для организации хотя бы эвакуации. Этим должны заниматься военные и МЧС!

Ситуация полностью вышла из-под контроля. Все обвиняли друг друга и перекладывали ответственность, не пытаясь найти компромисс. Члены Шертхальма сидели на своих местах и молча наблюдали за происходящим. Ян сказал обычным голосом, так как все равно их никто не слушал:

- Эти придурки только казну делить умеют.

Кольт вместе с Рим готовили аргументы на случай, если

придет и их очередь, а Чарли сидела с таким видом, будто ребенка отчитал учитель. Спор в зале длился еще несколько минут, пока одна из сторон не произнесла:

- А почему этим не займется Шертхальм? Они военные, они занимаются Черной плотью, и в их силах организовать эвакуацию!

С этого момента со всех сторон, даже со стороны военного руководства, начали лететь в адрес Шертхальма обвинения и требования взять ситуацию в свои руки.

- У вас должна быть связь с руководством. У вас имеются опытные военные, к примеру вы: Ян и Кольт, - были их основными аргументами. Рим вместе с Кольтом пытались что-то доказать им, но силы были не равны. Рим, как и ожидалось, "взорвалась" в первые же секунды своей речи, и пока Харнер чуть ли не оскорбляла министров, Кольт, хотя тоже легко раздражался, держался и пытался адекватно все объяснить. Их судьба была предрешена еще в самом начале, но они смогли получить для себя некоторые уступки благодаря Шарлотте. Она все это время сидела молча, но, когда Рим и Кольт уже почти смирились с безуспешными попытками снять с себя ответственность, девушка вскочила с места и громче всех начала свою речь:

- Шертхальм готов взять на себя полную ответственность и вину за трагедию в Данциге, а также обязуется ее ликвидировать. Но напомним, что это совещание должно было собираться только через несколько часов и вопросы должны бы-

ли обсуждаться с командующими Шертхальма, в ходе чего мы бы не решали, на кого скинуть ответственность, а совместными силами спасали город. Мы понимаем, что совместного участия в ликвидации не будет до прибытия командования, но выделите для этой операции Шертхальму часть своих ресурсов. Если этого не сделать, то Данциг быстро падет, весь Шертхальм казнят, а потом ответственность за падение города падет на вас по очереди. Прошу, выделите ресурсы!

Чарли замолчала, осмотрела весь зал, который не то чтобы затих, но перестал пытаться перекрикивать друг друга, и села на свое место. Никто со стороны Шертхальма, даже Рим, не посмел возразить Шарлотте, поскольку все понимали, что решать проблему все равно придется им, а так Чарли хотя бы попыталась облегчить ношу их стороны. Общее военное руководство замолчало, а после начало перешептываться, а следом за ним затихли и все остальные стороны.

Уже другой человек, представляющий общее военное руководство, наконец-то встал и огласил свой вердикт, который означал бы: жить ли Шертхальму или же его казнят.

- Мы, общее военное руководство, удивлены, что на подобные речи способны не только Кольт и Ян, но и остальные члены Шертхальма. Мы согласны оказать вам военную поддержку в виде нескольких отрядов военной полиции, огнеметных полков и обычной пехоты, а также организовать линии снабжения. Суммарно это около пятисот солдат, учи-

тывая, что у вас есть свои силы. Также мы предлагаем здравоохранению и МЧС последовать за нами и оказать помощь Шертхальму.

Чарли переполняла эмоции - она смогла убедить военное руководство оказать им помощь, хотя даже не была офицером. От радости девушка захлопала, будто это говорил король Вегиммии, а не просто военная верхушка, которая снисходительно оказала им помощь. Она хлопала в тишине, в одиночестве, и лишь когда краем глаза заметила осуждающие взгляды своих напарников, прекратила. Когда Чарли перестала хлопать, представители МЧС и здравоохранения, не вставая со своих мест, ответили военным в такой же неофициальной манере:

- Это не наши проблемы, и у нас нет подходящих ресурсов. Если все решили, что Шертхальм должен это расхлебывать, то так тому и быть. Совещание окончено.

Не став дожидаться официального заявления о завершении, министры встали и пошли к выходу, а в зале остался только Шертхальм и военное руководство.

- Паскуды, сами же потом будут просить нас спасти их, если их окружают, - сказала Рим, получив поддержку только от Яна.

Кольт, который почти все время представлял Шертхальм, подошел к военному руководству и задал прямой вопрос:

- Когда Шертхальм может ожидать поддержку? Ситуация требует немедленной мобилизации солдат. Он подошел к од-

ному из членов военного руководства и задал этот вопрос, но его перенаправили к другому человеку, который ни разу не говорил на совещании, и Кольт повторил свой вопрос.

- Мы мобилизуем нужные силы сразу же, как у нас появится доступ к быстрой связи. Но это будет небыстро, поэтому для ускорения мобилизации вы сами должны объехать хотя бы несколько казарм.

Военный достал из дипломата небольшую бумажную карту Пруссии с очень большой легендой.

- Смотрите, - подозвал военный Кольта, - здесь, в городе Тчев, находится несколько казарм военной полиции, суммарно сто полицаев, из которых сорок - новобранцы. Вот здесь - Бломберг. Здесь базируются сорок огнеметчиков, а также триста шестнадцать пехотинцев. Все это мы выдаем под ваше распоряжение, пока не прибудет командование Шертхальма... Мы свяжемся с солдатами в Бломберге, а вы езжайте в Тчев, там и солдат меньше.

- Благодарю, - коротко ответил Кольт, развернулся и пошел в сторону напарников. Вслед ему кто-то в самом конце толпы из военного руководства выкрикнул:

- Передайте той девушке, что она сделала больше, чем весь Шертхальм вместе взятый!

Кольт, да и не только он из Шертхальма, услышав это, помрачнел. Исключением стала Чарли. Она, как ребенок, несколько раз подпрыгнула, размахивая руками, отчего ее волосы с бордовыми прядями развеялись в стороны, и за-

кричала:

- Я люблю вас!

Военные полицаи, независимо от места выполнения работы, содержались в казармах на двадцать человек; даже если в городе у них был свой дом, они жили здесь. На дворе уже стояла ночь, но в казармах до сих пор горели керосиновые лампы - еще детское время. Несмотря на имеющийся график, который вплоть до штрафбата запрещал шуметь по ночам, в коррумпированной военной полиции ему никто не следовал, и из помещений были слышны громкие разговоры и смех. Отряд новобранцев проживал в своей собственной казарме, в которой молодые полицаи не на шутку разгулялись. Хуберт и Герда, как обычно, в это время уже спали, Зигфрид разговаривал о чем-то со своей компанией, при этом не подпуская никого к себе ближе, чем на метр, а Рудольф устраивал сомнительные игры с остальными новобранцами. Единственными, кому было не до веселья, оставались Вальтер и Герда. Вальтер все еще не мог переварить случившееся днем, когда он застрелил из бронебойной винтовки обычного человека. Он сидел на втором ярусе своей общей кровати с Дайоном и молча смотрел в пол. Герде было беспокойно из-за Вальтера, его переживания она принимала как свои. Она сидела рядом с ним и положила руку ему на плечо, забравшись на второй ярус под предлогом: "Тут спокойнее, чем внизу".

- До сих пор думаешь об этом?

Герда, как и ожидала, не получила ответа, но продолжила,

не рассчитывая на взаимность:

- Ты поступил правильно, Вальтер. Не только потому, что ты спас Барнса, а еще...

Девушка не смогла подобрать подходящие слова, чтобы сделать свою речь более утешающей, но Вальтер впервые за последнее время смог что-то сказать:

- А еще почему? Какая может быть другая, правильная причина моего поступка?

- Ты сделал это ради нас. Нас всех. Идеальным рычагом оказалось упоминание целей Вальтера. Он, несмотря на все пройденное, до сих пор старался выполнять первозданный долг военной полиции: помогать народу и сослуживцам. Но Вальтер вместо осознания сказанного перевел диалог в совсем другое русло и заговорил в такой манере, в какой практически никогда раньше не изъяснялся:

- Почему ты пытаешься всем угодить, Герда? Неужели ты понимаешь свою беспомощность и бесполезность в нашем отряде, которую пытаешься скрыть помощью остальным?

- Что? Что ты такое вообще говоришь? С каких пор доброта считается попыткой спрятать свою бесполезность? Напомнить, у кого были одни из самых высоких баллов при обучении?

Герда и в самом деле была достаточно бесполезной. Ни физической силой, как у Зигфрида, ни высокими тактическими навыками, которыми обладал, к примеру, тот же Вальтер, она не отличалась. Но и доброй и понимающей ко всем

она была не от осознания этого, а действительно в силу своего характера. Слова Вальтера показались ей бредом, но, немного подумав, она действительно начала осознавать свою бесполезность, хотя и не хотела этого.

- Даже если я бесполезна и добра только потому, что "хочу показаться полезной", то почему многие обращаются ко мне и действительно чувствуют себя лучше? Была бы я такой, ко мне бы не обращались. Вальтер, это обидно.

Вальтер начал осознавать все, что он наговорил этому клубку счастья и доброты. Это вовсе не было похоже на него, что пугало его самого.

- Думаю, ты права. Но вопрос остается открытым: какая была причина моего поступка?

Герда хотела дать ответ, как вдруг с первого яруса выглянула голова Дайона.

- Если бы это сделал не ты, то сделал бы кто-то другой, твой друг. Ты взял на себя чувство греха за другого. Представь, что сейчас было бы с Хубертом или Рудом, если бы они сделали это?

Дайон имел с Гердой необычную связь, которую замечали все служащие. Они понимали друг друга, едва начав разговор, и, прямо как сейчас, дополняли слова другого. Возможно, между ними что-то и было, но подтвердить это никак нельзя. Сказать одно можно точно - они были очень хорошими друзьями.

Сказав это, Дайон залез к Герде и Вальтеру на второй ярус

кровати. Герда хотела сказать все то же самое, но он ее опередил. Улыбнувшись, девушка продолжила:

- Сегодня ты взял на себя эту ответственность, а завтра мы поможем тебе. Ты можешь на нас положиться: на меня, Дайона, Руда, Хуберта, даже Зигфрида и всех остальных.

Вальтер наконец осознал это. Он молча улыбнулся и поднял взгляд к потолку, протирая глаза от сухости, вызванной душным воздухом от двадцати человек в небольшой полицейской казарме. Слова Герды и Дайона не полностью успокоили Вальтера, но ему определенно стало легче, и у него впервые за шестнадцать лет появилось противоречие в его взглядах: "Если человек, как мне кажется, плохой, то является ли он таким на самом деле? Солдат страны врага просто выполняет приказ, прямо как я. Существуют ли плохие люди на самом деле?".

Входная дверь резко распахнулась и с грохотом ударилась о рядом стоящую тумбочку. Все встали по стойке смирно, думая, что пришел кто-то из командующих и сейчас их всех отправят в штрафбаты за нарушение режима, но на пороге стоял обычный полицейский. Как только это поняли, все ожидали, что он попросит еды или воды, как это бывает обычно, но он испуганным голосом произнес: "Все на плац!" - и побежал предупреждать остальные казармы, так же врываясь в них. Новобранцы впали в ступор - ранее такого никогда не происходило, даже на учениях. Списать на шутку старших тоже никто не мог, так как если те и шутили, то

обычно в нетрезвом состоянии, а сейчас... Не найдя другого объяснения, да и получив приказ, вся казарма в домашней одежде выдвинулась к сцене, которая находилась на улице. Предупредили не только их, а вообще все здание. По коридорам шли другие отряды, которые также ничего не понимали и смотрели на проходящих рядом с такими же недоуменными взглядами. Когда они вышли к сцене, у нее уже стояло несколько отрядов, кругами ходили несколько полицейских с винтовками, а на самой сцене стояли пять человек, одетых в именную форму штаба Шертхальма. "Это точно не розыгрыш", - думали пришедшие из казарм полицейские.

Отряд новобранцев, стоял недалеко от сцены, и все присутствующие смогли разглядеть тех, кто находился на ней: Барнса, Рим, Яна, Кольта и Чарли. Для присутствующих Чарли была незнакомкой, в то время как всех остальных знали за их заслуги или, как в случае с Рим, за ее прямую связь с ними. При виде тех, кто стоял на сцене, в головы начали пробираться не самые хорошие мысли и осознание того, что их сейчас отправят воевать, но оставался вопрос - куда. Все перешептывались и ждали, когда руководство начнет говорить. Убедившись, что все казармы пусты, из здания выбежал один из полицейских, который крикнул: "Все на месте!". Кольт, сделав шаг вперед, громко начал рассказывать, почему всех собрали:

- Это не учения. У берегов Данцига была замечена черная плоть, которая приближается к городу. Что происходит

прямо сейчас в городе - неизвестно, возможно, он уже давно пал, поскольку сообщение о приближении мы получили днем. Правительство назначило Шертхальм для ликвидации угрозы в Данциге, выделив вас и другие группы солдат из разных городов. Город, в котором многие из вас выросли, находится в опасности, и медлить нельзя. Прямо сейчас вся часть отправится со мной и другими опытными командующими на ликвидацию угрозы. Что нас ждет - неизвестно. Возможно, нам придется лишь эвакуировать город и не нужно будет сражаться, а может, мы все погибнем за него. Командовать операцией будут опытные военные: я, Ян Пилсудский, Рим Харнер и Альфред Барнс. Несмотря на наш опыт, мы не можем гарантировать успех операции, но каждый, кто примет в ней участие, будет удостоен звания героя Вегимии.

Паника среди полицейских началась сразу же, как только Кольт сказал про черную плоть в Данциге. Кого-то напугало то, что придется воевать с тем, о чем ничего не известно, кто-то боялся за свой город, кто-то - просто за свою жизнь, и было еще множество причин. Отряд новобранцев (они были единственными новобранцами в этой части) стоял на месте, только иногда перешептываясь, и будто ждал действий окружающих. Но в головах у них творился суший кошмар. Хуберт, который был родом из Данцига, просто стоял в ступоре от осознания того, что с его родителями могло что-то случиться. Рудольф и Зигфрид боялись за свои жизни, к то-

му же Зигфрид тоже был родом из Данцига. Единственными, кто не боялся отправиться в город, были Вальтер, Герда и Дайон. Остальные члены отряда волновались не меньше других. Три друга Зигфрида - Макс, Магнус и Курт - сразу же решили, что сбегут, как только появится возможность. София и Клаус, как серые мыши в отряде, просто смирились со своей участью, так как терять им было просто нечего, а у Магнуса, который был как второй Вальтер и сражался за идею, тут же сломались все его представления, и он захотел вообще уйти из военного дела.

- Эй, Руд, что ты будешь делать? - спросил стоявший рядом с Рудольфом Вальтер, который осматривал каждого из своего отряда. Дольше всего он смотрел на лица - по ним можно было понять намерения человека, но Вальтер решил убедиться в этом, спросив друга.

- Я... не знаю. Будет возможность - убегу.
- И зачем ты тогда вообще шел в военную полицию?
- Вальтер, я тебе объяснял свою позицию кучу раз.
- Но ты же должен был предполагать, что тебе все равно придется делать что-то подобное.

- Предполагал, но в мои задачи входит разгон митингов и карательные операции, а не чертово уничтожение черной плоти!

Осознание пришло к Вальтеру. Действительно - это не входит в их обязанности, сейчас их отправляют туда, где даже обычные пехотинцы не смогут воевать. Он понял это, но

своего мнения не изменил - он должен отправиться в город.

Напряжение среди всех отрядов достигло своего апогея. В сторону Кольта и остальных на сцене летели оскорбления, люди считали, что их отправляют на "мясной штурм", чтобы хоть немного задержать врага. Следом за оскорблениями началось дезертирство. Сначала сцену начали покидать старшие, а затем и все остальные. Взгляды и мысли Рим были очень схожи со взглядами Яна, пусть они и жили как кошка с собакой. Возможно, она поняла бы дезертирство, но ее оскорбили, а такого она оставить просто так не могла, и ей захотелось отомстить. Она надеялась, что у Шертхальма остались силы, и если наказать дезертиров, то ничего не изменится. Она подошла к Яну и спросила, что он думает насчет массового дезертирства, так как ни Барнс, ни Кольт ничего не говорили и только молчали.

- Янчик, ты же имеешь те же права, что и Кольт?

- Имею, но к чему ты это спрашиваешь?

- Тебе не кажется, что вот эти... - Рим показала пальцем в сторону уходящих полицейских, и это заметил отряд новобранцев, у которых Рим иногда преподавала. Это заметил Рудольф и, зная ее, несмотря на тревогу и желание также уйти (что уже успешно сделали Магнус, Макс и Курт, а следом за ними собирались уйти сам Рудольф и Зигфрид), сказал об этом всем своим и попросил "ничего такого не делать, на всякий случай".

- ...Что вот эти много себе позволяют? Вроде был приказ,

а они оскорбили и сваливают.

- Ну, хоть в чем-то я с тобой согласен. Было бы у меня больше прав, я бы их просто в мясной штурм отправил.

- Ну, я не про это... Ты можешь приказать смотрящим пресекать дезертирство? Пускай страдают.

- А, ты про это. С радостью... Да и если все уйдут, то нас военное руководство лично казнит.

Ян с улыбкой подошел к Кольту, отошел от него на шаг и отдал свой приказ. Барнс, Шарлотта и Кольт смотрели на него осуждающе, но понимали его действия и чего-то ждали... Наверное, как и эти дезертиры: ждали, пока кто-нибудь выступит против приказа Яна. - Дезертиры будут наказаны. Каждый, кто покинет сейчас этот плац, будет задержан и казнен. Это приказ, - отдал короткий приказ Ян, и смотрящие полицейские начали хватать уходящих. Но сил просто не хватало, чтобы задержать более сорока человек, и часть из них успела сбежать, а многие другие начали давать отпор. Дело дошло до массовой драки, в которой не принимали участия только тридцать из восьмидесяти поднятых полицейских (в том числе и отряд новобранцев). Магнуса, Макса и Курта также настигли - на них накинулись шестеро полицейских, и они ничего не смогли им сделать. Задерживали дезертиров как могли. Избивали, пытались вырубить ударом в голову, а некоторых избивали до предсмертного состояния, и те валялись в луже своей же мочи и крови.

Все из отряда новобранцев последовали совету Рудольфа

и ничего не делали до слов Яна, да и после его слов оставались на местах, видя, что происходит.

- Ого... Повезло же мне это ляпнуть, - дрожащим голосом сказал Рудольф, не до конца осознавая, что спас своих друзей и напарников от правосудия. Вальтер не двигался с места, так как боялся, что их могут посчитать за дезертиров, но посмелел, когда Руда похвалил Хуберт, а следом за ним со спины его обняла Герда. Даже Зигфрид не остался в стороне и поблагодарил его, добавив, что если бы он ушел, то повторил бы участь своих друзей: его большая физическая сила не спасла бы его от шести взрослых мужчин. Поняв, что за ними никто не идет, Вальтер подошел к Рудольфу, которого все еще обнимала Герда.

- Отлично, Руд. Ты все еще хочешь уйти отсюда?

Вальтер сказал это, намекая не только на то, что их казнят, а на то, что он нужен всем им, и вместе они смогут выбраться живыми из Данцига.

- Честно, я все еще хочу уйти... Идея погибнуть или стать пешкой черной твари меня не очень привлекает.

- Меня тоже, Вальтер. От того, что Рудольф отдалил нашу смерть на несколько часов, я все еще хочу свалить куда подальше, - вклинился в разговор Зигфрид.

- Что? Тебя даже не волн... - Вальтера прервал голос Барнса со сцены.

- Полицейские, мы понимаем, почему вы уходите отсюда, даже не боясь правосудия. Идея погибнуть неизвестно от че-

го меня тоже не очень-то привлекает. Сегодня мы даем право покинуть это место каждому, кто не может преодолеть свой страх. Но помните, что, уйдя сейчас, вы оставите своих матерей, братьев, сестер, отцов и других близких в Данциге и, возможно, никогда их больше не увидите. А те, кто остается и согласен погибнуть в Данциге, пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Благодаря вам ваши семьи в городе не познают страха перед гитлеровскими отродьями.

На сцене все-таки Барнс решился отдать приказ, разрешающий дезертирство. Этого, возможно, и не произошло бы, если бы чуть ранее на этой же сцене Рим не заметила отряд новобранцев и в нем Рудольфа. Ян и Харнер смотрели на плоды своего сада хаоса, позабыв, что они должны, наоборот, пресекать его. Ее взгляд зацепился за тех, кто не поддался панике и стоял на месте. Не было ни одного другого отряда, который стоял бы в полном составе. Но в наибольшем составе был именно отряд новобранцев. "Самоубийцы", - подумала она и неожиданно заметила знакомую фигуру. Присмотревшись, она увидела своего двоюродного брата - Рудольфа. Рим было все равно на него, факт его наличия здесь ее не позабавил, и она сообщила об этом всем остальным в шуточной форме. Барнс, который очень высоко ставил семью и родственников, определенно не оценил ее шутку и подумал, что она так пытается скрыть свою тревогу за родственника. Следом за этой мыслью он представил, как будут горевать семьи тех, кого казнят за дезертирство, и он отдал

приказ, который никто не осмелился нарушить.

Приказ Барнса прозвучал как слова ангела, освобождающие каждого присутствующего от невидимых магических оков. По очереди даже те, кто стоял здесь после приказа Яна и Рим, начали уходить, в том числе и те полицейские, которые ловили дезертиров. Из ранее стоявших тридцати человек число постепенно уменьшалось... В их числе были Рудольф, Зигфрид и Клаус. Зигфрид с Клаусом молча начали уходить, а Рудольф прощался со всеми, будто понимая, что, возможно, их больше не встретит, или ожидая, что его начнут упрашивать остаться.

Как и ожидалось, их начали упрашивать не уходить. Клаус, как обычно, никого не слушал и ушел, пока остальные пытались отстоять и объяснить свою позицию ухода. Зигфрид стоял в нескольких метрах от основной группы, а немного дальше от него, но ближе к остальным - Рудольф. Никто особо не хотел, чтобы Зигфрид оставался, но все понимали, насколько он будет полезен в операции, а Вальтер, Герда и Дайон, несмотря на натянутые отношения, все же ценили его.

- Я сказал нет, - в очередной раз выкрикнул Зигфрид в ответ на уговоры. Лидера в их отряде не было, но и наиболее "уважаемым" в нем Вальтера нельзя было назвать. Куда больше лидером можно было назвать Зигфрида или даже Рудольфа, но Вальтер часто выступал в роли "дипломата".

- Ну если нет, то почему ты не уходишь? - спросил Валь-

тер.

- Да забавно понаблюдать, как вы пытаетесь меня уговорить.

- А может, ты не хочешь уходить и готов отправиться в Данциг из-за родни в городе, но что-то тебя останавливает?

- А-а... Ну, за родню в нем я действительно волнуюсь и собираюсь отправиться туда самостоятельно, не пушечным мясом. Ладно, Вальтер, это звучит убедительно, но недостаточно. Если я вам так нужен, то какие еще аргументы ты используешь, чтобы меня убедить остаться с вами?

- Я тебя понял. А в чем тогда проблема отправиться с военными, имея при себе оружие в городе? Так, если что-то случится, ты сможешь спасти свою родню, а отправившись самостоятельно - ты не сможешь ее спасти. Напомню, что нам нельзя выходить с оружием за пределы Тчева.

Зигфрид хотел возразить, сказав, что он возьмет с собой оружие, но Вальтер опередил его и упомянул про ношение оружия. Он все-таки согласился участвовать в операции.

Настала очередь уговоров для Рудольфа. Все возложили надежды на Вальтера, так как он проявил себя как хороший дипломат, и даже Зигфрид понадеялся, что он сможет уговорить Руда остаться, но тот был ни в какую. "Мне незачем отправляться в Данциг умирать. Вся родня в Килене", - было его главным аргументом, который стоял как стена. Вальтер не мог найти рычаг давления и почти сдался. Но этот самый рычаг нашел Хуберт:

- В смысле тебе нечего терять? А как же мы сами?

На секунду Рудольф представил картину: раскиданные во все стороны органы, тела, покрытые черной плотью. Эта картина, наоборот, должна была еще сильнее отпугнуть его от участия в операции, но Руд понял, что друзей, кроме тех, что стоят прямо сейчас перед ним, у него больше и нет. Он замолчал, обдумывая слова Хуберта. Следом за ним подобное сказали остальные, и Рудольф полностью сломался и согласился остаться после слов Зигфрида и Герды.

Теперь вместо тридцати человек здесь стояло только двадцать, и это было финальным числом. Вместо обещанных ста полицейских на самом деле оказалось в пять раз меньше. Малый толк от двадцати военных полицейских подметила даже Шарлотта, далекая от военного дела. Хотя Кольт осознавал это, он попытался даже тут найти свои плюсы: "Зато двадцатую управлять легче". Но даже это было разбито репликой Рим:

- Это еще хуже. Кроме банальной нехватки сил, от их малого числа, не дай бог, мы еще к ним привяжемся, и если сдохнет один, то такая потеря будет...

- Кстати о привязанности, - добавил Альфред Барнс, наблюдая за тем, как Зигфрида и Рудольфа уговаривали не уходить, и показал на них пальцем. - Может, смерть каждого и будет моральным ударом, но от этой же привязанности, как сказал Кольт, ими будет легче управлять. Я даже к одному успел привязаться: вон к тому, с белыми волосами.

Он указывал на Вальтера.

- Этот парень сегодня меня спас. Хотя я едва запомнил его имя - Вальтер, я успел к нему привязаться и вижу в нем хорошего воина, а еще под нашим общим командованием... Ладно, ребята.

Барнс развернулся и пошел к лестнице вниз.

- Начинаем готовить их к отправке в Данциг. Отряд, в котором Вальтер, поместите в нашу общую повозку, мест должно хватить. Хочу "привязаться" к ним.

- Странный мужик, - сказал Ян, когда Барнс полностью ушел из поля зрения.

- Ну, есть такое, - добавила Рим.

Следующий приказ по сбору военных отдал Кольт, пока остальные пошли следом за Барнсом к стойлу с лошадьми. Так как людей было немного и не было непосредственной угрозы, Кольт спустился со сцены и лично отдал приказ всем начать готовиться: одеться в боевую форму с броней (они до сих пор стояли в домашней одежде), взять винтовки и патроны. Он сам за более чем двадцатилетний опыт военного дела никогда не привязывался к солдатам, но ценил их и не отправлял в мясные штурмы. Но сейчас... Что-то странное он испытал, особенно вспоминая слова Барнса. Возможно, это из-за того, что он отдал приказ им лично, а не произнося его со сцены или выкрикивая в окопе.

Уже через час все были собраны и сидели в повозках, ожидая, когда они прибудут на место. Хотя на дворе был час но-

чи и мотыльки кружили над лампой, которая освещала все повозки и путь конюху, никто не спал, а надо было. Все волновались за предстоящую операцию - не умрут ли они хотя бы? Но в повозке, где находился отряд новобранцев (в нем вместо одиннадцати человек осталось только семеро), не спали из-за разговора с членами Шертхальма: Кольтом, Яном и Рим. Шарлотта была как пустое место - оно и неудивительно, она сама это понимала и не возражала. Вне Шертхальма здесь был и Барнс. Многих интересовал вопрос, почему Барнс присутствует здесь, ведь он не имеет никакого отношения к Шертхальму, на что тот ответил, что Шертхальм сам его нашел и попросил просто помочь собрать полицейских, но он сам предложил свою помощь в участии в операции. Помимо военных вопросов они разговаривали и о жизни. Барнс много расспрашивал Вальтера, а остальные спрашивали точно так же много об остальных. Между Рудольфом и Рим было странное напряжение. Руд будто бы стеснялся и даже боялся ее. Помимо того, что это офицер, так еще и его двоюродная сестра - для него это был настоящий повод чувствовать себя неловко. Рим же была в напряжении от того, что ей было все равно на своего брата тогда, когда она его заметила со сцены, хотя сам Рудольф не знал этого.

Разговор и дальше шел в околосдружественной атмосфере, пока Софья, которая все время молчала и боялась за свою жизнь, не задала вопрос:

- Как будет проходить операция?

В повозке нависло молчание, и его прервала Рим.

- Буду честной - мы не имеем даже наброска плана и представлений о его исполнении. Последняя актуальная информация была получена еще в обед, а сейчас глубокая ночь. Основная проблема состоит в том, что мы практически ничего не знаем о нашем враге. Ни его скорости передвижения, ни его разума...

В воздухе повисла тишина, которую прервал голос Яна, который все это время только и отвечал на вопросы, не задавая встречных:

- Ну откуда твоей пустой голове знать, что у нас имеются знания о черной плоти.

- Это у меня пустая голова? А у самого-то что?

- У меня-то все на месте, а у тебя... У нас есть примерные данные по скорости передвижения этой черной сопки по воде - около двух километров в час, учитывая ее скорость перемещения по суше.

- Ну вот, очередное доказательство твоей тупоголовости, белакрутик. Сам же еще днем говорил совсем другие цифры, а сейчас откуда-то два километра взялось.

- А может, я умею анализировать данные и распознавать свои ошибки? В отличие от тебя, которая в упор не видит свои же промахи.

- Ой, ошибки у него, видите ли. Что-то ты слишком часто ошибаешься. Ты уверен, что эти твои два километра - точная информация, а не очередная "ашипка", которую ты ве-

ликодушно признаешь?

- Вообще-то...

Послышался голос Шарлотты, которая наконец-то что-то сказала:

- У нас есть некоторые данные по черной плоти. Несколько недель назад в гиммлеровском храме, недалеко от Килена, проводились некоторые обряды с плотью. Я точно не помню, так как была тогда в алтаре, но оказалось, что плоть, которая находится далеко от... допустим, "матки", не подчиняется ей, а имеет свою автономию. Повторюсь, я не знаю, насколько это истина и насколько хорошо я все слышала, но надеюсь, что это как-то поможет... вам.

Чарли посмотрела в пол, будто в чем-то провинилась.

- Ну молодец, рассказала военную тайну тем, кто не должен этого слышать, - ответил Ян, и следом за ним заговорил Барнс.

- Да ладно тебе, Ян. Эта информация не доказана, так что, думаю, ничего страшного здесь нет, и я надеюсь, что эти прекрасные полицейские не будут ее разглашать...

В очередной раз давящая на всех тишина повисла в воздухе, а Рим и Ян очень нехорошо зыркали друг на друга.

- Вы так сильно ненавидите друг друга, что от этого даже мило, офицеры Ян и Рим, - сказал Вальтер, хотя такое обычно говорила Герда.

Рим куда лучше принимала комплименты от Яна, отчего засмушалась и отшутилась, а Ян что-то проямлил и, скре-

стив руки, закрыл глаза.

Повозки шли еще несколько часов и прибыли к городу тогда, когда уже начало светать. Сигналы о большой трагедии поступали все сильнее по мере приближения к Данцигу. Сначала это были просто толпы людей, которые шли в противоположном направлении от города, и на их лицах читался ужас, а потом они стали встречать повозки служб. Приближаясь еще ближе, все увидели ужасную картину. В небо из города поднимались облака дыма, а местами он был чересчур черным. Когда стало видно море, все заметили, что оно было практически полностью черным, с зубами и глазами. От этой картины у некоторых началась истерика, которая усилилась тогда, когда они приехали. Город был примерно на четверть заражен черной плотью. Глазам полицейских предстала картина, как черная плоть под своим весом повалила большую колокольню, которая еще до этого гремела...

- Мы... в аду? - спросил кто-то из новобранцев.

Кольт, не поворачиваясь, ответил:

- Это только гиммлеровское чистилище. Ад еще впереди.

Глава 3. Битва за Данциг

Общая картина случившейся ситуации в Данциге была печальной, но не была полностью безысходной, и операция подавала надежды на успех. Главнокомандующим операцией весь Шертхальм единогласно выбрал Барнса, а Рима, Кольта и Яна оставили в качестве полевых командиров, руководящих своими солдатами. Вблизи города был разбит военный лагерь, в котором принималось снабжение с тыла, отдавались приказы Барнса и оказывалась помощь беженцам из города. Сам лагерь представлял собой сделанный на скорую руку палаточный городок, окружённый колючей проволокой и большими колодцами, из которых вырывались языки пламени: по наблюдениям, огонь отпугивал чёрную плоть.

Времени на отдых не было, и, как только появилась возможность составить план военных действий, ею тут же воспользовались. Все представители Шертхальма и Барнс собрались в самом центре лагеря, а их окружили солдаты - здесь не было причин для скрытия военных планов. Альфред, сидя за круглым столом и держа в руке мел красного цвета, осмотрел лица присутствующих и начал:

— Раз уж мы все тут собрались и все готовы, то я начну. Основная проблема состоит в том, что мы не знаем полной картины происходящего в городе, а ресурсов для организации разведки у нас крайне мало.

Барнс осмотрел присутствующих: двадцать полицейских, три полевых командира, у всех малозарядные винтовки и лошади... Не густо.

Офицер посмотрел на Кольта, который всё это время стоял за его спиной и наблюдал сверху вниз за тем, что тот рисует на плане (пока ничего не нарисовал).

— Кольт, ты не знаешь, когда прибудет та туча пехотинцев с артиллерией и огнемётчики?

— Точную информацию мне не доложили, но я предполагаю, что не раньше, чем через два-три часа. Артиллерия, так как это не человек, должна прибыть раньше.

— М-м... Плохо. С двадцатью человеками провести даже разведку будет очень тяжело. Но и медлить нам нельзя.

Барнс посмотрел в сторону города - вид, который открывался им, не был полностью покрыт чёрной плотью. До этой части города она ещё не добралась, но, если приглядеться вдаль, картина была печальной.

— Ян, — обратился Альфред к Яну. — С какой скоростью распространяется эта мерзость и сколько у нас есть времени, прежде чем эта гадость доберётся до наших лошадей?

— Точно сказать не могу, так как не замеряли данные, но, по моим наблюдениям, самые быстрые куски плоти двигаются к нам со скоростью один километр в час и будут здесь через два с половиной часа.

Барнс замолчал и приставил руки к подбородку, прижав свою бороду к челюсти. Полицейские и командиры ждали,

когда он всё-таки огласит свой вердикт.

— Проведём разведку и накроем город артиллерией.

Встав со своего места, он взял мел в руки и начал рисовать на карте макет города, плоть и другие различные обозначения, попутно объясняя:

— Сейчас мы проведём разведку на той территории, на которой сможем. Всего будет две группы по десять солдат в каждой, и где-то будет один, где-то два командира. Бросившись в разные направления, вы должны собрать информацию по строению улиц и, возможно, по самому врагу. Попутно вы будете передавать информацию друг другу, используя сигнальные ракеты... — Барнс достал из-под стола большой ящик, который всё это время нёс с собой. Открыв его, он обнаружил там семь сигнальных пистолетов и немалое количество снарядов к ним. — Каждый отряд возьмёт по три пистолета...

В речь Барнса вклинилась Чарли:

— А что с ещё одним делать будете, Альфред?

— А это мне. Я же буду отдавать приказы, а не просто сидеть тут... Продолжаем. Дадим условное обозначение для каждого выстрела: один выстрел означает, что отряд спокойно продолжает разведку; два выстрела - отряд встретил угрозу; и три, если отряд сворачивает миссию. Я буду отдавать вам приказы тоже с помощью сигнальных ракет. Одна от меня - значит продолжать операцию, две - разрешаю отступить, и после моего двойного выстрела вы должны будете выстре-

лить один раз тогда, когда окажетесь в безопасности. Всем понятно?

Барнс спросил это и посмотрел на командиров, те одобритительно кивнули.

— После завершения операции надо дожидаться прибытия артиллерии, и тогда... мы полностью накроем город, а огне­мётчики и пехота не будут давать никому и ничему выйти из него.

Эти слова прозвучали для всех как тяжёлый удар: в смысле надо накрывать артиллерией весь город? Первым возразил Кольт:

— План хороший, но зачем накрывать весь город, когда заражена только часть, и что нам делать... с гражданскими?

— У нас нет времени на их эвакуацию. Необходимо провести разведку и накрыть город. Те, кто сможет спастись, спасутся.

После вопроса о гражданских среди полицейских послышались испуганные голоса. Среди них было только двое родом из Данцига - Хуберт и Зигфрид. Хуберт просто впал в ступор от слов об отказе от эвакуации города, а Зигфрид был в состоянии, похожем на что-то среднее между ступором и истерикой. Даже такого огромного и сильного человека сломила новость о том, что его родные погибнут, хотя была вся надежда на то, что их спасут. Его, как и Хуберта, принялись утешать не только новобранцы, но и остальные полицейские.

— Простите, Барнс, но вы действуете неправильно. Раз-

ведка силами двадцати полицейских не даст никаких больших результатов. Мы сможем изучить только строение улиц, не более; о враге даже с Яном мы ничего не узнаем. Для этого надо вызывать разведку дирижаблями, но их поднимут в воздух только в том случае, если плоть начнёт наступать на Новый Смертоберг. Если и использовать артиллерию, то не для накрытия всего города и убийства гражданских, а для уничтожения наибольшей опасности для пехоты и огнёмётчиков, которая при её поддержке зачистит весь город без больших гражданских потерь. Но и теорию Шарлотты об автономно действующих группах плоти нельзя просто так оставлять. В церкви Гиммлера не глупые люди сидят, стоит хотя бы попробовать. Пожалуйста, Барнс, дайте нам возможность попутно провести разведку и эвакуировать всех, кого сможем.

Барнс замолчал и посмотрел в сторону Рим.

— А ты, деточка, что думаешь?

— Я согласна с планом Кольта. У нас нет ресурсов на организацию хорошей разведки, мы лишь потеряем время, за которое могли бы спасти больше жизней.

Барнс перевёл взгляд на Яна. Пилсудский быстро всё понял и дал свой ответ.

— Накрытие всего города точно остановит плоть, но не факт, что после этого мы и весь Шертхальм будем жить... Вероятно, за это нас казнят, и что будет с миром дальше - непонятно, а если и не казнят, то наша и ваша поддержка в

обществе упадёт настолько, что нас закроют. Лучше следовать плану Кольта.

Все ожидали, что Барнс наконец-то огласит свой вердикт, но, неожиданно для всех, он посмотрел в сторону Чарли.

— А ты что думаешь?

— Я? Аэ... Но я же даже не офицер, Альфред Барнс... — растерялась Шарлотта.

— Не офицер, но твоё решение важно для сохранения жизней, да и ты, по всей видимости, ещё много чего сможешь нам рассказать, если мы все не помрём тут же.

— Ну... Тогда я за план... Кольта.

— Ясно...

Барнс вышел из-за стола, посмотрел в сторону города, который освещало ярко-золотым цветом только что вставшее солнце, и дал свой вердикт: "Следуем плану Кольта". Эти слова были как гора с плеч. Хуберт моментально вышел из ступора, а Зигфриду полегчало (от напряжения у него закружилась голова и его даже стошнило).

— Ну, по плану Кольта так по плану Кольта, дети мои. Значит... У нас всего три командира, а группы две. Как будем делить-то вас?

Шарлотта всё это время, с момента получения известия о приближении плоти к берегу, чувствовала себя обузой и всеми силами пыталась доказать свою пользу, подсказывая различные идеи, которые, на удивление, были верны, и в глубине души все трое надеялись, что в момент абсолютного

отчаяния она скажет то, что полностью изменит ситуацию. Прямо сейчас и произошёл этот случай.

— А давайте возьмём в качестве глав отрядов полицейских? Здесь же есть ребята из Данцига.

Чарли направила руку в сторону полицейских. Даже сейчас, когда решались и их судьбы, и жизни мирных граждан, Вальтер продолжал сражаться за идею и предложил Хуберту и Зигфриду добровольно выдвинуть свои кандидатуры, пока не начали допытывать. В очередной раз ему приходилось всех уговаривать, но тут Рудольф, который бы точно никогда никому не предложил пойти возглавлять отряд самоубийц, помог Вальтеру уговорить Хуберта и Зигфрида вызваться самим. Главным аргументом, перед которым сдался Зигфрид (Хуберта уговорили достаточно быстро), оказались слова про его родных, которые сейчас находились где-то в городе.

Два новобранца через несколько минут после предложения Чарли сами вышли из толпы напуганных полицейских и предложили себя в качестве навигаторов по городу, и их тут же приняли. Приняв их, Барнс продолжил распределять командиров по отрядам. Он предложил пойти Яну и Рим вместе, поскольку Кольт опытнее Рим, и будет куда лучше, если Ян поможет ей. Но даже тут Харнер начала упрямыться, называя Яна тупым ослом. Барнс бы закрыл на это глаза, поскольку сейчас было не место для выяснения отношений, но сам Кольт предложил включить Яна в его отряд, так как,

несмотря на опасное задание, те продолжали бы вести себя как кошка с собакой. Но и оставлять Рим в одиночку было не вариантом: среди их троих она была самой слабой, однако она же и придумала решение этой проблемы - выдать в её отряд наиболее знающего город полицейского, им оказался Зигфрид.

Все приготовления были сделаны, и осталось только начать операцию... Никто не мог успокоиться. Многие плакали, кто-то делал всё так, будто вот-вот упадёт. Моральный дух был на нуле. Но удивительно: Рудольф, Зигфрид и некоторые другие полицейские, которые были здесь из-за высоких зарплат и безопасности, будто бы начали менять свои взгляды. Зигфрид, который первым впал в истерику, сейчас был заряжен, он был готов сделать всё, чтобы спасти своих родственников. А с Рудольфом происходило что-то непонятное. Просто в один миг он перестал заботиться о своей безопасности, и произошло это после слов Шарлотты о том, что нужно найти тех, кто знает город. Это заметил Вальтер. Было бы странно, если бы он не заметил этого. Отряды были полностью собраны, все сидели на лошадях и с мёртвыми лицами ждали приказа. В момент ожидания Вальтер поинтересовался у Рудольфа, что же случилось, почему тот стал более "активным".

— Слушай, ишак, почему ты как-то резко начал следовать приказам командующих и даже как-то с рвением их выполнять, а не прятаться где-то в надежде, что пронесёт? —

с шутливостью спрашивал Вальтер у своего друга, ожидая услышать ответ, что тот переволновался. Вальтер также волновался, и юмор был частью его самоутешения.

Рудольф даже вёл себя странно: он смотрел на свои ладони либо в одну точку, но всё-таки ответил:

— Честно, я бы и дальше стоял где-то в глубине этой толпы и не высовывался, но, услышав слова о поисках знатока города от этой девки, мне будто что-то приказало.

— Приказало?

— Да. Приказало. Просто бац - и всё, у меня желание выполнить этот приказ.

Это было действительно странно. Ещё во время обучения он пытался найти способ, чтобы поспать на паре, а сейчас - приказ.

— А может, ты перенервничал?

— Думаю, что да.

Рудольф начал понимать, что, скорее всего, просто перенервничал, и, как Вальтер, начал сводить всё в шутку.

— Ну, хотя бы не обосрался.

— Ну и то хорошо, — ответил Вальтер, всё ещё чувствуя напряжение от странного поступка своего друга.

Отряды были разделены по десять человек. В отряде под руководством Рим были все новобранцы, не сбежавшие ещё ночью (и другие полицейские): Рудольф, Вальтер, Зигфрид (в роли направляющего), Герда, Дайон и София. Хуберт же был в отряде с остальными, Яном и Кольтом. Они стояли в

нескольких десятках метров от первых зданий, с которых начинался город. Несмотря на то, что угроза появилась только несколько часов назад и даже не дошла до этого места, дома выглядели так, будто их штурмовала пехота, - это был результат паники и начавшегося в городе мародёрства. Строй замолчал, когда слышались шаги Барнса. Никто не смотрел на него, будто это было запрещено, все только слышали стук его обуви о землю и посмотрели в его сторону лишь тогда, когда он встал в самом начале строя. Он ничего не говорил: никакой горячей речи, только тихое "Вернитесь живыми", и он выстрелил в небо из сигнальной ракетницы, затем крикнув: "Начать операцию по спасению Данцига!" Лошади рванули с места под клич военных. Они бежали за командирами, которые, в свою очередь, следовали указаниям Хуберта и Зигфрида.

Пока все лошади бежали ещё вместе, и до их разделения оставалось несколько десятков метров. Рим подбежала к Кольту и спросила о его действиях, дабы спланировать уже свои: "Сейчас мы с Яном соберём информацию по расположению врага, а затем начнём эвакуацию населения". До перекрёстка оставалось несколько метров, и лошади начали перестраиваться. Кольт не договорил - не было времени, чтобы договорить. Когда лошадь Рим начала отдаляться, он крикнув: "Не геройствуй, избегай встречи с врагом!" За несколько секунд лошади полностью перестроились, и отряды зашли за здания, потеряв друг друга из поля зрения. "Полицей-

ские, сейчас надо определить, насколько близок враг, а потом эвакуируем гражданских. Как там тебя..." — Рим обратилась к Зигфриду, но даже не знала его имени. "Зигфрид", — раздался мужской голос. Его лошадь приблизилась к ней и немного перегнала, дабы вести за собой всех остальных.

— Веди строй просто к центру города, а потом к больнице! — крикнула Рим и не получила ответа. Не нужно быть знатоком города, дабы понять, в каком направлении идти, чтобы попасть в центр. То, что строй идёт странно, заметил сначала Дайон, идущий в конце строя, и выкрикнул вопрос, который поставил Зигфрида в замешательство:

— Зиг, а где живут твои родители в городе?

Зигфрид обернулся, посмотрел в сторону Дайона, потом снова начал смотреть на дорогу и коротко ответил:

— Здесь.

То, что Зигфрид послушался приказа и бежит к своему дому, поняли все остальные. Лошадь Вальтера выбилась в самое начало строя, к лошади Зигфрида, и скакала на одном уровне с ним. Рим, понимая, что он ведёт их неизвестно куда, сорвалась и начала сыпать угрозами:

— Придурок, это был приказ - веди в центр города!

Зигфрид не реагировал.

— Я застрелю тебя тут же, если ты продолжишь вести нас хрен знает куда!

Зигфрид всё так же не реагировал, и тут уже Вальтер начал пытаться его как-то уговорить:

— Зиг, прошу тебя, следуй приказу! Мы не знаем, насколько всё плохо, ты просто заведёшь себя в ловушку!

— Да пожалуйста, не вам же умирать!

— Не нам, но какотреагируют твои родители, которых мы эвакуируем, а ты окажешься мёртвым?

Зигфрид замолчал, а Вальтер смотрел прямо на него, а потом на Рим, как бы заранее прося о том, о чём сейчас попросит:

— Прошу, дождись, пока Кольт и Ян не дадут знак или мы сами не заметим плоть, так будет безопаснее и тебе, и нам! Рим, пожалуйста, разреши ему отделиться от строя после получения знака от Кольта.

Рим закатила глаза и цокнула, но дала свой ответ:

— Лааадно.

Она начала перестраиваться, подойдя к Вальтеру. До этого между ними был Зигфрид. Вальтер сразу понял, что она сейчас что-то прикажет ему.

— Ты же Вальтер, так?

— Да.

— После получения сигнала или пока мы сами не найдём врага, ты с тремя другими полицейскими побежишь с этим придурком, возглавишь новый строй, а я с оставшимися начну поиски и эвакуацию людей.

— Я?

— Ну а кто ж ещё, емае?!

— Но...

— Это приказ!

— ...Вас понял.

Вальтер замедлил ход и встал почти на один уровень с идущими сзади полицейскими.

— Рудольф, София и Герда, вы побежите со мной и Зигфридом, как получим приказ от Кольта с Яном.

От перенапряжения Вальтера просто трясло. Вместо испуга он испытывал некое вдохновение: "Мы поможем городу!" — кричало что-то в его голове. На его указание, кто с ним пойдёт, никто, даже Рудольф, ничего не сказал; все начали перестраиваться ближе к Вальтеру, дабы, как только получат сигнал, тут же рвануть за ним. Зигфрид всё-таки согласился на условия Вальтера и сменил курс: они бежали строго в центр города до момента, пока Рудольф не увидел справа от них будто красную звезду, поднявшуюся на утреннем небе, а затем там же появилась ещё одна. "Два сигнала! Они нашли врага!" — крикнул Рудольф и приблизился к Вальтеру, готовясь оторваться от строя Рим. Она молчала и только что-то замеряла, выставив пальцы вперёд. Зигфрид всё-таки не действовал полностью самостоятельно и ждал приказа Харнер. "Вальтер, бери на себя командование!" — послышался заветный приказ, и строй начал перестраиваться, а лошадь Зигфрида начала удаляться в сторону, а за ней - Вальтер и остальные.

Строй почти перестроился, как все почувствовали, что земля под ними задрожала, и они услышали звук быстрых и

тяжёлых шагов, приближающихся к ним. Почему-то они замедлились и начали останавливаться, как вдруг большое здание сбоку с грохотом, летящими обломками и пылью раскололось на части, и из него выбежало огромное четырёхногое существо, покрытое чёрной плотью, с невероятно длинной пастью. Оно было на глаз метров пять, не меньше, и внешне напоминало корову или быка, но из-за длинной пасти образ размывался. Обломок здания полетел в лошадь Софии, сбив её с ног. Само София упала на землю, а лошадь, у которой выдавило кишки обломком через рот, замертво упала и придавила девушку. Существо пронеслось и схватило огромной пастью лошадь Герды и Дайона вместе с ними, перекусив животных надвое, а они вдвоём остались у него в пасти и кричали, но были живы.

— Открыть огонь! — скомандовала Рим остановившемуся строю.

В том числе отряд Вальтера и Зигфрид немедленно доставили винтовки и открыли огонь по огромному существу, убегающему с добычей и сносящему здания. В него было выпущено несколько обойм, а оно даже не шелохнулось, и только несколько шмотков чёрной плоти было оторвано. Огонь вёлся до тех пор, пока существо не скрылось за зданием. Рим, не медля, достала ракетницу и выстрелила в воздух один раз, затем второй и хотела сделать третий залп, который означал желание отряда закончить операцию. Но её остановил Рудольф, который успел подскочить на лошади и схватиться за

ракетницу.

— Ты что творишь?! — кричала Рим под стоны Софии, которая была жива, но получила серьёзные травмы. На её спасение бросились все остальные и быстро достали её из-под раздавленного трупa лошади. Она была живой, но получила травмы нижней части тела: по всей видимости, её раздавило часть органов, мышц и костей.

— Рим, мы не можем просто взять и окончить операцию, нам необходимо добраться до отряда Кольта и Яна и уже вместе с ними спланировать наш план действий.

— Это ещё почему?! У нас два трупa и один раненый, так ещё и какая-то хрень огромная здесь бежит! Операция провалилась, у нас крайне мало данных о противнике, и её надо сворачивать, пока нас всех не перебили.

— Так поэтому нам надо и найти Кольта с Яном, которые более опытные, и со знаниями Яна мы найдём наиболее безопасный вариант.

— Господи, ты хоть раз меня слушаешь?!

Закричала Рим, бросив винтовку на землю. Смысл её слов был непонятен, но Рудольф неожиданно вспомнил, что виделся с Рим ещё в детстве. Перед ним предстало воспоминание, как, будучи ребёнком, под её присмотром находился он. Хотя это было всего лишь воспоминание, этого было достаточно, чтобы Рудольф замолчал и стоял с непонимающим взглядом. Рим уже собиралась выстрелить, как её прервал Вальтер:

— Мне дадут выполнять свои обязанности или нет?! Рим, Рудольф говорит правду, лучше найти Кольта и Яна. Сейчас, если мы оставим город, то тебя повесят, и мы не сможем найти тела Герды и Дайона.

— Да я в лесу прятаться буду, чем оставлю здесь умирать всех остальных! Что ты мне указываешь вообще? Я могу тебя застрелить за дезертирство, и Барнс уже не спасёт никого.

— Харнер, если тебе так важны жизни солдат, то если Барнс одобрит нашу просьбу о прекращении операции, не факт, что мы сможем добраться до него без Кольта и Яна.

Неожиданно для всех и особенно для Вальтера Зигфрид вступился за него и Рудольфа, спешившись с лошади и подойдя к Рим, начав тыкать в неё пальцем. Возможно, она испугалась, что Зигфрид, который весил раза в два больше неё, что-то сделает с ней, или она одумалась, но она всё-таки согласилась на продолжение операции. Софию, потерявшую сознание, посадили на лошадь Вальтера, и его отряд наконец продолжил движение. Хоть он и был под его командованием, вместе с ним бежал и отряд Харнер. Ей не хотелось оставаться там, где только что нечто убило двоих, ранило одного и сбежало, проломив несколько зданий.

Отряды скакали недалеко друг от друга, и спустя несколько минут отряд Рим по её команде остановился и спешил, а Вальтер продолжил движение. На ногах стояли только он, Рудольф и Зигфрид, хотя с ними должна была быть Герда, а София сидела на лошади без сознания, упёршись лицом в

спину Вальтера. Отъехав на несколько метров, Софию стошнило кровью на зелёный плащ-маскхалат Вальтера, запачкав её белые средней длины волосы, но Вальтер никак не отреагировал на это и продолжил скакать за Зигфридом, который это тоже заметил.

— У-у, не думаю, что ты так себе встречу с девушкой представлял.

— Ага, — коротко ответил Вальтер, которого интересовал другой вопрос. — Почему ты вступился за меня и сейчас ведёшь нас не к своему дому... а в центр, как говорила Рим?

— С чего ты взял, что я веду нас не к дому?

— Так ты сначала вёл нас куда-то влево, а после нападения той бабайки развернулся и повёл нас вглубь города, — раздался голос Рудольфа.

— А я тебя не спрашивал! — недовольно крикнул Зигфрид. — Но ты прав. Мы скачем в центр, как нам приказала Рим. Да честно, я вообще не знаю, почему решил за тебя вступить. Может, я перенервничал, а может, ещё что-то, хрен его знает. Были бы мы сейчас в казарме и был бы какой-то спор, я бы фиг за тебя вступился, по голове настучал бы, да и всё, ха-ха.

Зигфрид замолчал и задумался, что как-то не очень сейчас вышло, и перевёл диалог в другое русло:

— И какие наши дальнейшие действия?

— Сейчас надо найти Кольта и Яна, там помочь Софии получше, чем просто перебинтованные раны её же одеждой.

Девушке оказали первую помощь, но она оставляла желать лучшего: раны не были обработаны, перевязаны обрывками её рукавов. Лошадей, которые перевозили припасы, перекусило то существо. Об этой трагедии резко вспомнили они втроём.

— Герда, Дайон... — тихо сказал Рудольф. — Что же мы делать будем без вас?

Хуже всех от смерти их двоих было Рудольфу. Он общался со всеми лучше и больше всех, поэтому неожиданно, что он так отреагировал. Никто не посмел ему ничего сказать, все понимали, как ему тяжело. Даже Зигфрид едва сдерживался, вспоминая, какую ласку проявляла к нему Герда и какую помощь оказывал Дайон.

— Помню... как два года назад Герда сказала, что ей будет куда обиднее от нашей потери, чем если она потеряет своих родителей, и что быть в кругу друзей для неё - лучшее, что есть, — вспоминал минувшие годы Вальтер.

Тогда они даже не ожидали, с чем им придётся столкнуться по выпуске из кадетского училища. Все молчали и пролистывали в своей памяти лучшие воспоминания.

Улица, по которой они бежали, была прямой, а по бокам стояли кирпичные и деревянные здания. Даже отъехав на сотню метров, если обернуться, был виден отряд Рим, который осматривал дома и звал живых гражданских. Но что-то подсказывало им всем, что в живых никого не осталось.

Обернувшись в очередной раз, Вальтер не заметил ника-

ких отличий - отряд Рим всё так же осматривался и искал живых, но тут он услышал странный свист в небе. Обратившись к напарникам, те подтвердили, что тоже его слышат, и решили остановиться, зайдя за угол с лошадьми. Предчувствуя что-то плохое, Вальтер привязал раненую Софию к спине, положив её на палки, дабы её тело не слишком сильно мешало передвижению. После вопроса Рудольфа о том, через сколько, по словам Кольта, прибудет артиллерия, до всех дошло: начался обстрел! "Барнс, ты придурок конченный!" — завопили новобранцы и упали на землю. Потом сверкнула яркая вспышка, и началась невероятная тряска. Некоторые кирпичи вылетали из зданий, чуть не задевая их, а лошади от испуга убежали прочь. Затем, по всей видимости, пошла ударная волна, которая выбила стёкла, а лошади, которые выбежали из-за угла, подлетели в воздух от ударной волны. Ещё несколько секунд - и всё прекратилось. Открыв глаза, они увидели несколько кирпичей, упавших рядом с ними, а выглянув из-за угла, сначала увидели огромный след от крови лошадей. Подняв головы, они ужаснулись: на высоту около двухсот метров поднялся гриб, который образуется при больших взрывах. Но в нём было что-то странное... Он был слишком чёрным. Сам по себе гриб от взрыва чёрный, но этот был чересчур чёрным.

— А вам не кажется, что он какой-то слишком чёрный и что разрушения от нескольких снарядов артиллерии слишком большие? — испуганным голосом говорил Рудольф.

— Д-да... Это слишком... — ответил Зигфрид.

— Может, они уничтожили, как говорила Шарлотта, вот этот "центр" плоти, и он так взорвался? — Вальтеру было страшно, очень, но его интерес к чёрной плоти и желание спасти всех, кого можно, оказались сильнее страха, и вместо испуга он испытал научный интерес.

— Стоп, а что с остальными?! Отряд Рим же был на открытой местности, и что с Барнсом, Кольтом и Яном?! — неожиданно понял это Рудольф и заметался по сторонам, но потом он вышел к той части улицы, которая открывала обзор на её другой конец.

Там, где был отряд Рим, теперь лежали руины упавшего от ударной волны здания. Под этими руинами даже с большого расстояния Рудольф увидел растекшуюся кровь и раскиданные трупы лошадей.

— Нет! — истошно закричал Рудольф, надрывая голос.

Он хотел броситься бежать к руинам, но его остановили, схватив за руки, Вальтер и Зигфрид и усадив на землю, покрытую пылью и кровью.

— Эй, что с тобой? — Зигфрид начал давать ему лёгкие пощёчины, приводя в чувство.

Он, несмотря на то, что его держали два человека, всё пытался вырваться и буквально рыдал. Скорее всего, он испытывал большую связь с Рим, хотя до этого он с ней почти не общался, и картина, которую он увидел, нанесла огромный урон по его состоянию. Этого же мнения придерживался и

Вальтер.

Картина, которая окружала их, не могла не пугать. Разрушения, кровь и подозрительная тишина, которая давила на психику... Все они понимали, что Рим, Барнс, Кольт, Ян и все остальные, скорее всего, уже мертвы, и они единственные, кто остался в живых. Но надежда умирает последней, и Вальтер попросил у Зигфрида сигнальную ракетницу, которая была у него ещё с самого начала, как его зачислили в ведущие. Тот понял, что собирается сделать Вальтер, и дал ему пистолет, а сам схватил Рудольфа за обе руки, так как Вальтер отпустил его. Выстрел. Красная ракета полетела вверх, указав их местоположение и дав сигнал тем, кто ещё жив. Плотная застройка, в которой они находились, не дала им нормально пронаблюдать за тем, получают ли они ответ. Но с каждой секундой их наблюдения надежда угасала. Ни со стороны Рим, ни со стороны Барнса (с его стороны они бы увидели очень легко), ни со стороны Кольта и Яна не было ответа. Вывод: все мертвы, и они остались одни. В этой ситуации многие бы, возможно, просто застрелились, но не они. Под действием адреналина и с пониманием, что на них лежит, как минимум, жизнь Софии, которая ещё может жить, те не стали выпускать в свой мозг по пуле, а приняли решение - выбраться из города.

Они пошли туда, где несколько минут назад был отряд Рим, так как через тот путь было быстрее покинуть город и они могли убедиться в том, есть ли там живые. Но Вальтер

заметил что-то странное, когда поправлял импровизированные носилки из дерева на своей спине. Он заметил что-то красное справа и, присмотревшись, увидел след от угасающей сигнальной ракеты! Они не единственные выжившие! От осознания этой новости даже Рудольф, который продолжал истерить, успокоился и улыбнулся. Вытерев испачканным рукавом слёзы и поправив шлем, он сам скомандовал идти туда.

Снова ситуация менялась так, что, будь здесь бессмертный посторонний, он бы уже запутался. Кажется, что хуже быть не может, и все трое думали, что взрыв уничтожил и чёрную плоть, но, когда они заходили в переулок, в нос ударил резкий запах крови или срезанного ногтя, который усиливался. Они примерно понимали, что сейчас им придётся встретиться с чем-то очень страшным, и не прогадали: из-за угла вышло существо, которое когда-то было человеком. Чёрная плоть полностью поглотила его, и, по всей видимости, человек пытался отбиваться от неё, а та вырвала его челюсть и разорвала грудь в фарш. Торчали рёбра, на которых висели чёрные ошмётки плоти, а внутри были видны раздавленные лёгкие и ещё работающее сердце, которое от каждого удара выплескивало из клапанов небольшие капли чёрной жидкости. Страх не было, адреналин всё перекрывал, сейчас на его месте было некое любопытство. Зигфрид, Вальтер и Рудольф интересовались одним вопросом: "Как оно вообще живёт?" Они бы пришли в себя только тогда, когда оно

подошло к ним слишком быстро и навредило бы им, но Вальтер, стоящий ближе всего к нему, очнулся раньше всех и на автомате, сжав кулак, разбил ему голову мощным ударом. Голова разлетелась как яйцо, и ошмётки плоти полетели на стену, но оно не было мёртвым и лежало на земле, пытаясь ощупать ближайшие предметы. Уже прикладом от винтовки и ногами он давил существо. "Оно не человек. Было бы человеком, оно бы уже сдохло или крикнуло", — руководствовался Вальтер, пока давил существо. В это же время в себя пришли все остальные, которые оттянули его от существа, которое он добивал уже кулаками.

— Ты что, совсем долбанулся?! — кричал Зигфрид, таща за волосы Вальтера. — Мы же ничего не знаем о них, вдруг оно бы что-то вытворило?

Он дёрнул Вальтера за волосы и хотел бросить его в стену, чтобы тот наконец-то пришёл в себя, но его остановил Рудольф, указав пальцем на Софию, которая была на спине полицейского. Зигфрид посмотрел на свою руку, будто осознавая, что этой же рукой он мог только что прикончить девушку.

— Вальтер! Очнись! — начал тормошить его Рудольф.

Вальтер был в осязанном состоянии и просто наблюдал за тем, что творят его напарники.

— Да я тут, тут! Успокойся, — он вырвался из его хватки и отошёл на шаг назад, поправляя свой шлем. — Я не знаю... Просто что-то в голове скомандовало: "Бей".

— Ой, всё, у нас мало времени, потом начнёшь со своей шизофренией разговаривать. Наверняка сейчас сюда придёт орда этих упырей, идём! — прорычал Зигфрид и пошёл вперёд, не обращая внимания на Рудольфа и Вальтера.

Рудольф поправил съехавшие носилки на спине друга, и те уже ускоренным шагом пошли за Зигфридом. После этого запах крови только усилился, прожигая глаза и не давая понять, насколько близко упыри, так как запах везде одинаковый. Очередное нападение на них произошло, когда они проходили мимо двух зданий. Упирь, скрывшись у стенки в тени, дождался, когда пройдут Рудольф и Зигфрид, и напал на Вальтера. В отличие от прошлого раза, друзья успели среагировать и достать винтовки, но это не понадобилось. Вальтер вновь размахнулся своим кулаком и заметил странность — его правый кулак, которым он избивал прошлого упыря, был наполовину покрыт чёрной плотью, особенно в области костяшек. Но времени думать не было, и Вальтер уже размахнулся, буквально отделив верхнюю часть тела от нижней всего лишь одним ударом. Части упыря продолжали двигаться, но это уже никого не волновало. Все подбежали к Вальтеру, который чуть ли не крича пытался убрать чёрную плоть с руки. Рудольф пытался ему помочь, но удары будто ничего не делали ей, и Зигфрид, не долго думая, достал из пояса Вальтера сигнальный пистолет и выстрелил прямо в сгусток плоти. С выделением огромного облака дыма она пропала, а рука Вальтера была полностью целой — без ожогов и сле-

дов от ударов. Такой ужас пережить было достаточно трудно, но сейчас голова думала очень быстро, и не было мыслей по типу "как мне плохо", было только - "умри или беги". Как и Зигфрид, он понимал, что сейчас сюда сбегутся упыри, и, несмотря на груз, пошагал быстрее Зигфрида. Рудольф и Зигфрид не понимали, что с ним происходит; сначала можно было списать на такую реакцию организма, но сейчас было что-то странное. Одним ударом он отделил низ от верха, а плоть на его руке появилась так незаметно и неожиданно и так же не оставила никаких следов. Они шептались между собой, пока он шёл впереди.

Все поняли, что возможности уничтожить упыря, как было пару минут назад, сейчас не будет. На расстоянии нескольких метров от них они слышали страшный вой или даже "сигнал". Будто сирена на секунду включается и выключается, включается и выключается. "Идём быстрее", — командовал уже сидящий на иглах Рудольф, как из-за очередного угла вышел упырь. Но не человеческий, а похожий на того, что убил Дайона, Герду и ранил Софию. Но он был куда меньше - ростом с очень большую собаку, но куда опаснее. Общие черты собаки сохранялись, но был очень длинный хвост и огромный толстый череп с небольшими отростками, по всей видимости, для тарана. Сражаться против такого без должной подготовки, брони и оружия - самоубийство, поэтому они рванули прочь, а существо - за ними. Зигфрид бежал впереди, всё ещё держа курс туда, где был сигнал. Следом за

ним бежал Рудольф, и самым последним - Вальтер, который из-за груза не мог их догнать, и существо наступало ему на пятки. Зигфрид запрыгнул на груды кирпичей, которая упала со здания при ударной волне, а затем на небольшую постройку и с неё - на обычное здание. Такому же примеру последовал Рудольф. Но он не стал убегать, как Зигфрид, а остался ждать Вальтера, за которым гналось существо. Чтобы хоть как-то выиграть время, он бежал зигзагами, и упыря заносило, он несколько раз ударялся о стены и замедлялся. Заметив, что Рудольф не бежит, а ждёт Вальтера, Зигфрид подбежал к нему, увидел бегущего Вальтера и крикнул ему: "Бросай её, она всё равно не жилец!" Вальтер молчал. Следом за ним подобное крикнул и Рудольф, желая спасти друга: "Вальтер, брось Софию, ей раздавило органы и кости, ей уже ничего не поможет!", но он бежал и смог оторваться сильнее после очередного зигзага между проходами, в который занесло монстра. Он выиграл время и добежал до Рудольфа, который протянул ему руку и помог взобраться. Времени на передышку не было, и они продолжили бежать уже по крышам, перепрыгивая выступы (а Вальтер осторожно ступал) и пробегая по доскам. Но тут улицу разделяла узкая дорога, и перепрыгнуть на соседнее здание не составило труда, но не Вальтеру из-за груза. Он хотел найти какую-то доску, чтобы создать импровизированный мост, но, обернувшись, увидел того самого монстра, который всё ещё гнался за ними. Его заметили и остальные, уже умоляя его бросить Со-

фию. Но его принципы оказались сильнее инстинкта самосохранения. Вальтер всё же прыгнул, но из-за слабого разгона не долетел до крыши и влетел в окно, разбив его и попав в помещение, а существо прекратило погоню. Вальтер услышал до боли знакомое: "А мы думали, ты сдох", и, подняв голову, увидел Яна, который сидел с Кольтом, несколькими полицейскими и десятью гражданскими, запертыми в одной тёмной комнате. "Чего?" — подумал Вальтер, осматривая лица всех присутствующих, не имея сил встать из-за удара от падения и груза сверху. Следом за ним через выбитое стекло в комнату запрыгнули Рудольф и Зигфрид, которые удивились не меньше остальных.

Кольт помог Вальтеру встать, а Рудольф снял носилки с Софией и положил её на пол. Комната была очень просторной, по всей видимости, это был зал. Стены были увешаны портретами проповедников Гиммлера, а над большим камином висел портрет самого Гиммлера. Новобожие Гиммлера - ведущая религия в мире на состояние 519 года. После первого удара, когда крестоносцы напали на Иерусалим в 1099 году прошлой эры, по миру prošлась ударная волна, уничтожив ряд городов и предав огню всё, что имело связь с религией. Из-за этого загорелись деревни и города, а мир погрузился в хаос. Последний огонь потух спустя три месяца, и остатки человечества начали борьбу за выживание. Помимо других людей, которые из-за первобытного голода начали есть друг друга, угрозой стали появившиеся из ниоткуда

огромные черви-кровососы и другие, невиданные ранее миру животные, которые к 519 году практически полностью вытеснили экосистему до первого удара. Но даже в таком хаосе нашёлся луч надежды - на руинах Священной Римской Империи появилась Великая Германия Гиммлера Нового Света под руководством Гиммлера, который спустя несколько лет отправился в уничтоженный Иерусалим, став новым богом и начав второй удар, который принёс в мир чёрный шторм, лёгкие земли, дышащую плоть и, позже, чёрную плоть...

Все трое осматривали помещение, в котором они находились. Софии оказал помощь один из гражданских, который был местным врачом. Внимание Рудольфа привлекла забаррикадированная сервантом дверь. Показав на неё пальцем, он спросил у командующих, почему они тут заперлись, хотя он уже всё прекрасно понял. Его слова дополнил Вальтер, интересуясь, что произошло, и им ответил Кольт:

— Когда строи разделились, Хуберт повёл нас в самый центр города, и буквально через несколько минут что-то огромное, похожее на быка, проломив несколько зданий... раздавило Хуберта. Просто ступило на него и убежало прочь, тогда мы и выстрелили два раза.

Кольт замолчал, ожидая их реакции, зная, что он был их другом. Прождав несколько секунд, он поднял с пола небольшой окровавленный свёрток газеты и передал его Рудольфу, который стоял ближе всех. Вальтер встал напротив него, а Зигфрид всё ещё стоял у разбитого окна, но смотрел за

его действиями. Слова Кольта прозвучали как гром среди ясного неба, и они смотрели на свёрток мёртвым взглядом под крик ворон, которых ещё не поглотил поглощающий рой. Несколько секунд оцепенения, и Рудольф вскрыл свёрток. Вместо останков друга там был кровавый раздавленный шлем, у которого, к удивлению, не сломался пикельхауб, а только помялся.

— Мы решили продолжить операцию, но уже просто эвакуировать всех тех, кого сможем, — продолжил Ян, смотря на Кольта, который ждал реакции новобранцев. — Как будто нам не хватало смерти ведущего, прибыла артиллерия и началась такая бомбёжка, что наших лошадей и практически весь личный состав унесло куда-то в сторону. Мы, благо, зашли за здание, чёртов Барнс. А потом... тишина. Мы пытались покинуть город, но встретили вот этих. — Ян указал на семерых гражданских, сидевших на полу в другой части помещения. — А потом такое началось... Я несколько лет воевал с поляками против Орды, и если она брала под свой контроль живых существ, то они не могли передвигаться там, где не было этой биомассы, а здесь бегали как опытные бойцы. Мы едва забежали сюда и забаррикадировались. Сейчас этажом ниже кишит эта фауна.

Ян закончил и посмотрел на всё ещё смотрящих на шлем Хуберта Рудольфа и Вальтера. "Не, вы издеваетесь?" Он встал со своего места и начал подходить к ним, но его остановил Зигфрид, начав рассказ своей истории:

— Мы тоже видели эту огромную мымру. Она проломила здание и утянула с собой Герду и Дайона, вот прям челюстью схватила и убежала, а София... Обломок здания повалил лошадь, которая уже упала на неё. Рим хотела начать эвакуацию, но мы уговорили её найти вас. Она приказала мне и им идти отдельно, пока они эвакуируют гражданских, как началась бомбёжка. Лошадей убило ударной волной, а Рим и её людей, наверное, тоже...

Кольт, который всё это время смотрел на Рудольфа и Вальтера, бросил взгляд на Зигфрида после слов о смерти Рим.

— Рим мертва... — тихо протянул Ян, а в его голосе читалось облегчение и одновременно грусть.

— Потом мы выстрелили из ракетницы и получили сигнал от вас. — Зигфрид остановился, осознавая, что, может, они видели сигнал не от них. Он посмотрел на Яна, который одобрительно кивнул, подтвердив то, что это были они. — Ну и дальше началось всё то, что было и с вами, вот так мы и оказались тут.

Вальтер и Рудольф к концу речи успели прийти в себя, и Яну не пришлось это делать самостоятельно. Удар от смерти Хуберта оказался сильнее, чем от гибели Герды и Дайона, но желание выбраться отсюда оказалось сильнее апатии. Первым же, кто задал вопрос о том, как они будут выбираться, спросил Вальтер, и ему ответил Кольт:

— Идти на штурм и прорыв сейчас равно самоубийству,

но и выбраться самостоятельно мы не можем. Все гражданские здесь - это инвалиды и старики, они не смогут убежать в случае опасности.

— Поэтому нам стоит просто дожидаться прибытия пехоты и огнёмётчиков, — добавил Ян.

Кольт посмотрел на него, будто желая возразить, но и лучшего плана не было.

— Да, дожидаться пехоту сейчас безопаснее всего.

— И мы что, даже не попытаемся выбраться отсюда?

— Если и попытаемся, то не сможем сбежать.

— А почему вы так уверены, что пехота прибудет, а не развернётся и уйдёт, увидев, что город полностью опустел?

— У тебя есть план получше? Тогда предлагай, — возразил Вальтеру Ян.

— Нет.

— Вот и молчи и жди помощи, а если что, то сдохнем вот здесь.

Плана у Вальтера реально не было, но ждать неизвестно чего он не собирался. Кольта тоже не радовала перспектива сидеть тут и умереть с голода, и по нему было видно, что тот пытается придумать какой-то план. Ян это тоже понимал, но ничего не делал - просто лежал на голом полу, задрав ноги, а Рудольф и Зигфрид помогали врачу спасти Софию, у которой, как оказалось, не было большой потери крови, но сломано несколько костей и частями передавлены органы (почки, кишечник). С начала операции прошло не больше получ-

са, а потери для Шертхальма и Вегиммии такие, как при тяжёлой и затяжной войне.

Прошёл час, затем два, а помощи всё нет и нет. Если буквально в первые минуты после начала операции прибыла артиллерия и разбомбила город, то солдаты должны были прибыть ещё быстрее, но их не оказалось, и это означало одно - помощи не будет, и если ничего не предпринять, то они умрут все от истощения. За эти два часа у Рудольфа и Яна были мысли о самоубийстве, но груз вины, который они унесли с собой за смерть гражданских, не дал им это сделать.

— У меня есть план... — слышались заветные слова. Это говорил Вальтер, который сидел прямо посреди комнаты и зачем-то изучал дощатый пол. — Смотрите. — Он позвал всех военных к себе, и они немедленно подбежали к нему, цепляясь за любую надежду на выживание. — Черти снизу знают, что мы здесь, и пойти на штурм первого этажа будет глупо, поэтому я предлагаю так. Мы вскроем несколько досок пола и подзовём монстров сюда, а потом откроем по ним огонь из оставшихся патронов. Это вряд ли их убьёт, но замедлит или ослепит. Затем несколько человек сбросят этот сервант вниз по лестнице, который собьёт и раздавит всех, кто стоит на ней, и не даст взобраться по ней тем, кто на первом этаже. Несколько человек, а может, один, останется здесь и будет стрелять отсюда по ним, пока остальные, прячась за сброшенным сервантом, будут отстреливать оставшихся.

— Надёжный как французские часы, — с иронией сказал Ян.

— Ян, а у тебя есть другой план? Помощи уже точно не дожидаться, — в ответ на иронию Яна спросил Кольт, который уже не мог находиться в этом помещении. Ему план показался хорошим. Во всяком случае, лучшим, чем пытаться бежать со стариками по крыше.

— Откуда он у меня может быть, если этих существ пули не берут? Вальтер, на что ты надеешься?

— У нас нет других вариантов... Да и как вы говорили раньше, они передвигались только по земле, покрытой плотью, а сейчас они свободно перемещаются по всем поверхностям. Возможно, в этом случае их регенеративные способности меньше.

— К тому же мы стреляли по той огромной херне, и от неё кусками отваливалась плоть, причём такими здоровыми, с кулак минимум. — Зигфрид вспомнил момент атаки огромного монстра и в конце выдвинул свой кулак вверх для сравнения. — А ещё Вальтеру удалось раздавить этих упырей. Мы когда шли к вам, встретили двоих, и он голыми руками разорвал двоих.

Знания Яна о плоти были большими, но не настолько, чтобы знать про них всё, поэтому он перестал перечить плану Вальтера. Вальтер хотел добавить, что тогда плоть прилипла к нему и не нанесла урона, а будто бы, наоборот, помогла разнести того монстра, но промолчал.

Кольт выслушал Вальтера и начал раздумывать о его успешности. Убедившись, что пол здесь - просто доски и сервант можно будет скатить вниз благодаря ножкам, он отдал приказ о начале выполнения плана и скомандовал Вальтеру, чтобы во второй части плана он сидел на втором этаже и отстреливал монстров здесь. Шесть военных (Рудольф, Вальтер, Кольт, Ян, Зигфрид и ещё один полицейский из отряда Кольта) начали сбивать гвозди с досок, а затем, используя винтовки как рычаг, демонтировали две доски. Свет в комнату ниже полностью не поступал, но запах крови ощущался после срыва доски прекрасно, а также были слышны шаги тех, кто скрывался на этаже ниже. Полицейские высунули в дыру свои винтовки, встав кругом, и ждали приказа Вальтера. С каждой секундой шаги было слышно всё лучше и лучше, и даже было видно их. "Ещё немного..." — приговаривал Вальтер и ждал, когда они подойдут ближе. "Огонь!" — прокричал парень, когда глаза существ уткнулись в стволы винтовок. Пламя от вспышек освещало помещение внизу, и было видно, что там монстров семь. После первого выстрела раненые монстры издали страшнейшие визги, и кто упал, кто начал метаться по комнате. Стрельба велась ещё двадцать секунд и прекратилась тогда, когда попадать в упырей стало невозможно.

"Сбросить сервант!" — скомандовал Вальтер, и все, кроме него, бросились к нему. Зигфрид навалился первый, и от его удара дверь, которая была заблокирована, прогнулась, а

после того, как в сервант влетел Ян, он выбил дверь, и мебель полетела вниз, сбив нескольких монстров и придавив собой. Они побежали вниз, и Рудольф, который был последним, глянул на Вальтера, бросил ему один магазин и сказал: "Удачи", бросившись следом за остальными. От появившейся дыры сверху и выбитой двери свет в комнату ниже начал поступать, и от этого огонь стал более прицельным. Существа, которые были там, были ростом с человека и меньше. Попаданий из винтовки хватало, чтобы повредить их, а при попадании в глаза - ослепить их. Нечеловеческие вопли издавались из этого здания, и, возможно, сюда уже бежит толпа этих чудовищ, но огонь шёл. Вальтеру пришлось заглянуть в эту дыру, дабы можно было вести огонь. Выглянул - существо с очень длинными конечностями схватило его за волосы, которые торчали из шлема, одной рукой, а второй - за винтовку и потащило вниз. Он упал лицом на пол, сильно повредив голову. Монстр, сбросив его, хотел откусить ему голову, но огонь из пяти винтовок сзади повалил его прямо на Вальтера, а едкая чёрная плоть попала ему на лицо. В том, что на него упала туша биомассы, не было ничего приятного, но она же и спасла его от атаки другого монстра, который вместо того, чтобы вспороть живот Вальтера, рубил своими когтями обессиленное существо. Держа винтовку, Вальтер отползал назад под крики своих напарников, которые очень хотели ему помочь, но не могли, так как было живо ещё несколько монстров. Когти упыря разорвали на

части упавшего на него монстра и полоснули несколько раз его самого от шеи до самого конца живота, оставив неглубокие раны. Давление на Вальтера оказалось меньше, и он смог двигать руками и, схватив винтовку покрепче, ударил ею монстра, а после его успели застрелить, и выстрел Зигфрида ранил Вальтера в руку. Истекая кровью и с нарастающими ожогами по лицу от плоти, которая ещё была на его лице, он отполз к стене, и сознание начало стремительно покидать его. Он бы продержался ещё дольше, но после очередного выстрела по монстру его раздуло как воздушный шарик, и его взрыв полностью лишил Вальтера сознания.

Глава 4. На утёсе

Острая боль в области левого глаза пронзила Вальтера, и он очнулся на том же месте, где потерял сознание несколько минут назад... Или часов? До потери сознания помещение освещалось едва, а сейчас оно было хорошо освещено из-за пробитой в стене дыры — по всей видимости, от мощного удара или взрыва. Всё тело болело, а руки были бледными. Как оказалось потом, он весь побледнел от потери большого количества крови и в сочетании со своими белыми волосами выглядел как отшельник из Скандинавии. Найдя в себе силы, Вальтер смог подняться, шатаясь так, будто он не потерял несколько литров крови, а ограбил бар. Осмотреть помещение удалось парню не сразу: ещё несколько минут он боролся с размытой картиной в глазах. Один глаз был повреждён настолько, что перестал полностью видеть, а из раны на животе, которую оставил ранее монстр, торчали куски плоти, кишки чуть ли не вываливались. "Недолго мне осталось", - подумал он и прошёл в сторону лестницы, на которой лежали обломки серванта.

По комнате будто бы прошёлся ураган: трупы монстров, чёрная плоть, которая по неизвестным Вальтеру причинам не разрасталась, а находилась на одном месте и бурлила так, как кипит чайник. Присмотревшись, он ужаснулся: плоть порождала на себе новые зубы и глаза, которые смотрели пря-

мо на него. Картина была просто ужасной, но не опасной... Пока.

Даже не это пугало его больше всего. Причиной потери сознания Вальтера стал взрыв монстра, который добил других чудовищ, и самое странное — не было ни останков, ни следов его напарников, хотя от такого взрыва должно было остаться хотя бы пару капель крови. С его ранами он не смог бы пройти даже несколько метров, но здесь он преодолел это расстояние и переступил через обломки серванта, начав подъём по лестнице. Даже здесь странности не заканчивались. На ступеньках были разбросаны книги, которых ранее тут не было, и каждое их название было так или иначе связано с миром во времена первого, второго удара и Гиммлера. Но самая "необычная" книга называлась так: "От церковного пса с Килена до бога". Каждая из них, вероятно, содержала в себе секретные и мрачные тайны, но их содержание Вальтера сейчас не интересовало — он хотел добраться до второго этажа. Ему казалось, что там сидят раненые приятели или хотя бы гражданские, но правда оказалась настолько ужасной, что многие бы застрелились, желая забыть эту картину. В другом конце помещения, у которого была сорвана крыша, вместо сидевших там гражданских было кровавое месиво. Не было ни одного человеческого образа — только плоть, куски жира и разорванные органы, плавающие в крови и муке от раздробленных костей. Перед ними, ближе к самому Вальтеру, лежали останки его напарников. Яну пол-

ностью снесло челюсть и сняло скальп, а всё тело было усеяно отверстиями от пулевых ранений. От Зигфрида, Софии и Рудольфа остались только обугленные скелеты, а понял, кто из них есть кто, он по не сожжѐнным полностью волосам. Ещё страшнее было от осознания того, что София очнулась и сгорела заживо, испытав жуткую боль. Лучше всех выглядел Кольт. Вместо жутких травм у него были только спалены волосы, брови и ресницы, а также виднелось несколько ожогов. Такие раны просто несовместимы с жизнью, но, когда Вальтер набрал воздух, чтобы закричать, Кольт посмотрел на него взглядом, наполненным отчаянием.

Вальтер открыл глаза. Его голова лежала на чём-то твёрдом, а взор был направлен в потолок из покрытого мхом и плесенью камня. Где-то в комнате раздавался едва различимый звук капающей из трубы воды, а в нос ударил запах сырости. Пол-лица

будто бы онемело, и ощущалась странная слабость, но в остальном его состояние было нормальным. Он мог бы встать на ноги, но сильная усталость не дала этого сделать. Вальтер осмотрел помещение, в котором находился, — это был штрафной изолятор или СИЗО, так как помещение для тюремной камеры было слишком маленьким, и вместо привычных для вегиммских тюрем огромных стальных дверей здесь были решётки. Ему удалось осмотреть только то, что находилось в поле зрения правого глаза: левый глаз ничего не видел, да и был ли он вообще? Прележав ещё несколько

минут и бегая правым глазом по комнате, он приподнялся. Не успел он ничего осмотреть, как знакомый женский голос, раздавшийся с левой части помещения, спросил его: "Ты в порядке?". Не поворачивая головы в сторону звука и даже не спросив, кто это, он ответил: "Не очень", поправляя по привычке постоянно съезжающий на лицо шлем, которого на самом деле не было.

Кто задал ему этот вопрос, его пока не волновало — его взгляд привлекло собственное тело и место, на котором он всё это время лежал. Его торс был без одежды, весь перебинтованный жёлтыми бинтами с редкими, едва заметными красными пятнами, а на левую руку был наложен гипс. Его спальным местом служила большая, приколоченная к стене доска с наброшенной простынёй и небольшой подушкой, которую достали, по всей видимости, из забытого всеми подвального склада. Простыня была также местами пропитана кровью и потом, а возле спального места лежали использованные бинты, вата и ведро с остатками засохшего гипса на дне. "Я здесь как минимум два часа", — сделал он вывод, глядя на полностью высохший гипс. "Ты здесь почти сутки", — вновь раздался тот самый голос. Вальтер только сейчас понял, что он здесь не один. Первый вопрос про его состояние он не принял во внимание, будто разговаривал сам с собой, но сейчас он точно осознал, что здесь не один.

Всё это время с ним разговаривала София. Живая. Это был точно не сон. Вместо обугленного трупа здесь была дей-

ствительно живая София — всё та же девушка с белыми волосами, ярко выраженной венгерской (а венгры, в свою очередь, являются полуславянским народом из-за переселения славян во времена эпохи варлордов и после первой Европейской войны) внешностью и "лисыим" взглядом. Он бы поверил больше в то, что выжила Рим, но не она. Её жизни прямо сейчас ничего не угрожало, но по её внешнему виду было видно, насколько тяжело ей далось это испытание на выживание. Ноги были полностью перебинтованы, а сквозь тонкую ткань на теле виднелся перебинтованный торс. Они обучались в одном отряде с самого начала, но он никогда не всматривался в неё, и только сейчас смог впервые разглядеть. Внешне она даже напоминала призрака. На её спальном месте не было использованных бинтов — только одиночные капли крови и четыре, а то и больше, пустые тарелки из-под еды. Их, может, было и больше, но его сил не хватало, чтобы сфокусироваться на них.

- Как ты вообще выжила?

- Я без понятия. Наверное, я потеряла мало крови.

- Даже если ты потеряла мало крови, от полученных ран ты должна была умереть, тебе же раздавило органы.

- Возможно, я бы умерла ещё тогда, но мне вовремя оказали помощь.

София отвечала холодно, без эмоций — впрочем, как и всегда. Но она знала, что именно Вальтер не дал ей умереть, и хотела как-то отблагодарить его и остальных, но не могла

заставить себя сказать эти самые слова поддержки.

- Спасибо, — сказала София вместо большой и эмоциональной речи, и было это произнесено так, будто она выдавила из себя слова через силу. Вальтер не сразу понял, о чём она, но потом догадался.

- Это наш долг. Не было бы меня там, тебе помогли бы другие.

- Да не прибедряйся ты, скорлупец! — послышался мужской голос за соседней стенкой.

Вальтер ещё не полностью пробудился, и ему сначала показалось, что это сказала София, а потом — что это тот неизвестный ему полицейский из отряда Кольта и Яна, лежавший в этой же камере. Но на самом деле звук издал кто-то за стеной, в соседней камере. Голос был очень знакомым, и, немного подумав, Вальтер понял, что это был Рудольф, потому что говоривший называл его "скорлупком". Его в шутку так называли только он и Дайон, но Дайон был мёртв, а значит, это был Рудольф. Вальтер обрадовался осознанию того, что хотя бы некоторые, а главное — его лучший друг, выжили. Они начали перекидываться шутками, которые понимали только они, а потом Вальтер обратил внимание на Софию, на лице которой явно читалась обида из-за того, что он так просто ушёл от диалога с ней, хотя ей очень хотелось поговорить. Быстро прекратив обмениваться шутками, он вернулся к разговору с Софией, который ощущался как удары ножа в грудь при воспоминании обо всех тех, кто погиб тогда.

- Ну, может, и не потому, что это наш долг, я так поступил. Если бы я бросил тебя тогда, то, возможно, не был бы сейчас как мумия, и мы спасли бы больше жизней.

- Почему же тогда не бросил меня, Вальтер?

- Я... я не знаю.

Ответ лежал на поверхности — милосердие Вальтера. Он боялся говорить об этом, считая, что навешивать на себя такие громкие слова неправильно.

- Понятно.

София, которая смотрела в сторону Вальтера, отвернулась и задела ногой пустую миску. Сделав такое выражение лица, будто её всё это уже достало, она положила посуду под кровать, и за всем этим процессом наблюдал Вальтер.

- Ты даже в этой яме нашла добавку?

София, нервно усмехнувшись, ответила:

- А? Ага, ха. С концлагеря привычка — брать больше, если есть возможность.

Вальтер ожидал, что она сейчас начнёт оправдываться, почему ест больше положенного. Но её нельзя было назвать девушкой даже крупного телосложения — она, скорее, среднего. В училище София ни с кем не общалась, но, когда наступало время трапезы, она не знала меры и ела как в последний раз. Кто-то считал её просто обжорой, а кто-то думал, что, судя по её отличным физическим показателям, она потребляла много еды, чтобы всегда была энергия. Но правда оказалась другой.

- В концлагере? Ты сейчас серьёзно?

- Ага.

Во времена крюгеровских восстаний восставшие часто использовали тактику концентрационных лагерей для всех "иных", и этой "иной" как раз была София и её семья, отец которой служил в вегиммском войске.

- Тогда, ещё при Крюгере, восставшие строили концлагеря, в которых содержались военнопленные, вот моя семья там и оказалась. Голодом морили нас очень часто. Скорее всего, от него бы и погибли, если бы лагерь не разгромила армия Крюгера.

Это была лишь верхушка айсберга, которую рассказала София. На самом деле там было ещё куда страшнее, и "на своей шкуре" она лично пережила пытки.

- И почему ты об этом никому не рассказывала? Если бы мы знали, то помогли бы тебе как-то... Герда уж точно.

От переизбытка эмоций Вальтер встал с кровати, оперевшись при этом на руку с гипсом.

- Так меня никто не спрашивал, да и со мной просто никто не общался.

- ...Прости.

Вальтер почувствовал себя виноватым, ему даже стало стыдно за себя и своих напарников. Они проучились несколько лет, а нормальный диалог вместо обычных вопросов по типу, в каком кабинете пара и надо ли переодеваться на физкультуру, получился только сейчас. Человек страдал,

пока остальные занимались своими делами.

- Да ладно тебе, главное, что хотя бы сейчас спросил.

После недолгого молчания Вальтер задал ещё один очень неудобный вопрос:

- Почему ты пошла в военную полицию? Тем более нам ещё в первые дни после начала обучения сказали, что мы зачислены в группы карателей.

- Конечно, жалела об этом, была на грани желания покинуть военную полицию и ещё много чего планировала сделать, но отсидела от звонка до звонка. А пошла я сюда... — София посмотрела на Вальтера ещё более пустым взглядом. — Меня никто не спрашивал. Просто родители заплатили кучу денег и закинули сюда, сказав, что я должна отомстить всем тем, кто унижал нас в концлагере.

На фоне достаточно личной и спокойной беседы эти слова прозвучали очень резко и громко, хотя она произнесла это даже тише обычного. Следом за этим она задала вопрос ему, не дожидаясь реакции и чувствуя, что наговорила лишнего:

- А ты почему пошёл сюда? Всё ещё желаешь остаться тут, а?

- Я... Мы с Рудольфом пошли сюда, желая вершить правосудие и помогать обычному населению. Но он здесь чисто из-за безопасности, которая действительно была ранее, а я просто хочу помогать людям. — Помолчав и обдумывая, он ответил на второй вопрос: — Если нас зачислили в Шертхальм и мы выбрались оттуда живыми, то это уже просто призва-

ние. Мы... уничтожим врагов Вегиммии.

- Эй, я всё слышу! И что значит "мы"? Я свалю отсюда сразу же, как только мы выберемся, — послышался голос Рудольфа, который слышал весь их диалог и не смог совладать со своим желанием прояснить текущую позицию.

- Ой, ты вообще молчи! — ударив по стенке незагипсованной рукой, сказал Вальтер, и молчание вновь повисло в воздухе, а София смотрела на него, не понимая, как реагировать.

- Хах, какая-то детская мечта, не в обиду... И последнее прозвучало как-то слишком пафосно.

- Я понимаю, но врать не собираюсь.

София моментально изменилась в лице. Хотя его цели и были детскими, но стоило отдать должное — он не поменял мнения за несколько лет и, даже едва выбравшись из ада, не потерял надежду и хотел продолжать сражаться.

Со стороны коридора, вдоль которого по одной стене располагались камеры, послышался стук сапог и отчётливый звук чего-то железного по камню.

- Так, сопляки, свои очень милые детские разговоры оставьте на потом, а сейчас ждите, когда за вами придут. А ты, Вальтер...

Это был Ян. Он стоял по ту сторону решётки с очередной миской каши на воде и какими-то подозрительными крупками.

- О, уже ходить можешь. Я думал, ты ещё несколько часов

будешь лежать и срать под себя, — удивился Ян, глядя на уверенную стойку Вальтера.

- Офицер Ян, вы живы!

- Ну а как же...

Ожидания Вальтера оказались намного лучше того, к чему он готовился. Неожиданно его заинтересовала камера, в которой он находился, и парень принялся её осматривать, подходя к решётке и ловя на себе взгляд Яна.

- А где мы вообще находимся и что произошло?

- А тебе это расскажут потом другие.

- Почему вы не можете рассказать сейчас, офицер Ян?

- А потому что не хочу.

Ян засмеялся и протянул ему сквозь решётку миску с подозрительной кашей, в которую была воткнута ложка. Она стояла полностью горизонтально, даже не думая нагнуться ни на градус. Дождавшись, когда Вальтер возьмёт этот "шедевр" кулинарии, он пошёл от их клетки в сторону. Вальтер был бессилен в этой ситуации и просто смотрел ему вслед, а потом на кашу и на Софию.

Направив руку с миской в сторону девушки, он спросил:

- Будешь?

Она сначала, будто чего-то стесняясь, отрицательно покачала головой, но, подумав, всё же взяла еду.

Возвращаясь на своё спальное место, он слышал ещё несколько шагов со стороны коридора, а затем женский голос:

- Ну почему не можем рассказать? Он же, считай, спас вас.

Две женские фигуры подошли к решётке, и одна из них схватила Яна за шиворот и потянула обратно к камере. Свет от тусклой лампы, в которой использовались свечи, только мешал рассмотреть пришедших. Но стоило им подойти ближе, как Вальтер тут же понял: это были Рим и Чарли! Однако руки Рим были усеяны шрамами, а на одном глазу была чёрная повязка с жёлтой немецкой звездой.

- Ну здравствуй, Вальтер. Думаю, у тебя есть много вопросов, о которых София не успела тебе рассказать... — прильнув к решётке, сказала Рим, а Чарли, стоявшая сзади, молча улыбнулась и помахала ему рукой.

- Рим? Но как ты выжила?

- Очень хороший вопрос, на который я с радостью отвечу, не то что некоторые, — с явным намёком на Яна говорила Рим. — Когда произошёл тот взрыв, мне не повезло попасть под обвал здания, но на меня упали нетяжёлые обломки и накрыло сверху крышей. Ну и по мелочи — осколки полетели в глаз, так что я могу теперь с уверенностью отвечать, что выбрала вилку.

Перед Вальтером стояла Рим, но он чувствовал, что с ней что-то не так. Будто события в Данциге повлияли на неё настолько сильно, что в её голове что-то щёлкнуло.

- Не хочу тебя перебивать, но, думаю, дальше будет легче рассказать всё по порядку и ответить на все интересующие вопросы, чем говорить всё то же самое в качестве ответов на

твои реплики. Договорились?

- Договорились...

промямлил Вальтер, переваривая всё только что сказанное. "А может, Герда и Дайон живы?.."

- Ну, значит, слушай. Помощь в итоге пришла, но только спустя четыре часа от начала операции. Она задержалась, так как на дорогах были очень большие заторы, и пришлось скакать по бездорожью. Прибыв, они хотели свернуть операцию и уйти, увидев, что их никто не встречает и город очень сильно разрушен, но Чарли пережила взрыв и встретила их, уговорив пробежаться по улицам. К этому времени я уже успела очнуться и выбраться из-под завала, и так повезло, что им удалось встретить меня.

- Лучше бы не встретили, — тихо сказал Ян, надеясь, что это никто не услышит, но от потери глаза у Рим будто бы усилился слух, и она треснула его по затылку. Сама же ментально получила ногой по ноге, но отвечать на это не стала, лишь фыркнув на него. — Ну и в общем, побежали мы дальше. Бежим, а кругом лишь одни развалины и трупы лошадей. Мы хотели уже было уходить, но увидели сигнальную ракетницу — это стреляла София.

- София?

- Ага, успела проснуться. Если бы не проснулась, то мы бы ушли из города.

Вальтер повернулся к Софии, а та даже не слушала Рим и не смотрела на него — она была занята поглощением каши.

Поняв, что никакой реакции от неё не будет, он вновь перевёл взгляд на Рим.

- Мы тогда смогли привести в чувство Яна и Зигфрида, они нам всё, что с вами произошло, и объяснили. Мы погрузили гражданских сразу же, и они успешно эвакуировались, а потом... — вместо энтузиазма Рим испытала страх, вспоминая события, которые произошли потом. За неё продолжила Шарлотта: — А потом такое началось. Мы уходили из города, как эти монстры повывлазили из всех щелей. Пехота пыталась давить их, но даже огнемёты не особо помогали, мы едва вырвались оттуда, потеряв половину от всей подмоги... Но ты, Вальтер, не грусти из-за этого, хорошо? Ты правильно поступил, выручив Софию, и, придумав план по зачистке этажа, ты молодец... Да. Твои знания ещё Рим понадобятся.

- Да, понадобятся... — сказала Рим. — После суда, если нас не казнят, твои знания очень помогут нам.

- В смысле после суда? — удивился и даже испугался Вальтер.

- Ах, забыла рассказать... Мы здесь, в СИЗО, сидим, потому что над нами суд будет. Общее военное руководство и правительство считают, что тот взрыв и смерть солдат — полностью наша вина. Вон там и будет решаться наша судьба, Вальтер...

- И как мы будем защищать себя? И почему вы не в камере? — он уже принял факт того, что суда не избежать, и начал задавать встречные вопросы по грядущему процессу.

- Честно — без понятия. Ни один адвокат не хочет связываться с нами, только Шарлотта и гиммлеровские проповедники на нашей стороне. Я надеюсь, что нам удастся их убедить, что это произошло из-за скудных знаний о противнике, и повысить эти знания поможешь нам ты. А не в камерах мы потому, что Чарли убедила правительство в том, что так почему-то необходимо. Я в подробности не вдавалась, но без неё мы бы сейчас также сидели за решёткой.

- Я?

- Ага. Рудольф и Зигфрид нам многое рассказали, да и, используя знания Яна и Кольта, думаю, что-то и выйдет. Сам Кольт сейчас спит, если что. Кстати, Вальтер... — Рим нагнулась, заложив руки за спину и, прищурившись, осмотрела лицо Вальтера, а затем, поморщившись, сказала: — Тебе не идёт лицевой протез, честно. Ты хотя бы его разрисуй, чтобы не так сильно портило твой внешний вид.

Почему он не видит левым глазом, парень начал понимать только сейчас. Всё это время обстановка была достаточно комфортной и даже дружелюбной, но стоило Рим сказать слова про лицевой протез, как у Вальтера тут же начала нарастать паника.

- В смысле "лицевой протез"?

- Ну а ты что, не заметил? Почти сутки прошли. Тебе протез лица вживили, пока ты в отключке был, ибо чёрная плоть плотно въелась в твоё лицо и пришлось тогда прямо на месте срезать тебе его часть. Эй, Ян, дай зеркало, я знаю, что оно

у тебя есть.

Она повернулась к Яну и выставила руку, ожидая, когда он даст зеркало. Были бы они сейчас одни, и попроси она для себя, он бы ей ничего не дал, но сейчас пришлось.

Повернув стекло к лицу Вальтера, он ужаснулся. Вместо двух третей левой части лица был лицевой протез. Это был не высококачественный кожный имплант, отличия которого от реального лица были минимальными, а просто кусок какого-то лёгкого металла, крепившийся за счёт вживлённых под кожу нержавеющей креплений. Для него это была настоящая катастрофа, и такую панику он не испытал даже тогда, когда они были заперты в том доме.

Шарлотта, видя, как он впадает в панику, что-то прошептала Рим, и после Харнер сказала ему:

- Там, кстати, Герда и этот француз... Вроде бы Дайоном звать, живы и без серьёзных травм.

Ожидания Вальтера оказались правдивыми: Герда с Дайоном живы. Паника парня от осознания того, что теперь вместо части лица у него кусок уродливого металла, сменилась радостью. Все, кроме Хуберта, были живы. Вспомнив Хуберта, он в очередной раз впал в отчаяние, но мысли о живой Герде и Дайоне заглушили эмоциональную боль и пустоту. Прутья из стали не давали ему обнять Рим, хотя сделать это было большим желанием, сам не зная почему, ведь она просто пересказала всё то, что произошло сутки назад.

- У тебя остались вопросы, Вальтер?

- Нет... Спасибо.

- Да пожалуйста.

Харнер развернулась и, подозвав рукой Чарли, ушла прочь по коридору. Уже выйдя из поля зрения, она обратилась к Яну: "Пошли, надо Кольта разбудить", и тут же получила ответ: "Иди, я хочу с ним поговорить".

Он подошёл ближе к решётке и ждал, когда Вальтер закончит ощупывать лицевой протез. По ощущениям это был покрашенный алюминий или другой металл, а сбоку от самого протеза под кожей прощупывались крепления. Как только он вспоминал о них, появлялось фантомное ощущение того, что они щекочат кожу изнутри. Был бы он сейчас один, возможно, расчесал бы себе щёку до крови, но Ян показательно покашлял, и Вальтер перевёл взгляд на него.

- И как ты себя чувствуешь?

- Нормально, офицер Ян. Могло быть и хуже.

- А как ты себя ощущаешь после выполнения твоего плана?

В его вопросе чувствовался явный подвох, но понять его было не дано.

- В каком смысле?

- Да в том, как ты это понимаешь. Не думал ли ты о том, что весь твой план был... того... бессмысленным?

- В смысле бессмысленным, офицер? Мы же...

Вальтер не успел договорить, как Ян схватил его за воротник через решётку и с силой притянул к прутьям. Парень

ударился лицом прямо о железо, и раздался громкий звук удара по металлу. Но на самом деле Вальтер начал осознавать, что его план действительно мог быть бесполезен. Если помощь в итоге пришла, то они могли бы просто подождать, не рискуя своими и гражданскими жизнями. А может, его план всё же не был напрасным?

- Да потому что эта бесовщина была просто бесполезной! Помощь пришла, и София использовала сигнальный пистолет, услышав солдат. То же самое могли сделать и мы, не рискуя жизнями.

Свободной рукой Ян треснул Вальтера кулаком по затылку, а потом ей же схватил за волосы и с некоторым интервалом стал бить головой о решётку.

- Из-за твоей же глупости ты сам стал инвалидом, а другие получили такие травмы и шрамы, что кошки шипят при виде них!

Ещё один удар кулаком о решётку — и у него пошла кровь изо рта и носа, капая на каменный пол.

- Эй, придурок, ты что творишь?! — закричала Рим и быстрым шагом направилась к Яну.

- Он же не знал, что помощь прибудет! — следом за Рим крикнула Чарли.

Увидев, что Рим хочет разнять их, Ян вытянул руку, не давая подойти к ним.

- Да что за тряска у вас-то началась? Всего лишь показываю этому щенку, что надо всегда представлять множество

вариантов, а не следовать одному, как упёртый осёл. От начала операции прошло всего два с половиной часа. Если бы ждали до ночи — тогда другой разговор, а сейчас...

- Да ты хотя бы подумай, что в суде скажут нам, глядя на его разбитое лицо, больной ты идиот!

- Как же ты мне надоела, ни ума, ни логики. В суде никто не посмотрит, что он рыдает кровью, кому там надо заботиться о здоровье "диверсантов". Не были бы мы "напарниками", я бы давно разбил тебе лицо.

- Ну так как наша совместная работа мешает тебе это сделать, а?

- Просто потому, что ты женщина, и за драку на рабочем месте нас бы в штрафбат гнить закинули.

- Как грубить женщине — ты первый, но драться ты, видите ли, "джентльмен", хах. Ну и мы не на рабочем месте, так что тебе мешает "избить" меня прямо здесь и сейчас?

Рим, стоявшая ранее в закрытой стойке, начала готовиться к бою. Ноги поставила в более устойчивое положение и принялась потирать правый кулак. Похоже, она смогла так разозлить Яна, что тот повернулся к ней и готов был начать драку. В СИЗО было тихо, только кровавые всхлипы Вальтера нарушали тишину. Этого не было видно, но все, кто находился в камерах, уже давно стояли у решёток и пытались разглядеть, что происходит. София хотела помочь Вальтеру, но оттащить его боялась и просто стояла рядом с испуганным взглядом, не понимая, что делать. Если бы она оттащи-

ла его, Ян бы ничего не сделал ей — у него нет ключей.

Драка вот-вот началась бы, но Вальтер размахнулся загнутой рукой и хотел ударить Яна в бок, но от ударов головой о железо у него началось головокружение, и

он промахнулся, разбив гипс о решётку. А когда размахнулся повторно, Ян успел перехватить его сломанную руку и начал бить её о железо.

- Тебе дело говорят, псина, а ты ещё и пререкаешься!

- Если бы мы-ыы... не зачистили этаж, то...

Вальтер не успевал договаривать, как Ян начинал его лупить, да и когда ты задыхаешься собственной кровью, говорить тяжело.

- Что-что говоришь? Повтори, не слышно! Тебя с членом во рту плохо слышно, сучёнок. Тебя и тебе подобных только так и приучать к дисциплине.

- То...

Вальтер сплюнул на пол несколько капель крови и всё-таки успел сказать всё то, что хотел:

- Зачищать пришлось бы солдатам... Это привлекло бы внимание и замедлило бы эвакуацию. Мы бы вряд ли выбрались.

- Что говоришь? Замедлилась бы эвакуация, мы бы не выбрались? Забавно.

- Вообще-то, он дело говорит, — вмешалась Рим. — Тогда мы быстро собрали всех и убежали, но даже тогда половину личного состава вырезала плоть. А если бы нам пришлось

ещё и зачищать этаж, то мы бы точно не выжили и не спасли гражданских.

- Опять ты вставляешь свои пять копеек, Рим! Помолчи, а? Может, ты и говоришь дело, но это никак не проверить, поэтому ты всё такой же не умеющий думать пёс.

Следующий удар снова пришёлся на руку. Он был достаточно сильным, Вальтер вскрикнул от боли, и на руке моментально появился синяк.

- Стой, у него же рука сломана! — запаниковала Чарли и попыталась оттащить озверевшего Яна.

- Эй, придурковатый, она же реально сломана! — добавила Рим.

- Да какая сломана? Была бы сломана, он бы ей двигать не мог, а сейчас ударить попытался меня... Это монстр, а не человек.

Он бы и продолжал его бить, не реагируя на слабые попытки Чарли оттянуть его, но Вальтера уже оттащила София и грохнулась вместе с ним на пол. Ян фыркнул и, уходя, бросил им вслед:

- Ну и помрите тут, щенки.

Вальтер пытался отдышаться, а София, используя оторванный кусок от своей штанины, пыталась остановить его кровотечение из носа. Рим и Шарлотта снова подошли к камере. Чарли поинтересовалась его состоянием, а Рим внимательно смотрела на его, как казалось ранее, сломанную руку. "Странно... Если мы не умрём, то обязательно надо прове-

ритель", — сказала Харнер и пошла будить Кольта, оставив его и Софию.

Сначала были слышны шаги, затем — голоса Яна, Рим и Чарли, а потом и Кольта. За ними последовала полная тишина, которую нарушали лишь всхлипы Вальтера, пока София вытирала ему кровь, как маленькому ребёнку. Он почти никогда не держал обиду на людей и Яна всегда уважал, но сейчас тот упал в его глазах. Вальтер затаил обиду, но не до такой степени, чтобы желать смерти, — считал, что мир сам накажет его. Вновь его взгляды столкнулись с противоречиями: а можно ли Яна назвать "плохим" из-за того, что он считал, будто операцию надо было выполнять иначе?

В СИЗО не было ни часов, ни окон с выходом наружу, и все здесь давно потеряли ощущение времени, а Вальтер, которого избили, и подавно. Но сидеть здесь вечно они не могли, и через два часа, которые показались вечностью, со скрипом и громким

стуком об стену железная входная дверь открылась, и кто-то сказал: "Собираемся, суд начался". Поочерёдно камеры открывались, а солдат заковывали в наручники (командующих, кроме Чарли, тоже). Очередь дошла до крайней камере Вальтера, Софии и ещё одного полицейского. Военные удивились, увидев разбитое лицо Вальтера, но ничего не сказали и также заковали их в наручники. Когда все были готовы, их вывели на улицу — было утро, но ещё не рассвет, может, часов 10-11, и их уже ждали повозки с лошадьми, которые

помчались куда-то вглубь города. Вальтер за всё это время так и не спросил, где они находятся, но спрашивать сейчас побоялся и начал осматривать здания и улицы.

По всей видимости, они находились в Новом Смертоберге — столице Вегиммии, которая после Европейской войны, когда Гюнтер отравил воздух, оставалась необитаемой на протяжении нескольких сотен лет, и в честь этого события был установлен памятник, мимо которого они проезжали. Сам город является бывшим Кёнигсбергом, но был переименован при Гиммлере. Он сидел в повозке с Софией, Рудольфом и Зигфридом, которые также молчали весь путь. В других повозках Вальтер смог разглядеть Герду и Дайона, и тогда он наконец-то вспомнил о Барнсе и задался вопросом: "А что с ним?". И тут же сам получил ответ на него — мёртв.

Лошади прибыли к огромному зданию суда, выполненному в немецком стиле и имеющему свой двор и тропинку, вдоль которой были посажены цветы и стояли памятники деятелям гиммлеризма-гюнтеризма. Здание внутри было не менее большим, но это был не сам зал суда, а только просторный коридор, по бокам которого располагались бухгалтерии и другие помещения, а сам зал суда находился за дверью в конце холла. Их уже ждали. Зал был заполнен людьми: члены Церкви Новобожия Гиммлера, спецслужбы, общее военное руководство и много других лиц, а также судья собственной персоной. Пока членов Шертхальма вели к своим местам, все молчали, но следили за каждым их шагом, едва сдержи-

ваясь, чтобы не осыпать их оскорблениями за город и погибших в нём солдат, которых можно было спасти.

Кольт, Ян и Рим, зайдя в зал, испугались одного: где командование Шертхальма или хотя бы его остальные члены? В базе Шертхальма находилось много солдат и большое руководство — где же оно сейчас? Тогда они поняли, что весь суд придётся вытягивать им с проповедниками в одиночку. Заняв свои места, судья начал:

"Приветствую всех присутствующих. Несколько суток назад Шертхальм — секретный штаб, действующий вольно, без привязки к общему военному руководству, занимающийся изучением последствий первого, второго и третьего ударов, а также подготовкой командующих, — провёл операцию по ликвидации трагедии в Данциге. Операция провалилась, и очень многое указывает на то, что большие потери среди военных и гражданских — это результат диверсии Шертхальма. На суде Вегиммия выслушает общее военное руководство, которое выделяло ресурсы на эту операцию, и Шертхальм, сторону которого возглавят Пилсудский, Дэвис и Харнер, поскольку руководство организации не выходит на связь уже несколько суток и есть некоторые данные, указывающие на его полное уничтожение... Прямо сейчас мы выслушаем общее военное руководство. Прошу".

Один из членов ОВР, тот же самый, что и несколько дней назад в штабе скидывал на Шертхальм ответственность, встал и начал приводить свои аргументы:

"На операцию по спасению Данцига нами было выделено 100 военных полицейских, 80 из которых дезертировали, и Дэвис простил им это, а 20, из которых выжило только 7, неофициально перешли на сторону Шертхальма, 40 огнеметных солдат, которые все погибли, и 360 пехотинцев, половина которых также погибли. Помимо больших потерь

людской силы, это большой удар по моральному духу Вегиммии и главное — потеря крупного города и начало вторжения врага на нашу землю. До их прибытия своими силами удалось покинуть город только двум тысячам человек, а эвакуировано ими менее пятнадцати. А также на их вине смерть Барнса Альфреда, который являлся членом ОВР, но добровольно руководил операцией. В представленных вам документах есть доказательства причастности Шертхальма к намеренному саботажу операции. "Взрыв", который уничтожил немалую часть города и убил Барнса Альфреда, как нам сообщил сам Шертхальм, произошёл после начала артобстрела, но орудия и солдаты прибыли только спустя четыре часа. У нас есть причины полагать, что они взорвали находившийся в городе огромный склад дышащей плоти, которую не успели утилизировать после принятия новых законов. Мы требуем, чтобы Шертхальм полностью распустили, имущество изъяли в нашу пользу, а тех, кто принимал участие в операции, — казнили".

Он закончил и, не садясь на место, ждал ответа судьи. "Понятно", — сказал тот и посмотрел в сторону Кольта, Яна

и Рим, а затем объявил, что они могут начать защищать себя.

Кольт выступил первым. После того как представитель ОВР закончил свою речь, другие члены ОВР и наблюдатели кричали Шертхальму оскорбления по типу: варвары, людоеды, диверсанты и другие.

"Мы не снимаем с себя полностью ответственность за гибель большого числа солдат и гражданских, но эти потери произошли в ходе операции, для которой у нас не было ни ресурсов, ни знаний. Нам на месте пришлось придумывать план действий, имея в наличии только двадцать неопытных военных полицейских. Не начини мы операцию, в противном случае мы бы не спасли и одного человека, так как помощь прибыла ещё очень нескоро. Церковь Гиммлера должна была предоставить вам доказательства нашей непричастности к взрыву. К тому же нам пришлось действовать без руководства — все обязанности Шертхальма пали на нас, точнее, на нас их скинули во время собрания в штабе, хотя ОВР, МЧС и министерство здравоохранения знали об отсутствии руководства и солдат".

Следом за Кольтом представитель ОВР попытался оспорить его слова:

- Пускай вы и действовали без руководства, вы, Дэвис и Пилсудский, известны своими военными заслугами, а также в ходе операции вы смогли узнать о враге достаточно информации, дабы не допустить гибели большого числа солдат.

Настала очередь Рим. Ещё в СИЗО они обсуждали свой

план действий на суде, и когда настанет очередь объяснить пользу, которую принесёт Шертхальм, это расскажет она. Кольт сел, и встала Рим.

"Шертхальм долгие годы играл роль главного щита для Вегиммии от чёрной плоти. Ян Пилсудский регулярно отправлялся для помощи коалиции сдерживать чёрную орду, а другие члены Шертхальма её изучали, и именно он вообще узнал о приближении плоти к Данцигу. Распустив и казнив организацию, Вегиммия ослабнет на фоне надвигающегося врага, который уже захватил город и продвигается по нашей стране. Сможет ли армия остановить её, полностью лишившись знаний? Не думаю. Также в нашу защиту хочу добавить, что в ходе операции у нас появилось очень большое количество информации, которую следует изучить, и она способствует нашей контратаке... В качестве доказательства я хочу вам показать это..."

Рим специально для этого случая взяла с собой сумку, в которой находилась колба с живой чёрной плотью. Достав её, весь зал ахнул, а Рим продолжила:

"Это — чёрная плоть. Мы смогли собрать образцы в Данциге, и, по имеющимся у нас данным, плоть, если находится далеко от центра коллективного разума и основной биомассы, быстро погибает, но эта жива уже несколько дней, и у нас есть причины

полагать, что это так называемая автономия чёрной плоти, о которой узнала церковь Гиммлера".

После слов Рим Кольт вновь встал и озвучил то, чего хочет Шертхальм:

"Шертхальм даже без руководства представляет большую силу для Вегиммии. Мы просим вас не распускать организацию, а позволить нам изучить чёрную плоть, при этом потери личного состава, который числился за военным руководством, возмещаются за счёт церкви Гиммлера. А все те солдаты, которые перешли на нашу сторону, продолжают числиться в составе Шертхальма".

Все закончили свои речи, и судья, не удаляясь, совместно с комиссией прямо на месте что-то обсуждал. Через несколько минут судья вынес итоговое решение:

"По имеющимся у нас данным, Шертхальм действительно невиновен, и все потери — результат обстоятельств. Но он обязуется выплатить двойные репарации ОВР, которое, в свою очередь, мобилизует армию и начинает сдерживать наступающего врага, а Шертхальм не может иметь более семи-десяти человек личного состава. Все изученные данные по чёрной плоти должны будут передаваться правительству, а пока руководство Шертхальма не выйдет на связь, обязанности руководителя организации будут исполнять Кольт, Рим и Ян. Суд окончен".

Худшее позади! Шертхальму удалось защитить себя и хотя бы избежать смертной казни для всех его членов. Репарации полностью возместит за них Церковь Гиммлера, но теперь появились другие проблемы: где взять больше личного

состава? Новое руководство понимает, что воевать им ещё придётся очень много, хотя на себя эту роль взяло ОВР.

Их всех отпустили, и на выходе Кольт предложил объявить сбор добровольцев. Яну показалась эта идея, на удивление, прекрасной, и он сразу сообщил, что призовет на службу в Шертхальм своих шестерых друзей, с которыми они были ещё в качестве обычных пехотинцев против чёрной орды несколько лет назад.

Глава 5. Тогда, когда мы дома

Выход из здания суда для всего Шертхальма ощущался так, словно они оказались дома после четырех лет сидения в окопах под постоянными артиллерийскими обстрелами. Ясный, осенний и прохладный день только добавлял чувства облегчения, а скульптуры и фонтаны вблизи здания суда даровали такое умиротворение, что описать его было просто невозможно... Такой момент не хотелось прерывать очередной проблемой, которых накопилось у Шертхальма немало, но пришлось - пускай эта проблема и была меньшей из тех, с которыми они столкнулись и с какими им еще предстоит столкнуться. Все девять человек находились в абсолютно неизвестном для них городе. Попасть в столицу иногороднему - очень редкое событие, и даже такие командующие, как Рим, Ян и Кольт, были здесь всего лишь несколько раз в жизни. Новый Смертоберг был для них абсолютно незнаком и даже пугал. Оттуда, откуда они были родом, не было такого размаха, отсюда и возникало это чувство у них и у полицейских.

Пройдя через ворота здания суда, командующие и Чарли (которая решила остаться с Шертхальмом, а не покидать его; при этом она до сих пор числилась важной персоной церкви Гиммлера, в отличие от военных полицейских, которые являлись частью общей армии) остановились все в один момент,

не понимая, куда идти дальше. Нет, план действий у них был - сесть в повозку и отправиться в штаб, отсюда, по идее, час езды максимум, но где найти эту самую повозку? Герда, Зигфрид и София пошли дальше от ворот, пока остальные остановились вместе с командующими (личный состав Шертхальма сейчас состоял из шести полицейских: Герды, Дайона, Зигфрида, Рудольфа, Софии и Вальтера; тот седьмой, что был в камере Вальтера и Софии, не переходил в Шертхальм и остался в составе военной полиции при ОВР). Они не знали, куда идти и куда они вообще направлялись, и шли дальше просто по инерции.

- А вы что, знаете, куда идти? - с иронией сказал им вслед Ян.

- А, точно.

Рудольф остановился и осознал, что он сам не знает, куда идет. Фонового шума не было, и остальные прекрасно его слышали, но не отреагировали и прошли еще несколько шагов, а осознали, что сами не знают город, только тогда, когда уже сам Рудольф сказал им об этом. Теперь уже все стояли на одном месте и не знали, куда идти дальше. Рим предложила поспрашивать у людей, и все согласились с этой идеей, так как других вариантов просто не было. Возле здания суда ходили местные жители, и по их одежде был виден их статус. Зигфрид первым подошел к прохожему и спросил, где находится железная дорога или стоянка. Представьте: к тебе, жителю столицы, который не знает бедности, подходит здо-

ровый мужик в грязной и рваной одежде, с перебинтованной рукой, да еще и возле здания суда. Все испытывали только отвращение с испугом и, ничего не говоря, просто ускоряли шаг.

Попытка Зигфрида была первой и последней, так как Чарли предложила попросить у проповедников организовать повозку. Все, конечно же, согласились, и девушка подбежала к уходящим из суда проповедникам, обсуждая что-то с ними. Никто не слышал, о чем они говорят, но Вальтер, который имел некоторые проблемы со слухом, наоборот, расслышал слова: "для тебя, дитя инквизиции, все что угодно". Моментально он вспомнил свой сон, когда, поднимаясь по лестнице, нашел книгу с надписью "От церковного пса с Килена до бога". Почему ее называли "дитя инквизиции", когда обычно говорят "дитя Гиммлера"? Он видел в этом какую-то взаимосвязь, но не мог понять, что именно... Только он задумался об этом, как Шарлотта вернулась к ним с вестями, что им выделяют одну повозку с конюхом, и показала в сторону - эту повозку уже начало гнать к ним.

Их было всего десять человек, и они с трудом поместились в повозку. Полицейские Вальтер, Рудольф, Дайон, Герда, Зигфрид и София сели на одну скамью, а командующие и Чарли сели напротив. На их скамье поместилось бы еще один-два человека, и новобранцам не пришлось бы тесниться, но никто не посмел сесть с ними. Конюх спросил, куда им ехать, и Кольт назвал лес, в котором и находился штаб.

Почти все осматривали столицу, по которой они проезжали, и не общались друг с другом - они еще наговорятся. Первый разговор произошел тогда, когда они уже почти выехали из столицы, и пяти-, местами семиэтажные здания сменились застройкой одноэтажными домами с огородами, так что разглядывать было уже нечего. Своим одним глазом Рим смотрела на Вальтера, и ее зацепили раны, оставленные Яном еще несколько часов назад. Тогда у него были синяки под всеми глазами, ушибы и ссадины на щеках и лбу, а также разбиты губы с носом. А сейчас его травмы хоть и оставались, но стали менее заметны, и он перестал выглядеть как побитый помидор. Имея информацию о том, что происходило в городе, у нее начали складываться некоторые теории.

- Вальтер. Ты знаешь, что мы собираемся сделать с тобой?

- Простите, не знаю, офицер Рим.

- Можно не так официально со мной. Мы собираемся провести некоторые опыты над тобой, поскольку все то, что происходит с тобой, нельзя объяснить везением и удачей.

- А, опыты... Вы что-то подобное говорили еще в СИЗО.

- Да, говорила.

Все замолчали. Полицейские делали вид, что их не интересует этот разговор, но внимательно слушали их, а Кольт и Чарли пристально смотрели на Вальтера, как и Рим.

- Они обязательны? - спросил Вальтер.

- А ты что думал? Обязательны. Твое мнение здесь не учитывается, это обязательство. Мы не собираемся тебя вскры-

вать, но отказаться ты не можешь.

- А я бы вскрыл, - встрял в разговор Ян и получил "ответку" от нескольких людей сразу.

Чарли, сидящая с ним, дернула его за плечо и, как ребенка, отчитала несколькими словами. Рим, что странно, ничего не ответила, ведь она сама была не против вскрыть его, а Кольт, который обычно не реагировал на выходки Яна, зачитал ему небольшую лекцию о том, что сейчас подобные раздоры приведут их только к очередному суду, который они проиграют автоматом. Пилсудский бы поспорил с одним человеком о нужде во вскрытии Вальтера, но сейчас таких людей было трое, и ему стало просто лень оспаривать это со всеми. Он только, подшучивая над Вальтером, спросил у него, не обижается ли он на него за то, что тот избил его до немогшего состояния, и получил ответ "нет", произнесенный сквозь зубы.

- Ну вот и славно, - ответил ему Ян.

Кольт особо не контролировал поведение своих подчиненных, считая, что ограничивать человека вне поля боя - это нарушение его свободы, и что каждый должен действовать так, как считает нужным. Наказание, по его мнению, придет к этому человеку если не от него, так свыше, и оно необязательно будет являться попаданием в котел после смерти, а явится в виде выговора и наказания со стороны других людей. Но почти все, служившие под его руководством, знали, какие наказания он может дать, если все же

пойдет на эти меры. В этом и заключалась его дисциплина - несколько человек когда-то послужили примером того, что будет, если использовать политику Кольта для образования дедовщины и простого вредительства. Яну он просто сделал выговор, так как они находились не там, где можно закинуть гнить в штрафной изолятор два на два метра, да и Ян имел почти все те же права, что и он сам. Сейчас он посчитал, что Вальтер и так достаточно много пережил и сделал слишком много с учетом его навыков, а его хотят вскрыть. Все знали о его дисциплине, но никто не интересовался, что стало причиной такой политики управления подчиненными, ведь он сам почти ничего не рассказывал о своем прошлом даже близким друзьям. Кто-то считал его поехавшим на военном деле, а кто-то другой, кто мыслил глубже, считал, что военное дело для Кольта стало проклятием, из-за которого он не может вести нормальную жизнь. Ведь у всех остальных - у Рим и Яна - есть личная жизнь и хотя бы друзья. Кольт, который знал Вальтера и весь их отряд всего несколько суток, уже проникся уважением к ним: будучи новобранцами, они пошли в бой. Сначала он списывал это на неопытность и думал, что после первого взрыва или смерти товарища они увидят истинное лицо войны: порванные тела, кричащие от жуткой боли друзья, умоляющие убить их, гниющие трупы, которые лежат друг на друге уже несколько месяцев и никто их не убирает, и так далее. Но когда все те, кто выжил из них, добровольно примкнули к Шертхальму, он их зауважал.

Повозка остановилась возле входа в лес, и кучер сказал, что дальше их не повезет - нет дороги, и они просто попросили оставить их у леса. Никто, впрочем, и не возражал. Был разгар дня, и никто не боялся до тех пор, пока, проходя по сосновому лесу, Чарли не стала запугивать молодых полицейских историями о мегаволках и мегамедведях, живущих здесь. После первого удара новые животные стали вытеснять старых, а после второго они почти полностью заменили экосистему собой, уничтожив прежних. По неизвестным причинам не все животные вымерли, а, как и новые животные, после второго удара начали быстро осваиваться, и волки с медведями в их числе значительно выросли для выживания в новой экосистеме. Она рассказывала об огромном черном волке, которого специально кто-то вывел, чтобы он нападал на людей, и как его подстрелили серебряными пулями, и про стаю медведей, которые за ночь вырезали деревни. У нее был странный и необъяснимый материнский инстинкт к новобранцам. Она защищала их, но, как и сейчас, была не против их поугатать и относилась к ним не слишком трепетно и близко. Но это было не совсем то же самое, что и забота Герды. Полицейская относилась ко всем очень хорошо и общалась со всеми, пока Чарли была как нянька или дальний родственник. Любви как мать она не испытывала, но оберегала их и переживала.

Конечно, они были уже не в таком возрасте, чтобы бояться сказок про волков и медведей, но, вспоминая пережитое, от

этого им становилось не по себе. Рудольф, который странно реагировал на все слова Чарли, занервничал больше всех и попытался завести разговор с Вальтером, который думал о том, как он разрисует лицевой протез.

- Да, прикинь, черный волк. Ну и бред же, да?

- Ага. Что-то совсем детское.

Рудольф понял, что Вальтер не испугался, по его интонации.

- О, смотри, как Герда и Дайон прижались друг к другу - точно боятся...

И действительно, они шли, прижавшись друг к другу, и это выглядело достаточно странно и нелепо. Вальтер, который боялся за их жизни больше всего, на фоне последних событий вовсе забыл о них.

- Руд, ты же общался с ними?

- С кем?

- С Гердой и Дайоном.

- Да я даже больше скажу - я с Дайоном был в одной камере. А что такое?

- Да я вот волнуюсь за них - как они вообще выжили? У Хуберта и Барнса даже больше шансов было...

Рудольф тут же забыл о том, что его напугали истории о волках и медведях, и вспомнил обо всех тех, кто погиб тогда. Хуберт, его второй лучший друг. Барнс и другие полицейские, которые отправились в город в надежде спасти свои семьи, а в итоге сами погибли в нем, не спася никого.

- Не знаю. Я когда очнулся, мы ехали в Новый Смертоберг, и я увидел их двоих. Меня, Дайона и Зигфрида в одну камеру посадили, так Дайон вообще ни о чем не говорил. Видно, такой стресс пережил, жалко его...

- А ты видел, какие у него травмы были?

- Видел, конечно. Огромные гематомы и ушибы на животе, как и у Герды. Скорее всего, оно их обронило.

- Наверное.

- Ты помянул Хуберта? - спросил Вальтер.

- Не было времени. Прибудем в штаб, там попрошу у кого-то из командиров провести похороны. Кстати, вот.

Рудольф достал из кармана своих мешковатых штанов, в которые его переодели по прибытии в больницу (их сначала всех отправили в больницу, и там же Вальтеру установили лицевой протез; затем пришел приказ об их задержании, и, убедившись, что их жизням ничего не угрожает, их отправили в СИЗО), сверток ткани, в котором был тот самый раздавленный шлем Хуберта. На нем не было крови и грязи, как тогда, - все смылось за это время.

- Это единственное, что осталось, ты сам понимаешь. Я бы хотел что-то сохранить на память...

После этих слов он отломал пикельхауб с его шлема, который и так держался на последних силах. Вальтер ничего не сказал - он поступил бы ровно так же. Они замолчали, вспоминая своего погибшего друга, и это молчание прервала София, которая подошла к Вальтеру, и теперь тот находился

между ней и Рудольфом. Она хотела о чем-то поговорить, но, подходя, увидела, что они вспоминают Хуберта, и просто ничего не говорила, не уходя от них. София была очень "специфичной" девушкой. Как было сказано ранее, она была серой мышью, но причиной этому было не только ее затворничество и страх общества, а ее некоторые выходки, о которых Вальтер и Рудольф не знали, пока остальные - да. Помимо незнания меры в еде, ее поступки отпугивали окружающих. К примеру, она часто проявляла садистские наклонности. На занятиях часто замечали, как она расчленяла убитое насекомое. Еще нередко, отвечая на вопрос преподавателя, ее будто заносило, и она уходила в темы, не связанные с вопросом. Это никому не вредило, но отпугивало всех, а Вальтер и Рудольф (а еще и Хуберт) не замечали в этом никаких странностей, считая, что просто такой человек. Даже Герде становилось некомфортно от нее. Зигфрид, заметив, как она подошла к ним двоим, подумал, что она сейчас скажет что-то очень неуместное и даже очень обидное в адрес их общей трагедии, но этого не произошло, и это удивило его даже больше, чем то, что могло произойти. Тогда в СИЗО он не слышал их разговор - он спал, поэтому так и думал.

Они шли ногу в ногу, и это даже выглядело забавно со стороны, пока кто-то не узнал бы, что сейчас они переживают (кроме Софии). Вдали, сквозь стволы высоких сосен и редких берез, начали виднеться колокола связи и заброшенные строения, а они все так же шли молча и вспоминали Хубер-

та. Но Вальтер все-таки заметил Софию, которой это порядком наскучило и она собралась уходить, и он будто вышел из транса.

- Ой, прости, София, не заметил тебя. - Сбившись с единого шага и почесав затылок, Вальтер заговорил с ней.

- Все нормально.

- Ты что-то хотела?

- Просто поговорить.

Вальтер был не против того, что он подружился с Софией, но сейчас он абсолютно не видел тем для разговора с ней - он больше хотел пообщаться с Рудольфом, с которым не общался нормально еще с самой операции в Данциге. В его голове крутились разные темы, но ни одна ему не показалась интересной, да и его опередил Рудольф.

- София, а что ты так резко к Вальтеру-то приклеилась?

Его вопрос поставил ее в неловкое положение. Не оттого, что этот вопрос был для нее каким-то сильно личным или обидным, а оттого, что она не ожидала, что с ней заговорит кто-то, кроме Вальтера.

- Ну, оно как-то само, просто вот... И все.

За те несколько часов, проведенные в СИЗО с Вальтером, и за годы службы и обучения она заметила некоторые черты его характера - к примеру, во время стресса он мог шутить - и начала, не понимая этого сама, перенимать эти черты (после годов молчания и не такое будет). Но она не становилась точной копией - она не нервничала, а просто попыталась та-

ким способом развить диалог.

- И все... А ты что, ревнуешь?

- Да ты не представляешь даже насколько! Черт, были бы мы с тобой тут одни, я бы за него тебя уже волкам скормил.

В отличие от Вальтера и остальных, София не понимала этих шуток, и от услышанного ей стало противно. Но она начала подозревать что-то, когда Зигфрид, который шел рядом, начал немного смеяться, и по веселой интонации самого Рудольфа, с которой он это все сказал.

- Не думала, что все это время меня окружали "мужеложники".

- А ты что думала? Мы тут поголовно такие, даже Герда. Жаль, что тебя в нашем объединении нет.

- Есть способ вступить? Я только за.

Уже здесь София начала понимать, что он действительно шутит, и начала этому подыгрывать. Ян и Рим, которые шли, на удивление, рядом и позади полицейских, смотрели на них, и Харнер сгорала от стыда. Пилсудский это заметил и спросил, каково это - иметь брата-гомосексуалиста, и добавил, что если она хочет избавиться от него, то может донести на него: в Вегиммии их, как и некоторые другие меньшинства, по типу первоверцев (тех, кто верит в прошлые религии, не включая эволюционировавшее православие в свою собственную религию со своими конфессиями), не любили и карали законом.

- Ну, значит, София, смотри. Это целая философия и

вера, тебе нужно провести обряд, по которому мы решим, брать ли тебя в наше число или нет.

- И что за обряд?

- Так, рассказываю...

Все же Рудольф не рассказал - Вальтер опять заговорил сам с собой.

- Надо бы няне письмо отправить, а то уже как два года не виделись, не списывались, - пробубнил он себе под нос, и это просто не могло остаться незамеченным.

Первым услышал Зигфрид и, ткнув пальцем, прокричал: "Журавля ему вломите!" И следом за ним это подхватил Рудольф.

- Журавль один, журавль от меня... - Он посмотрел на Софию, которая знала этот прикол, но никогда не участвовала. - Э, София, а ты будешь давать журавля?

Она замешкалась и хотела отказаться, но почему-то согласилась. Сзади Рим выкрикнула, что не знает, что это такое, но очень просит дать его от нее. Ее примеру последовал Ян, а Кольт и Чарли промолчали. Рудольф спросил у Герды и Дайона, и ответил только Дайон - "давай", а Герда все молчала.

Вальтер попытался оправдаться, что он это говорил всем окружающим, а не просто вслух, но Рудольфа было не остановить. Он размахнулся, как вдруг к Вальтеру подошел Кольт и сказал ему что-то очень странное и непонятное: "Смотри в оба. Может, завтра такого не будет" - и отошел, дав возможность Рудольфу дать ему журавля. Вальтер пы-

тался понять сказанное, но несколько плотных подзатыльников выбили эти мысли из головы. Рим и Ян, которые не знали, что означает "дать журавля", узнав это, вовсе не жалели о содеянном, а Шарлотта, тоже узнав об этом, подошла к Вальтеру и начала расспрашивать его о самочувствии, перед этим сказав Рудольфу, как ему не стыдно. Но, если так судить, эта ситуация улыбнула почти всех.

Чем дальше они шли, тем больше строений они видели. Вместо заброшенных зданий уже начали появляться работающие строения - склады, жилые дома (которых было на территории штаба 35, и в каждом могло жить по 5 человек; сделаны для сотрудников, которые находятся здесь в командировке или далеко от дома), различные корпуса и само здание штаба, которое не скрывали деревья. Это было здание, построенное по типу старых крепостей, хотя само оно было возведено только при Крюгере. В самом здании находилось несколько больших учебных залов, кабинетов, лабораторий, актовый зал, банкетный зал, а в подвале - казармы для военных организаций и пыточные комнаты. Было одно но - сейчас здесь вовсе не было людей, и это напрягало новобранцев. Раньше здесь всегда было много народа. Ходили солдаты, уборщики, повара, строители, командиры и много другого персонала. Яна это смутило больше всего, и он спросил у Кольта, что вообще происходит.

- Кольт, а почему тут людей нет?

- Врать не хочу, но я сам не знаю. Возможно, весь персо-

нал ушел из Шертхальма после получения известия о смене руководства, так что эта огромная территория полностью на нас.

- Эта огромная земля на нас?! Кольт, ну ты чего... Легче... Не знаю, себе вены вскрыть, чем следить за всем этим всего вдесятером, - возмутилась Рим, а вслед за ней, услышав эту информацию, начали открыто волноваться полицейские, боясь, что они просто сдохнут тут, следя за всем.

Даже Герда и Дайон, которые все это время молчали, возмутились, и у остальных впервые появилась возможность поговорить с ними. Все в первую очередь спрашивали, как они выжили, на что их ответ был очень расплывчат: то их монстр обронил, то от взрыва его убило и так далее. Но это было хоть что-то, и они начали возвращаться в коллектив. У Герды этот процесс происходил быстрее, чем у Дайона, - она первая заинтересовалась, как прошла операция и что стало с остальными. Постепенно Дайон тоже начал приходить в себя.

Кольт слушал все возмущения и едва сдерживался, чтобы не выкрикнуть им что-то обидное, пытался оценить силы и прикинуть план действий. Они все остановились у входа в крепость, тень которой накрывала их, а смотря вверх и замечая солнце, они невольно вспоминали о том, что все здесь не ели нормально больше суток, кроме Софии. Кольт начал ходить возле стены, где находился главный вход, и смотрел на здания, окружающие штаб. Он ходил так несколько минут в тишине под взгляды отряда и напарников, которые не

сводили с него глаз. Ян решился первым спросить, придумал ли он что-то:

- Ты уже минут пять думаешь, что делать. Надумал? Мы все устали как собаки, не ели толком, не спали, а работы еще, мягко говоря, много.

- Спокойно, надумал. Шертхальм! Слушайте мой приказ! - Кольт встал напротив входных дверей в штаб, а полицейские, командующие и Чарли встали вокруг него. - Мы не будем следить за всей территорией, хотя бы какое-то время, мы будем следить за порядком в самом штабе и лабораториях. Сейчас все возьмут швабры, которые хранятся в этом складе. - Он указал пальцем на небольшое помещение, на котором была надпись: "Уборочный инвентарь". - И будете драить весь подвал, столовую, лаборатории и спальные комнаты, чтобы все просто блестело. Если увижу, что хоть кто-то отлынивает, то пострадают все. Потом, как все закончите, вы можете собраться в столовой, если захотите, - мы не будем вас гонять, считайте, это в честь вашего "новоселья" и победы в суде. Всем ясно?

Все были измотаны и голодны, и поручение им обязанностей уборщиков еще сильнее убавило их моральный дух, который только начал возвращаться. Толпа охнула и зацокала, и кто-то из нее, возможно Рудольф или Вальтер, спросил: "А где они спать и жить будут?" Кольт ответил: "В казармах подвала. Выберите себе любую приглянувшуюся и заселитесь в нее, это теперь ваш новый дом". Эта новость полностью до-

била полицейских, ведь они надеялись на отдельные спальные места, даже в СИЗО с этим было получше. Но оспаривать приказ Кольта никто не решился - ни Ян, ни Зигфрид, ни Рим - и пошли к складу с уборочным инвентарем. Ян шел последний и совсем не собирался выполнять приказ, и Кольт подогнал его, на что Пилсудский отреагировал: "Да ладно тебе, Кольт, уже иду".

Отряд один за другим заходил на склад и выходил: кто со швабрами, кто с совками и метлами. Понаблюдав за этим и убедившись, что они выполняют приказ, Кольт развернулся и пошел в штаб - там ему нужно было разослать уведомление о начале призыва добровольцев. Когда он открыл дверь, к нему подошла Чарли, которая, очевидно, не стала бы выполнять приказ (ее никто и не заставлял).

- Кольт, я бы хотела спросить: а надо ли мне что-то делать?

- Тебе? Да успокойся, ты и так делаешь для нас достаточно.

- Ну нет, Кольт, я так не могу... Я нехорошо себя чувствую тогда, когда все на меня смотрят с презрением, а я ничего не делаю.

- Чарли.

Кольт вышел из дверного проема, но придерживал дверь, чтобы в нее могли спокойно заходить члены отряда. Спустя несколько минут из подвала слышались разговоры и звуки мытья полов.

- Ты себя накручиваешь. Я, Рим и Ян - главное - знаем

твой вклад и значение для Шертхальма. Если бы не ты, нас бы повесили еще несколько дней назад. Ты можешь просто пойти в свой жилой блок и отдохнуть, ты сделала достаточно.

- Я не могу просто так взять и пойти отдыхать, и вы... Точнее, ты понимаешь это. Ну не могу, и все. Они работают, уставшие, а от меня отдачи в бытовой части жизни вообще никакой.

- Ну почему ты усложняешь ситуацию, Чарли... Если ты так хочешь, то можешь приготовить еды на нас всех. Этот поступок точно оценят, особенно полицейские.

- Д-да, хорошо! Могли бы и сразу это сказать, а не томить.

- Как есть, так есть. Знаешь, где склад с продовольствием?

Чарли отрицательно кивнула, и Кольт позвал ее за собой, дабы показать его. Они пошли по каменной дороге, которая связывала несколько зданий, и эта дорога также уходила в засаженную соснами часть.

- Ты же понимаешь, что мы знаем, что ты делаешь это все, чтобы не казаться обузой, Чарли?

- Я? А, да, понимаю. Но и поделаться с этим ничего не могу.

- Прости за такой вопрос, но почему ты это вообще делаешь? Думаю, ты также прекрасно понимаешь свой вклад в Шертхальм и для нас всех, так в чем же причина?

- Понимает... Понимаешь, с детства мне навязывали, что я всегда кому-то что-то должна, я же церковнослужашая, да еще ого-го какая. То службы, то милостыня нуждающимся, то еще что... Ну, ты сам понимаешь, гиммлеровец же.

- Да, я понимаю.

- Я не рассказывала никому, но вот одно "но" есть, которое я до сих пор понять не могу. - Чарли замолчала, будто оценивая, нужно ли это говорить.

- Если ты считаешь, что это не нужно говорить, то не говори. Если скажешь и не захочешь, чтобы я это разглашал, - то скажи, я всегда выполняю условия, ты сама это видела, причем не раз.

- Ладно. Ну, я не знаю, правда, как начать, но давай так: я что-то в последнее время думаю, что значу как-то слишком много для Новобожия Гиммлера и церкви. Была бы я обычной церковнослужашей, то меня бы явно не отправляли в места по типу Шертхальма и точно всей церковью не защищали бы моих напарников в суде. Дальше, я вспомнила, что мои родители что-то обсуждали с другими проповедниками, говорили, что я - наследница истинной инквизиции Гиммлера. Эээ, ну, я не знаю, насколько это правда и не показалось ли мне это, ведь мне тогда было лет пять, но, учитывая все вышесказанное, есть такое чувство, что я не просто так существую...

Шарлотта закончила, и Кольт начал осмысливать все то, что ему сказала Чарли. На вранье это точно не было похоже, тем более он сам видел отношение церкви к ней. Инквизиция Гиммлера - это высший орган защиты Гиммлера, его культа личности, а позже, при Гюнтере - основная единица для распространения Новобожия Гиммлера. Она всю исто-

рию Вегиммии, кроме нынешнего времени, играла важнейшую роль для державы для поддержания ее порядка и власти. Во время Первой Европейской войны, когда Вегиммия была загнана в безвыходное положение, инквизиция восстала из-за ликвидации тогдашнего их лидера - Ханса Кессельринга. Но власть в Вегиммии взять не успели - Гюнтер отравил воздух и воду. Затем инквизиция была в качестве лидеров некоторых варлордов, но им не удалось объединить Вегимвию, и в итоге они были забыты всеми, кроме церкви Новобожия Гиммлера. В роду Чарли, оказывается, были одни из самых первых инквизиторов, а также в других ее проявлениях. Их род, как считает церковь Гиммлера, - истинные короли Вегиммии.

Уже подходя к складу с продовольствием, Кольт ответил, хотя и не дав четкого ответа и мнения, поскольку сам не знал, как правильно ответить:

- Истинная наследница инквизиции Гиммлера... Церковь пыталась что-то сделать, чтобы "истинная инквизиция" возглавила Вегиммию?

- Я без понятия. Мне ничего не сообщается, я, скорее, просто как символический лидер.

- Понятно.

Они подошли к складу и стояли у самой двери. Посмотрев в сторону штаба, который был почти скрыт за соснами, Кольт продолжил:

- Как я говорил много раз, твой вклад невозможно оце-

нить. Мы сделаем все, чтобы выполнить то, что ты считаешь нужным. Если скажешь, чтобы тебя отправили обратно в церковь и забыли про тебя, - мы сделаем. Если скажешь уничтожить правительство и установить твою диктатуру - мы также сделаем. Твоя власть здесь куда больше, чем даже моя. Главное, мы считаем тебя не только как прикрытие для нас самих. За эти годы мы успели подружиться, и, как я вижу, тебя полюбили и полицейские.

- Ох, Кольт, ну что вы... Не надо так преувеличивать мою власть, за все время я ни разу ничего не приказывала.

- Ты говоришь, что ничего не надо, значит, мы также ничего не сделаем. Ладно. Если что-то произойдет, то приходи ко мне, Яну или Рим. Я пошел тогда.

- Да, хорошо, Кольт. Я скажу, когда все будет готово.

Он ничего не ответил и молча пошел обратно в штаб, а Шарлотта открыла двери склада и достала все то, что ей было нужно. Сейчас она собиралась накормить их хоть чем-то и решила приготовить суп из французской кухни и червиное мясо. Черви, появившиеся после первого удара, страшны только в дикой природе и несколько сотен лет назад. Сейчас люди благодаря червям смогли преодолеть мировой голод и искоренить каннибализм, ведь после изобретения мясного двигателя люди смогли легко охотиться на червей, чье мясо очень питательно и безопасно. Следом за ликвидацией голода мир начал большими шагами развиваться, и буквально за пару сотен лет от создания парового двигателя на прин-

ципе сгорания дышащей плоти начали производство дирижаблей - летающего транспорта. Но после отречения Крюгера от власти его сын, узурпировавший власть, запретил мясной принцип двигателей, что ослабило державу.

Все думали, что они приведут штаб в порядок за два-четыре часа, но, зайдя в подвал, эти мысли тут же улетучились. Вместо узкого и низкого помещения, как это обычно бывает, там был просторный подвал из каменного кирпича с большим числом комнат по бокам и со слабым освещением. Вместо того чтобы распределить разных людей на уборку подвала и других помещений, все убрали один подвал. Такими темпами он был убран за несколько часов, и все остальное, что наказывал Кольт, - еще за несколько часов, и в итоге они освободились только ближе к десяти часам вечера. Штаб действительно стал выглядеть куда более опрятно, и Кольт осмотрел результат уборки. Он ходил по каждому помещению и проверял его так, будто полицейские прячут здесь наркотики, и стоило ему что-то спросить у них и командующих, сердце уходило в пятки. Но у него не было никаких вопросов, и он дал им право на свободное время. У них не было сил, чтобы провести свое свободное время, к примеру, осмотреть территорию или банально почитать книгу. Единственное, что они хотели, - поесть и уснуть, и тут вовремя вернулась Чарли. Вся потная, с пятнами на одежде и едва стоящая на ногах, она сказала: "Все готово. Можете идти ужинать" - и, подозвав командующих, они ушли в комнату

напротив банкетного зала, оставив новобранцев там, где они и стояли. Им не сказали, куда нужно идти, но по смыслу слов Шарлотты они это поняли и, пройдя в банкетный зал, увидели подготовленный для них стол.

Чего-то особенного не было: было по миске супа на каждого, хлеб и, самое главное, мясо, которого они не видели уже несколько недель. Все были сильно вымотаны, и они хотели просто поесть и завалиться спать, но уже в процессе начали завязываться первые разговоры, которые были достаточно мрачными - о том, что им пришлось пережить в Данциге несколько дней назад. Их будто подменили, настолько сильно это повлияло на них. Кому-то - в лучшую сторону, кому-то - в худшую. Герда и Дайон стали более закрытыми, и их оптимизм заметно поугас. Рудольф, наоборот, будто чем-то вдохновился и стал более амбициозным, но в остальном остался таким же лентяем. Вальтер "разрывался" между тем, что он из себя представляет, и стал еще более вдумчивым, особенно после его избиения Яном в камере. Изменений в Софии никто не заметил. Только Вальтер и в некотором смысле Рудольф узнали, что она "может говорить". Возможно, на то, что она начала общаться с другими, повлияла операция, а может и нет. Зигфрид, по большому счету, не изменился, но стал более подавленным из-за того, что не смог спасти своих родственников.

В ходе разговора между полицейскими они затронули тему родственников Зигфрида, и особенно инициативу в этом

разговоре проявляли Рудольф и Вальтер, которые были вместе с ним после взрыва. Он долго не хотел рассказывать все, что думает, но в итоге рассказал: "После того взрыва я потерял всю надежду найти своих родителей живыми, и сейчас я полностью смирился с этим. Тогда, если бы я поддался чувствам, то застрелился бы на месте". Своими переживаниями о том, что они были на грани суицида, поделился и Рудольф, что стало удивлением для Вальтера и для остальных. Никто не думал, что он и Зигфрид даже подумают об этом, что больше раскрыло их для всех. В ходе этой операции их отношения внутри всего отряда укрепились как никогда - если бы не содействие и взаимопомощь друг друга, то они и не выбрались бы оттуда. Разговор становился все менее мрачным, и начали появляться темы из их повседневной жизни, а не операции. Кто-то рассказывал истории из детства, кто-то вспоминал обучение в кадетском училище, и к этому моменту усталость полностью прошла, как и чувство голода, хотя почти никто, кроме Вальтера и Софии, не притронулся к еде. С Софией понятно, но что происходило с Вальтером, было неясно для него самого. Съев свою порцию, он не насытился и хотел есть еще, но попросить чью-то стеснялся, и пока ел, замечал странности. Вещи и объекты поднимались слишком легко, будто веса и не было, а когда он что-то делал, то тени странно падали. О таких странностях нужно было доложить руководству, но он не стал, так как не хотел напрягаться именно сейчас. Спустя несколько

минут все шутили и смеялись, а еще позже начали выкрикивать фразы в один голос по типу: "Спасем Вегиммию!", "За Хуберта!" и так далее. Их крики были такими громкими, что командиры хотели их успокоить, но Кольт приказал не делать этого: "Пусть веселятся".

Только к часу ночи, когда все темы для разговоров закончились, вся еда была съедена и все устали, полицейские отправились в казарму спать, оставив Вальтера одного, который под предлогом "Сейчас приду" остался здесь и буквально подбирал крошки с остатками еды, поскольку чувство голода было такое, будто его желудок переваривает сам себя. Занятый этим процессом, он не заметил, как в дверном проеме стояла Рим и наблюдала за ним. Вальтер увидел ее только тогда, когда он, подняв несколько крошек с пола, закинул себе в рот. Моментально он покраснел со стыда и опустил глаза в пол, и каждый тик висящих на стене часов, казалось, был не едва различимым, а очень громким. Харнер смотрела на него и едва сдерживала смех, прикрывая рот ладонью. Но, сдерживаясь, она пыталась не обращать внимания на увиденное и прошла в зал, а затем остановилась, сказав:

- Я тут хотела немного поговорить с тобой.
- Хорошо, - тихо сказал Вальтер и сел на скамью, как отруганный ребенок.

Рим села напротив него, и с ее лица моментально пропала улыбка.

- У нас есть все основания думать, что ты как-то связан

с черной плотью. Рассказ Зигфрида и Рудольфа, как ты разнес зараженного одним ударом, твоя живучесть и слишком быстрая регенерация травм. - Она посмотрела ему прямо в лицо и на маску-протез: на ней было несколько царапин, хотя почти день назад вместо лица было кровавое месиво. - Ты, может, можешь что-то сказать?

Вальтер посмотрел на свои руки и тоже вспомнил про те странности, которые он заметил несколько часов назад.

- Могу. Я начал замечать, что почти все действия... Ну, даже бытовые, я делаю слишком легко. - Он посмотрел на стол, пытаясь найти что-то, чем он может продемонстрировать свои странности, но не нашел и, положив руки на колени, продолжил: - Все дела даются мне слишком легко, будто что-то помогает.

- Это я уже слышала. Ты можешь это продемонстрировать?

Вальтер снова пытался найти что-то. На столе было несколько подсвечников, но Вальтер почему-то не замечал их. Харнер заметила, что он не может ничего найти, и сама взяла три подсвечника, сложив их друг на друга и приставив к Вальтеру.

- Подними.

Он посмотрел на нее, а после взялся за низ, но не выполнил просьбу, будто чего-то боясь.

- Я тебе сказала поднять подсвечники, Вальтер. Какие-то проблемы?

- Нет... Простите.

Вальтер, прикусив нижнюю губу, поднял подсвечники с необычной легкостью, и в момент, когда он напряг мышцы, с самого верха плеча, возможно со стороны спинного мозга, несколько тонких черных полосок прошлись в самую кисть и исчезли. Вальтер заметил их, но отреагировал не сразу, а только тогда, когда поднял подсвечники. Поняв, что произошло и что он увидел, от ужаса он выбросил подсвечники из рук и отпрыгнул назад, смотря на свою руку, которой и поднял их. Рим тоже это заметила, испугалась и встала со своего места, пытаясь достать по инерции с пояса нож, который она носила, но сейчас его там не было. Убедившись, что Вальтер не пытается навредить ей, она успокоилась и каким-то маниакальным голосом сказала:

- Вау! Как мы и думали!

- Что вы думали?! - испуганно спросил Вальтер.

- Ты каким-то образом подцепил черную плоть.

- В смысле подцепил?

- В прямом. Как паразита.

- Как паразита? Я... Умру?

- Задавай меньше вопросов, пожалуйста. Насчет того, умрешь ты или нет, мы не знаем. Но, смотря на то, что она усиливает и исцеляет тебя, возможно, это не паразит, а симбиоз.

Вальтер хотел задать вопрос, но не стал, ведь она попросила не задавать их.

- При симбиозе два организма сотрудничают, принося друг другу пользу. Ты замечал какие-то еще странности, кроме того, что ты стал сильнее?

Он попытался вспомнить, что происходило с ним в последнее время, и вспомнил только про свой большой... Нет, животный голод!

- Я сильно начал хотеть есть. Сначала я начал списывать на то, что устал, все дела, но сейчас я, кажется, понимаю, к чему это.

- А ты догадливый. В обмен на ускоренную регенерацию травм и физическую силу оно поглощает часть питательных веществ. Хах, прямо как глисты: можешь жрать и не толстеть. - Глаза Рим загорелись, и резко она встала из-за стола и, нагнувшись к Вальтеру, спросила: - А еще что-то можешь показать?

Вальтер испугался этого резкого движения и затупил.

- А что именно?

- Ну, не знаю, может... - Харнер начала осматривать стол, снова взяла тот подсвечник и дала его в руки Вальтеру.

- Мне опять его надо поднять, что ли?

- Да нет. Ты можешь его разломать?

- Разломать? Меня же накажут за это.

- Не бойся, это все в рамках эксперимента.

Взяв покрепче, он хотел его согнуть, но он сделал это и без помощи плоти, ведь материал, из которого тот был сделан, был не самый крепкий. Положив его на стол, Вальтер

размахнулся и ударил по нему. От такого удара подсвечник раскололся на две части. Сам он бы точно не смог так сделать - черная плоть в очередной раз ему помогла. Рим подошла к нему, взяла его руку и начала осматривать. Когда очередь дошла до кисти, она заметила, что на сгибах костяшек и в других местах пальцев, которыми бьют, сформировались черные твердые "накладки", выглядящие так, будто выпирают кости. Следом за Харнер Вальтер тоже посмотрел на них, но не испугался, а сказал, что у него они уже появлялись: тогда в городе, когда из-за угла на него напал монстр, они появились.

- А перед тем, как на тебя напало оно, ты же еще одного разнес, да?

- Да, было.

- Возможно, что именно тогда плоть проникла в твой организм. Значит, что имеем: усиленная регенерация, повышение физической силы, подстраивание под твои нужды в обмен на потребление части питательных веществ.

Они сели по своим местам. Вальтер осматривал свои кисти, черная плоть с которых уже исчезла, а Рим смотрела на него.

- Может, мой вопрос покажется наглым, но вы изучали ранее черную плоть?

- Глупый вопрос. Мы - Шертхальм, это наша основная задача.

- А может... Можешь что-то рассказать, если это не тайна?

- Могу. Все равно тебе бы это позже рассказали, сейчас, хотя бы, это ответит на твои вопросы, и ты не так волноваться будешь. А то у меня есть подозрения, что то, что внутри тебя, ест тебя изнутри, и при стрессе организм и так израсходует калории, а тут еще и это. В общем, Ян, когда еще сдерживал орду с коалицией в Белпольше, пытался привозить сюда подопытных - тех поглощенных монстров, но они умирали почти сразу, как попадали за пределы основной биомассы, поэтому нам приходилось проводить опыты прямо на месте. Имея знания тех опытов, опытов церкви и знания с операции, мы можем сделать вывод, что Черная орда и в самом деле создает колонии, которые действуют независимо от коллективного разума. Это позволяет им перебрасываться на большие расстояния, а также наделять поглощенных возможностью передвигаться и жить вне основного роя, при этом теряя живучесть из-за невозможности тут же восстановиться от окружающей биомассы. Мы точно не знаем, но думаем, что то, что высадилось в Данциге, является автономией, и что у каждой автономии есть свой центр, от которого она отдает приказы рою и поглощенным. Если мы сможем найти это "сердце" и уничтожить, то мы победим в этой войне. А если этих сердец окажется очень много по всей Вегимии - мы обречены...

- Простите, что перебиваю, но какие опыты вы проводили в Белпольше?

- А, точно, прости, забыла сказать. - Рим засмушалась,

поняв, что ему реально это интересно. - Что мы узнали: поглощенные теряют свою личность. Они служат чисто в роли "корабля", которым управляет Орда или автономия. Они не чувствуют боли, размножаются путем распространения черных спор из черных расколов на органику и просто поглощением, способны умереть при практически полном уничтожении. Ян же сам и понял, что самый эффективный способ уничтожать наиболее опасных и крупных поглощенных - это уничтожить рой вокруг него и затем уничтожить угрозу, прежде чем рой подберется снова.

- А что Ян делал там, если быть точнее? Я знаю, что он ставил опыты и руководил операциями, но хочется больше узнать.

- Он занимался уничтожением самого роя, а не поглощенных. В этом он очень преуспел. Он действует по какой-то своей тактике, благодаря которой рой уничтожается очень быстро, оттого его считают "Элитным капитаном"... Тоже мне, зазнавшийся индюк, - прошипела в конце Рим.

- Почему Ян такой... грубый и закрытый? И если не секрет, то почему вы абсолютно не ладите друг с другом, хотя работаете вместе, наверное, уже немало?

- Грубый он оттого, что, во-первых, его все уважают, и поэтому он считает себя очень важным, а закрытый... Я сама точно не знаю, хотя какое-то время мы с ним хорошо ладили, и он мне много о себе рассказывал. Сначала думала, это оттого, что его родаков еще в детстве черви высосали полно-

стью, а потом, после его первой операции, где он командовал, погиб почти весь личный состав, который был ему очень дорог. Может, мне было бы жаль его, если бы он не вел себя как высокомерный идиот.

- Если вы хорошо ладили, то почему вы теперь, ну, вот так друг с другом?

- Тут же и так все понятно - как он начал командовать, меня тоже за пустое место считать начал. Хотя мы учились в одном училище, но только в разных группах - он старше, я младше, и так ясно. Дружили долго, потом пошли в Шертхальм вместе, ну а дальше - ты сам знаешь. Обидно даже... Был такой хороший человек, пусть и со своими приколами. Кстати, сильно он тебя?

Вальтер начал трогать свое лицо и маску-протез, вспоминая, как тогда он его избил.

- Да, больно было.

- Рим, а ты еще не рассказала ему, как ты настолько помешалась на службе, что...

- Да заткнись ты!

Ян стоял в дверном проеме и слушал почти весь диалог, пока его никто не видел. Харнер стукнула по столу кулаком, приказала ему заткнуться, встала из-за стола и захлопнула с громким стуком дверь.

Рим проговорила с Вальтером еще до четырех утра. Они немного разговаривали о том, что ждет его и что он обязан помочь Шертхальму спасти Вегиммию, но в большинстве

своём общались о своём - рассказывали о прошлом, о себе и так далее. Кольт всю ночь не спал - он рассылал сообщения о призыве на службу в Шертхальм в несколько городов. Сразу же на них ответили шестеро друзей Яна, которых он обещал привести в Шертхальм ещё тогда, когда они вышли из суда. Позже к им присоединилось, на удивление, очень быстро ещё двадцать человек.

Глава 6. Потерять всё

– Да ладно тебе, всё равно уже время: шесть часов, даже три минуты, и так подъём, не ссыкуй, – сказал Роман с ярко выраженным итальянским акцентом, окружённый своими шестью друзьями и стоящий возле двери, ведущей в казармы полицейских-новобранцев. Он был единственным итальянцем в их компании, где были только немцы и один белорус.

– У меня есть приказ – дожидаться Кольта и не заходить туда раньше времени. Если я и пойду против приказа, то мне ничего не сделают, но если это сделаете вы – то влеплю уже нормально вам я и Кольт, – ответил Ян, опираясь на стену и не давая остальным осуществить свой «коварный» план.

Ещё за несколько часов до подъёма все друзья Яна, которых он ранее обещал пригласить, уже прибыли и успели расположиться, но никаких приказов ни от Яна, ни от Рим, ни от Кольта не было. Несмотря на свой опыт и дружбу с Яном, они все так же подчинялись ему (и остальным командующим). Сейчас же они стояли под дверью казармы новобранцев: они хотели разбудить их, ворвавшись с дикими воплями, но этому мешал Ян. Кольт дал ему, Пилсудскому, приказ ожидать его здесь до шести утра, пока он не поднимет бойцов. Но на часах было уже 6:03, а его всё не было. Ян и сам был бы не против заорать, как обезьяна, на всю казарму, но боялся послушаться. Он простоял ещё две минуты под уговоры сво-

их друзей, верно выполняя приказ, пока в подвал не спустилась Рим.

Она со всеми остальными (командующими и Шарлоттой, без новобранцев) встречала прибывших на службу в Шертхальм солдат, но после завалилась спать дальше. Сейчас у неё был такой вид, будто она сама только что вышла из этих казарм: растрёпанные, торчащие во все стороны волосы, помятая повязка на глазу, такая же скомканная одежда и красные глаза. Спустившись по лестнице и чуть не упав, она помахала рукой солдатам со словами "привет, парни" и получила в ответ примерно то же самое. Все друзья Яна были друзьями или хотя бы знакомыми и для Рим, те, что стояли здесь, не являлись исключением – они знали друг друга уже давно. Она хотела спросить, что происходит, но, заметив Яна, полностью проснулась. Протиснувшись сквозь толпу, она сказала ему:

– И тебе, Ян, доброе утро.

– Ага, доброе.

6:07 - показали наручные часы Рим. Она не сразу поняла, что все стоят здесь именно по этому поводу.

– О, так уже время, пора их будить.

– Стоять.

Ян прикрыл дверную ручку рукой, не давая Рим войти в казармы.

– Это что такое ещё?

– Кольт приказал, чтобы я стоял и ждал его. Он сам объ-

явит подъём.

– Ну и где тогда твой Кольт, а?

Ян пожал плечами.

– Значит, можно будить. Отойди. Не тебе же влепят за это, а мне.

На самом деле влетело бы и Яну – за то, что он разрешил кому-то сделать это вопреки приказу. Но ему ничего не сделали бы, поскольку Кольт чётко сказал: ждать до шести утра, а на часах было уже 6:07. Поворачивая дверную ручку, Рим только сейчас додумалась спросить, почему они все здесь собрались. В один голос они ответили, что хотят напугать новобранцев, заорав во весь голос. Харнер одобрила эту идею и отошла от двери. Тут же шестеро мужиков, как малые дети, толпясь, запрыгнули в казарму и заорали: "Ка-деты,"подъём!". Этой же идеей воодушевилась сама Рим и прокричала следом за ними, а Ян стоял сбоку и испытывал испанский стыд.

Вместо чёткого крика Кольта они получили какофонию из мужских и женских голосов. От этого все, даже самые крепкие, вроде Зигфрида, вскочили со своих кроватей и по привычке отдали воинское приветствие, услышав слово "ка-деты". Воинское приветствие в вооружённых силах Вегиммии было единым: правая рука, сжатая в кулак, подводилась к сердцу, а затем резким движением вниз прижималась к правой ноге, и выкрикивался девиз: "За Мир, Вегиммию и Гиммлера!".

Солдаты залились смехом, будто не разбудили новобранцев, а рассказывали друг другу анекдоты.

— Так, всё, посмеялись — и хватит, — прогонял их Ян. После того как все вышли из казармы и разошлись, он сам прошёл внутрь, отдал команду "вольно" и начал осмотр помещения, хотя сразу после подъёма он никогда не проводился. Наблюдая, как полицейские заправляют кровати и приводят себя в порядок, он сообщил, чтобы все собрались за пять минут и встали на построение, после чего вышел.

Ночь у них, на удивление, выдалась спокойной, хотя ранее, когда их передислоцировали в другие места, они долго не могли уснуть и переворачивали всю казарму, несмотря на риск попасть в штрафбат. Выспались все, кроме Вальтера — до утра он разговаривал с Рим и теперь ходил с большим мешком под единственным глазом, уже сам жалея о том, что не ушёл спать со всеми остальными, а остался доедать крошки. Голод, впрочем, он также ощущал очень сильный, несмотря на то что Харнер тогда поделилась с ним едой, которой ужинали командующие. Такой вид не могли не заметить остальные, и он тут же стал объектом для насмешек, даже со стороны Рудольфа. Было бы очень странно, если бы тот не подшучивал над ним.

Не шутил над ним только Зигфрид, хотя раньше он был инициатором всех розыгрышей. Настолько сильно повлияла на него операция в Данциге, что он пересмотрел своё отношение к сослуживцам. К тому же он потерял своих един-

ственных друзей ещё тогда, когда командующие вместе с Барнсом объявляли, что их ждёт, – Макса, Магнуса и Курта. Он не знал, что с ними сейчас, как не знал и о своих родственниках. Живы ли они? Здоровы? А вдруг они сейчас находятся в окружении семьи, пока он пачкает руки в крови и грязи? Так много вопросов – и ни одного ответа.

Полностью одевшись в новую именную форму Шертхальма, они вышли из подвала на улицу, где их уже ждали. Больше всего их удивили новые лица – те, кто разбудил их. Тогда они практически не задумывались о том, кто их растрезвил, но сейчас они их увидели и смогли разглядеть. Все они, на первый взгляд, выглядели не особо старше или младше Яна, которому было 28 лет. Самому младшему, как они подумали, было 26, а старшему – 35. Ростом они также особо не отличались от Пилсудского, чей рост составлял около 170-175 сантиметров. Но по лицам, телосложению и волосам нельзя было сказать, что эти люди прошли друг с другом огонь и воду – настолько сильно они различались. В нескольких метрах перед ними стояли Рим и Ян, встречая взглядом новобранцев. Когда все встали по своим местам, Пилсудский дал команду "Равняйся!" и долго не давал команду "Смирно!", осматривая, как стоит строй. Он был человеком, для которого выполнение дисциплинарных и строевых задач являлось крайне важным, и за ошибки он мог сильно отчитать служащего. Рим же, наоборот, считала это бредом, и когда в её руки попадала полная власть, она старалась как можно

быстрее перейти к сути дела, не тратя время на эту "хрень из-под коня", какговорила она сама. Видя, что он не отдаёт команду уже более тридцати секунд, она сама произнесла её и приказала начать перекличку по именам с самого начала строя, который возглавляли новые солдаты. "Конрад, Бернارد, Франц, Цезарь, Мюллер, Вернер" – так звали их. Новобранцы отвлеклись, слушая, как их зовут, из-за чего Зигфрид, стоявший сразу за самым старшим на вид Вернером, назвал своё имя только после того, как Рим прикрикнула на него. Ян добавил от себя, уже конкретно отчитав его, а следом – и остальных новобранцев неизвестно за что. Закончив перекличку, Харнер скомандовала "вольно" и, ожидая, что Ян сам сообщит служащим, что делать дальше, замолчала, но он ожидал от Рим того же самого.

– И что им дальше приказать делать-то? – неловко спросила Рим.

– Я думал, что тебе Кольт дал указания.

– А я думала, что он тебе дал... Ох... И что делать?

– Что делать, что делать... Сама додуматься не можешь? Идём к Кольту, в последний раз он был в связной.

Ян двинулся со своего места в сторону штаба, а Рим, приказав военным стоять здесь и ждать их (за что обычно ругают), сцепилась в словесной перепалке с Яном и пошла за ним. Но не успели они дойти до штаба, как увидели, что по кирпичной дороге в их сторону идёт Кольт с Чарли. Посмотрев друг на друга и пожав плечами, они пошли им навстречу.

Кольт выглядел очень плохо – уставший, сонный и потный, будто пробежал марафон, а Чарли выглядела так же, как и всегда: длинная бордовая юбка, синий берет, белая рубашка и накидка бежевого цвета.

"Приятель, что с тобой? Что приказать новобранцам делать?" – начали спрашивать Рим с Яном у Кольта, который ответил им с некоторой задержкой:

– Вы... прикажите этим встретить новеньких, а потом на посты встать.

Это был весь его приказ, хотя он всегда давал их большими и развёрнутыми. Он пошёл дальше, к штабу, оставив их двоих с Чарли смотреть ему вслед. Когда он зашёл в здание штаба, Шарлотта сообщила, что он всю ночь рассылал сообщения и отвечал на них, оттого он такой "помятый".

Помимо голубиной почты, колокольной связи, ракетниц и других старых методов коммуникации существует ещё один – телефонная и радиосвязь. В конце правления Крюгера в Союзе французских мануфактурщиков были открыты радио- и телесвязь. Благодаря большим панелям с огромными антеннами можно рассылать информацию на другие такие же устройства, но этот процесс достаточно долгий, и отправка сообщения, состоящего из нескольких предложений, может занять час. У богатых и у правительства есть более усовершенствованные варианты, способные моментально передавать сообщения, но с большими помехами. Чарли подтвердила эту информацию и добавила, что их ждут пять человек

на перекрёстке.

Им самим, особенно Яну, который почти час ждал Кольта, но так и не дождался, очень не хотелось заниматься встречей новеньких. Обговорив ситуацию, они решили, что всю работу по ознакомлению со штабом проведут полицейские. Сами же они будут заниматься своими делами: Рим попытается узнать что-то новое о чёрной плоти и отследить перемещения высадившегося роя, а Ян собирался съездить в ближайший город со своим отрядом, так как Кольт приказал раздобыть бумагу для теле- и радиостанций. Не возвращаясь в строй, а просто проходя мимо, они крикнули бойцам, чтобы те встретили новеньких, ожидающих их у перекрёстка. Все, даже команда Яна, пошли встречать их, но Ян позвал своих к себе. За время, пока полицейские ждали командующих в строю, имудалось немного поговорить со старшими. Хотя это и разговором сложно назвать, ведь старшие постоянно упоминали, насколько они важнее их и что им, такой мелочи, до уровня ветеранов и Яна расти очень долго. Ничего, кроме мерзости, они к ним не испытали, хотя примерно и ожидали, что те будут именно такими.

Уже издалека, подходя к ним, они поняли, что им предстоит встретить и иметь дело с точно такими же людьми, как они сами. Новенькие также только что выпустились из одного из училищ, но, в отличие от кадетов из военной полиции, наверное, не имели военного опыта, что ставило их в более низкое положение. Все, даже полицейские, молчали,

так как не понимали, что им объяснять. Молчание продлилось недолго – их "лидер", самый энергичный, как они тогда подумали, сам вызвался начать разговор.

– Я так понимаю, вас отправили сюда за нами, а они сами пошли куда-то?

– Ага, – сказал Вальтер, а за ним следом Зигфрид и Дайон, будто говоря с задержкой.

– Будем знакомы. Я – Вильгельм Браун. Мы все здесь из пехотных войск, только выпустились из училища и сразу же пошли к вам.

Вильгельм протянул руку ближе всех к нему стоящей Софии. Она не ожидала этого действия и начала поворачивать голову в сторону Вальтера, как бы намекая, что он тут наиболее "важный". Но Вильгельм ничего не понял, и ей пришлось пожать ему руку, а затем представиться:

– София Тот.

Вильгельм пошёл дальше, пожимая руки всем по очереди. Все спокойно представились, а Рудольф и Зигфрид пожали руку крепко и накрыли сверху второй рукой, добавив: "Рады знакомству".

– А вас как зовут? – обратился Рудольф ко всем, кто стоял за спиной Вильгельма.

Несколько человек представились самостоятельно, а некоторых пришлось представлять лично Вильгельму. После небольшого разговора о том, кто такие кадеты-полицейские, Вальтер пригласил всех проследовать за ними до штаба.

Новенькие представляли, что они встретят большое количество людей, но, кроме полицейских, никого не было, что вызывало небольшую тревогу – будто их заманили в ловушку. Но параллельный разговор с сопровождающими развеял эти мысли, и казалось, что они знают друг друга не несколько минут, а уже продолжительное время. Подойдя к штабу, полицейские посчитали нужным показать им всё остальное: склады, площадки, а только затем – сам штаб внутри и казармы. Все они заметили большую странность: в отличие от хозяев, которые за несколько лет обучения в одном отряде успели узнать друг друга, подружиться, найти врагов и так далее, новые вели себя так, будто они почти не знают друг друга и прибыли сюда вовсе из разных частей. На фоне разговорчивого Вильгельма это не особо бросалось в глаза, но и не заметить было трудно. Также странным был их большой интерес к тому, как тут всё устроено, что где построено, а также к составу командования и, в частности, много вопросов было по поводу Яна и его отряда. Ответы по поводу командования они получали крайне размытые, поскольку сопровождающие сами не знали многого, а всё остальное просто показывали и рассказывали. Когда всё, что они сами знали, было показано и рассказано, полицейские предложили им собраться в банкетном зале и узнать друг друга поближе, мотивируя тем, что командующим сейчас не до них: Кольт, скорее всего, спит, Ян собирается с отрядом в город, Рим занимается своей работой, а Шарлотта несёт службу в

небольшой штабной церкви Гиммлера. Хотя туда и до гибели руководства Шертхальма почти никто не ходил, а сейчас – так вообще. Но всё так же очень странно: все, кроме Брауна, нашли причину, чтобы не контактировать с ними. Кто-то ушёл под предлогом "хочу осмотреть всё сам", кто-то – "не хочу получить выговор в первый же день" и пошёл на пост. Впрочем, одного Вильгельма было достаточно, чтобы они узнали друг друга. Больше всего с ним общался Зигфрид, пока остальные слушали их, перекидывались фразами и в основном общались между собой, используя их разговор как тему для своего.

– ...А у нас, значит, старшина был тот ещё мудака. Мог спокойно поднять нас ночью, когда мы все спали, объясняя это тем, что полезно для дисциплины. Я вообще думал поймать его, как выйду из этого сумасшедшего дома, и хорошенько так морду набить, но что-то не получилось.

В качестве доказательства, что он действительно мог избить его, Зигфрид поставил предплечье на стол и напряг его. По большей части он это сделал, чтобы показаться новому другу сильным и смелым человеком, покрасоваться перед присутствующими девушками и заставить остальных завидовать ему.

– Странно, что у вас, в военной полиции, такая хрень происходила, когда по идее там должно быть всем всё равно, а вот у нас в пехоте как раз должно было быть всё строго.

– А что, в пехоте у тебя было всё просто?

– Ну, не сказать, что просто, но старшина не дрючил, да и вообще... Никаких штрафов, ничего подобного, нормально там было.

– Завидую. Нас по стойке смирно гоняли и тренировали нас самих и дисциплину. С дисциплиной так вообще переборщили. Правда, Вальтер?

Он положил руку на плечо Вальтера, который сидел рядом.

– Что? Ага... – коротко ответил Вальтер.

– Да не будь ты такой букой, просто спросил, что такого?

Что здесь было смешного – неясно, но Зигфрид засмеялся, а за ним следом Вильгельм.

– Не, ребята, серьёзно, что вы все такие кислые сидите? Произошло что, может, расскажете о себе?

Травмирующие события операции в Данциге до сих пор не давали им покоя, но не так, чтобы они сидели и смотрели в одну точку. Сейчас Вильгельм подыгрывал преувеличивающему Зигфриду. София пыталась выпросить у Герды часть её хлеба, когда будет завтрак, так как за вчерашним ужином она свой почти не съела; Дайон царапал деревянный стол, а Вальтер с Рудольфом обсуждали план, как им нужно будет встать на посты так, чтобы оказаться рядом друг с другом. Герда вызвалась ответить на вопрос Вильгельма первой.

– Понимаешь, мы недавно такое пережили... Такое!

Пока Герда говорила, она всегда сильно жестикулировала, случайно задевая локтями Дайона и Софию, сидящих рядом

с ней, но сама она этого не замечала и не заметила даже тогда, когда Дайон отодвинулся, а София вообще пересела к Вальтеру и Зигфриду.

– И не говори...Добавил Вальтер.

Поняв, к чему клонит Герда, Зигфрид сам изменился в лице. Он опустил глаза в пол и хотел объяснить Вильгельму сам, что произошло, но Герду было уже не остановить.

– На Данциг недавно плоть чёрная напала, может быть, ты слышал, так вот нас отправили туда, как на убой! Почти все померли там, мы едва ноги унесли!

– Я знаю. Как об этом не знать, вся Вегиммия говорит об этом.

– Оу... Серьёзно? Вся?

– Ага. Каждая газета об этом только и талдычит: "на нас напали, настал четвёртый удар, никто не выжил" и так далее.

– Герда, ну а ты что думала – что это просто так останется незамеченным?

– Да помолчи ты! – крикнула она Рудольфу.

– Ладно, молчу, молчу...

– Я же поэтому сюда и пришёл, и своих сюда привёл – мы хотим помочь вам.

– Помочь? Нам? – переспросил Вальтер, оторвавшись от разговора с Рудольфом.

– Ну не ОВР же, который даже сейчас ничего не делает, хотя рой продвинулся уже на очень большое расстояние и движется на Варшаву со Смертобергом.

– Чего вы так решили? Наверняка же в газетах ещё написали, как из-за нас город сгинул.

– И не такое писали, но верит газетам только какой-нибудь старик в Баварии. Мы собрались помочь вам, ибо в окрестностях Данцига почти у всех есть родня, надеюсь, мы успеем им помочь...

– Мы все надеемся на это. Кто-то уже потерял её, а у кого-то она в большой опасности.

После небольшой паузы Вальтер продолжил:

– А почему твои друзья все такие закрытые? Мы их имена уже даже забыли, не то чтобы узнать поближе.

Вильгельм пытался не отвечать на подобные вопросы, которые задавали уже ранее, но теперь уже никуда было не скрыться, что поставило его в тупик, однако он нашёл выход.

– Да оттого, что у нас не было такого контроля, все привыкли куда-то разбредаться, поэтому так. Если это не слишком личный вопрос, то что у тебя с лицом, Вальтер?

Он нашёл ответ на предыдущий вопрос, но попытался сменить тему как можно быстрее и перевёл её на дефект Вальтера. Услышав это, Вальтер начал ощупывать лицевой протез, будто не понимая, о чём речь. Рудольф вмешался и сказал, что эти вопросы всё равно не очень уместны, а Герда вслед за ней и София добавили своё "да". Вильгельм уже начал просить прощения, но Вальтер остановил его, подумав, что вместо того, чтобы выставить себя жертвой, он может подать это как повод для гордости и уважения.

– Тогда, в Данциге, нас загнали в угол заражённые.

– Заражённые?! Ты... Вы их видели?

– Ещё бы! Мы их там убивали. Когда нас заперли в доме, мы пошли на прорыв – как ты понял, мы вырвались, но ценой чего...

– Чего вы это тут расселись? Шагом марш на посты!

Раздался скрип двери, а следом в зал вошёл Колът, сказал это и тут же вышел. Делать было нечего – все, кроме Зигфрида, Герды, Дайона и Вильгельма, остались тут, они хотели выйти последними, создав такую неловкую ситуацию. Ожидая, пока кто-то выйдет, Вильгельм встал из-за стола и подошёл к книжному шкафу, на котором стояли книги на разных языках, и взял ту, что была не на немецком.

– Ого у вас литература... Ма...

Он, читая книгу на неизвестном языке, будто осознал, что совершил страшную ошибку. Когда он прервался, из-за стола встал Зигфрид и со словами "А ну-ка, дай почитать" подошёл к нему и увидел, что книга не на немецком.

– Хм, не знаю такой язык...

Так же, как и Вильгельм, он испугался и попытался оправдаться, попутно посмотрев в глаза Брауна ошарашенным, испуганным взглядом.

– Да... Всё равно не знаем этот язык, поставь её на полку.

Зигфрид выхватил книгу из ослабевшей хватки Вильгельма и поставил на место, а потом обернулся в сторону Герды и Дайона, которые уже смотрели на них. Зигфрид пытался

понять, догадались ли они о чём-то или нет, и добавил: "Эй, Вильгельм, достань что-то на нашем... Немецком". И в ту же секунду Дайон, прищулив глаза и выпрямившись, спокойно и тихо спросил:

– Так вы что, получается – из наших?

Выйдя на улицу и направляясь в сторону своих постов, которые находились по границам Шертхальма, они остановились перед собиравшимися отправиться в город Яном и его отрядом. Строго, как солдаты по линейке, стояли семь лошадей, абсолютно не похожих окрасом на тех, что выдаются обычным бойцам. Породистые, выносливые и каждая со своим характером. Забавно, что почти каждая лошадь соответствовала своему хозяину: лошадь Яна была полностью чёрной, с очень необычной гривой, напоминающей стрижку Пилсудского. Их провожали только несколько человек – Шарлотта и Кольт; Рим почему-то не было, но для Яна это оказалось только в радость.

– ...И не забудь на обратном пути осмотреть ближайшие деревни, мало ли.

– Успокойтесь, офицер Кольт, нас здесь аж семь человек, точно не забудем.

– Цезарь, – окликнул Цезаря Ян и молча посмотрел на него. Его взгляда было достаточно, чтобы тот понял: это сказали не ему, а Пилсудскому.

Несколько солдат уже полностью запрягли лошадей и ожидали приказа Яна, чтобы побежать так, будто они не ска-

чут в город за плёнкой, а устраивают перегонки, цель которых – жизнь. Другая часть солдат, меньшая, поила из больших вёдер животных, ведь на улице, несмотря на то что шла почти середина осени, стояла подозрительно высокая температура для этой поры.

– О, мелюзга, привет! – помахал Конрад рукой полицейским, подошедшим к ним и начавшим осматривать необычных для них породистых коней. Конрад был главным конюхом в отряде Яна и буквально был помешан на лошадях. Стоило кому-то просто посмотреть на его (или не его) животное, как он мог начать лекцию о его происхождении. Полицейские просто хотели посмотреть и погладить животных без лишних разговоров, но Конрад придерживался другого мнения и сначала начал рассказывать о том, какие разные бывают характеры. Что, к примеру, его Ганс любит облизывать руки и волосы, а конь Яна – Юзеф – боится почти всего. Затем он начал читать лекцию о правильном разведении нужной породы и продолжал бы это ещё долго, пока Ян, у которого от его разговоров разболелась голова, убедившись, что звери напоены и всадники сидят в сёдлах, не отдал приказ о том, что они отправляются через несколько минут, и крикнул новобранцам, чтобы те убирались с дороги, пока их не растоптали. Они не дети, поняли всё с первого раза и даже незадержались, дабы проводить их взглядом, а просто пошли по своим местам, пока семь лошадей сначала лёгким бегом, а затем чуть ли не галопом поскакали за лошадыю Яна. Вскоре

они скрылись за большими соснами, и Кольт с Чарли пошли заниматься своими делами.

Отряд двигался быстрыми темпами несколько минут, пока Ян не понял, что, выйдя за пределы штаба, по бездорожью на высоких скоростях можно вовсе убиться, и приказал сбавить ход. Это дало им возможность заговорить друг с другом, не боясь, что они откусят себе языки. В ход сначала полетели шутки в сторону Яна, ведь они не виделись и не списывались уже несколько месяцев, хотя пережили столько, что стали уже как родная семья. Пилсудский понимал шутки от них, но не понимал их от кого-то другого, к примеру, от члена Шертхальма – все их он принимал на свой счёт и мог сделать жёсткий выговор, если это был младший по званию. Такие отношения сложились у них ещё со времён самых ранних годов совместной службы. Постепенно шутки сменялись, как казалось на первый взгляд, разговорами ни о чём, и с каждой минутой они превращались в беседы по типу, кто чем будет заниматься, когда уйдёт на пенсию.

Этот вопрос не могли не задать Яну, но чёткого ответа на него у офицера не оказалось: "Да чёрт его знает, чем займусь на пенсии. Может, буду просто сидеть дома, а может, продолжу военное дело. Вообще, сначала дожить до тридцати было бы хорошо, а то, смотря на то, что происходит сейчас, не факт, что до завтра доживу".

У солдат была своя цель, ради которой они заводили эти разговоры ни о чём и расспрашивали Яна, – они хотели от-

проситься у него отдохнуть и расслабиться в городе хотя бы на несколько часов. Они друг другу были друзьями, но все знали, как Ян жёстко следует правилам во время службы. Вернер, как самый смелый из них, задал этот вопрос сам:

– Слушай, Ян, а может, мы того... в городе, как сделаем все дела, немного "отдохнём", а?

– В каком смысле "отдохнём"?

– Там, может, немного от службы отвлечёмся, всё равно Колът не знает, насколько это долго будет.

– Ещё чего. Будете в увольнении и на выходных – тогда ходите где хотите, а сейчас мы на задании.

– Понимаю, что на задании, но когда нам удастся так собраться вместе ещё раз? Мы давно не виделись, а сейчас такой шанс. Тем более я не предлагаю уйти в запой и ускакать в столицу, а хотя бы просто поговорить друг с другом не об этой солдатской рутине.

Ян впал в раздумья. С одной стороны, Вернер говорил правду, а с другой – его принципы не позволяли ему это сделать. Он молчал ещё несколько секунд, пока кто-то из конца не спросил: "Надумал?". Но следом раздался крик Бернарда: "Мясной дым на три часа!".

Золистый дым – это кодовое обозначение дыма или пара, который испускает чёрная плоть. Он полностью чёрного цвета с небольшим красным отливом, и его происхождение до конца неизвестно. Но есть теории, которые гласят, что мясной дым образуется во время расширения и регенерации

роя.

– Все за мной, держим дистанцию! – закричал Ян, и лошади резко сменили курс, быстро перестроившись в боевой порядок, хотя не было команды о строевом построении. Во время атак на рой лучше всего держать дистанцию со своими напарниками, так как плоть может "плеваться" сгустками, а также при уничтожении во все стороны могут разлетаться ошмётки. Сосновый лес, по которому они скакали, уже давно начал редеть, и теперь это были скорее одиночные деревья, чем лес. Но из-за холмистой местности и больших размеров самих деревьев было сложно увидеть что-либо ещё. В качестве ориентиров, где они сейчас находятся, использовались природные объекты, в их случае – протекающая рядом река, которую Ян не сразу заметил.

– Река... Видите реку? Кто знает, где мы сейчас находимся? – спросил Ян.

Ему моментально ответил Цезарь, который заучил карту местности ещё в штабе:

– В четырёх-пяти километрах к северу от штаба, до города одиннадцать-тринадцать километров. На нашем пути... – Он осознал что-то страшное и не сразу договорил, что именно на их пути. – Там, откуда мясной дым, находится небольшая деревня!

– Дерьмо... Поднажали!

Лошади вновь перешли на галоп и, несмотря на тяжёлую местность с частыми разворотами, бежали очень быстро, но

деревни всё не было, а дым приближался. Неожиданно для всех начался спуск с холма, который ускорил и без того очень быстрых лошадей, и тогда они увидели деревню – скорее хутор, от которого шёл мясной дым.

Деревня была полностью поглощена чёрной плотью: она окутывала здания, очертания которых виднелись сквозь её слой, а на окраине были видны животные и люди, которые не успели сбежать от роя. Их уже поглотила плоть, но не успела взять под свой контроль. Таковую картину они видели почти каждый день раньше, но была здесь и другая особенность: огромный, мерзкий сгусток из чёрной плоти, торчащих из него кусков людского мяса, костей, глаз, а также весь покрытый противной плёнкой. Ещё больше мерзости ему добавляли торчащие из него во все стороны и уходящие в рой отростки, будто каналы, а сам он пульсировал и извивался. Примечательно, что рой стоял на месте, не заходя дальше границ хутора.

Лошади неслись слишком быстро, а поселение находилось у самого подножия, и надо было что-то срочно делать, чтобы не забежать прямо в объятия роя.

– Мигом, сворачиваем направо! – скомандовал Ян, и солдаты начали быстро, но аккуратно менять курс лошадей, бегущих со склона. Расстояния для безопасного манёвра могло не хватить, и, не желая сыграть в ящик, Ян начал направлять животное ещё правее, так, чтобы оно смотрело вообще назад, вверх по склону. Если лошадь и споткнётся, то падать

она будет с меньшей скоростью и не угодит в рой. Все последовали его примеру, но лошадь Франца споткнулась о камень и, не успев развернуться, упала и кубарем полетела вместе с всадником вниз. Когда не надо, падаешь с коня только так, а когда нужно упасть контролируемо, как сейчас, это просто невозможно! Мюллер, бежавший следом, хотел нагнать его и подцепить, чтобы затормозить, но Ян приказал не делать этого, и они, почти остановившись, наблюдали, как Франц, уже не крича, катился вниз с лошадыю. Но случилось чудо! Он слетел с лошади, и Ян, который уже смог обуздать своего коня, помчался за ним и схватил его в нескольких десятках метров от роя, в который упала лошадь Франца. Пытаясь вырваться и крича, она поглощалась плотью, как вирусом: та постепенно скрывала её, заползая в нос, рот, глаза и уши.

– Документируем и валим в штаб, быстрее, парни!

Пока Ян подбирал раненого, но ещё живого Франца, остальные военные спустились с холма и спешили в сотне метров от хутора. Никто не собирался документировать то, что они увидели. Даже для них и Яна увидеть такое было впервые, и они вспомнили свою первую операцию. Тогда им нужно было зачистить улицу от роя – задача сама по себе несложная, но тогда это казалось чем-то невероятным и трудным, в том числе для Пилсудского. Через несколько секунд его лошадь, оставляя след крови, капающей с Франца, подбежала к ним. Ян спешил, накрыл землю изодранным

плащом Франца и положил его самого. Действовать надо было быстро – кровь хлестала как из фонтана, и никто не хотел терять своего друга. Все бросились помогать Яну оказывать ему первую помощь: останавливать кровь, передавать бинты и выполнять другие медицинские манипуляции. Никто не следил за роем и тем огромным комом из останков и плоти, который Ян принял за сердце автономии, что и стало их роковой ошибкой.

Ян, как ему казалось, выполнив все манипуляции по спасению солдата, наконец перевёл свой взгляд на поглощённый хутор. Сначала он ничего не заметил, так как мясного дыма появилось настолько много, что он полностью окутал поселение. Но уже тогда он понял по звуку странной реакции внутри укрытия из дыма, что находится здесь сейчас очень опасно. Будто что-то бурлило. Остальные военные перевязали раны Франца и начали вглядываться в дым, и тогда показалось то, что скрывалось там. Они разглядели очертания большого... очень большого предплечья с кистью, крупнее, чем у человека, а затем на секунду показался силуэт черепа.

– По коням и сваливаем, к чёрту это место! – скомандовал Ян и, закинув Франца на лошадь, сам запрыгнул на неё, а следом за ним – все остальные. Когда последний человек запрыгнул на животное, дым полностью рассеялся, и они увидели то, чего никогда не видели за всю свою службу и операции. Из роя торчало огромное туловище человека по пояс размером с дом, с раскрытой грудной клеткой, с непро-

порционально большими руками и черепом, который, как и грудь, постепенно обрастал плотью. А на плечах будто стояло несколько обычных людей с длинными палками, также покрытыми чёрной плотью.

Существо и они смотрели друг на друга ещё несколько секунд, пока у него не сформировались язык и мышцы рта, после чего оно завизжало так, что с деревьев улетели птицы. Отряд как пуля бросился бежать отсюда, но после рёва те, кто стояли на плечах, начали стрелять из длинных "палок" крупными, как из бронебойных винтовок, шмотками плоти, а создание бросилось за ними, перебирая передними лапами. Несколько кусков плоти попали прямо в Цезаря и Конрада, моментально свалив с ног их лошадей и оставив всадников на верную смерть. Они были в ужасе, но не просили помочь им – они понимали, что утянут за собой жизни и других. Вернер, Мюллер и Бернард подбежали к офицеру Яну и, не скрывая страха и паники, начали умолять его разрешить открыть огонь. У самого Пилсудского был большой соблазн сделать то же самое, но, оглядываясь назад, он подмечал всё больше деталей, которые помогли бы сбежать. Под мольбы команды и стук огромных рук по земле он придумал план.

– Оно, как я понял, полностью зависит от роя и пока не может действовать вне его. Смотрите сами – за ним следует шлейф из плоти, который уже сейчас начинает уменьшаться, а его рожа и грудь вовсе перестали обрастать. Забежим в лес – сможем скрыться от него и не дать стрелкам попасть в нас,

а если получится – прикончим его обычными винтовками! Бегом!

Лошади бежали изо всех сил, но, как и люди, они также боялись, и поэтому неслись на максимальной скорости, попутно уворачиваясь от стрелков. Сбежать от существа они смогли бы без проблем, но стрелки этому очень сильно мешали, и именно от них погибли два товарища. Просто всё указывало на то, что это люди: рост, силуэт, движения конечностями и, как думал Ян, умение владеть оружием. "Это наверняка Вальтер, либо ему подобный... Это не центр коллективного разума, а просто колония, она не может настолько умно действовать. Если мы сейчас с ними ничего не сделаем, то даже не успеем добежать до леса", – прокручивал он одну и ту же мысль, отмеряя взглядом каждый сантиметр до заветных сосен с ёлками.

Похоже, существо и стрелки поняли их план, оттого огонь стал ещё более частым и плотным, а существо пыталось добраться до них, выбрасывая волной в их сторону чёрную плоть. Это и сподвигло Яна придумать новый план.

– Бернارد! Сейчас ты должен будешь снять этих ублюдков, иначе мы не добежим до леса... Что-то мне кажется, что они не смогут восстановиться.

Без лишних вопросов тот достал винтовку и на ходу начал прицеливаться, но его остановил Ян, и они с остальными забежали за его лошадь, не давая стрелкам ликвидировать Бернарда. Выстрел! Пуля попала точно в цель – в снайпера,

стоящего на правом плече существа, и остановила его огонь, но не убила. Шлейф из чёрной плоти практически перестал следовать за существом, и стрелок не смог полностью восстановить свои раны. Следующий выстрел, который пришёлся в отросток, напоминающий голову, сбросил его с монстра. Одним меньше, но, похоже, второй начал мстить и стрелять на опережение всадников, оставляя опасные шмотки плоти на их пути.

Этот шаг никто не ожидал, и Бернард, бежавший впереди всех, наступил в плоть. Лошадь моментально увязла в ней и пыталась вырваться, но безуспешно. Всадник быстро спешился с животного и побежал в совсем другую сторону от пути следования монстра, но не успел: тот его настиг и отбросил солдата своими огромными лапами в сторону так, что тот подлетел в воздух на несколько метров, потеряв нижнюю часть тела, а остатки разбились в кровавую пыль от удара о камень. Даже его бронирование из железа раскрошилось под этим ударом. Но его жертва была не напрасной: один стрелок был уничтожен, а солдаты выиграли время, успев забежать за деревья и начав отрываться от существа.

Оно побежало за ними и полностью игнорировало деревья – существо просто валило их под собой. Такая картина развеивала бы последние надежды на спасение, но, наоборот, она дала её! Снося под собой деревья, оно оставляло на них куски плоти, а шлейф полностью перестал тянуться. Оно не хотело отпускать их и бежало изо всех сил, оставляя за со-

бой не регенерирующий его самого след, а свою собственную плоть, "стачиваясь" снизу вверх от каждого своего шага.

"Да когда же ты отвянешь", — думал тогда каждый и надеялся на офицера Яна, который ещё больше осознал свои прошлые ошибки и озвучил новую часть плана.

— Разбегаемся по сторонам! Стрелок остановится хотя бы на несколько секунд, ища новую цель, а существо, возможно, удастся сбросить с хвоста и прикончить его выстрелами в спину!

Больше ничего не говоря и не выслушивая, Пилсудский резко развернулся, а следом за ним в разные стороны побежали оставшиеся солдаты. Существо удалось запутать. Оно пробежало вперёд ещё несколько десятков метров, врезавшись в большую ель и практически полностью стерев голову, после чего развернулось в сторону Вернера и Мюллера, которые бежали относительно недалеко друг от друга. Они только этого и ждали и вдвоём из винтовок выстрелили на повал по стрелку. Тот упал замертво на землю, что также видел Ян, и это дополнило его мысли о том, что это либо Вальтер, либо ему подобные. Только они сняли стрелка, как принялись стрелять по самому монстру, отрывая куски плоти от него. Но это было последнее, что они сделали. Мюллер и Вернер остановились недалеко от него после ликвидации стрелка, и существо, собрав последние силы, бросилось на них и повалило сосну прямо на бойцов. Лошади выжили и убежали прочь с телами — они среагировали тогда, когда

дерево раскололо всадникам черепа и вдавило шею с головой в тело, немного их ранив.

Абсолютная победа сил коллективного разума и роя. Весь отряд очень опытных солдат был уничтожен, оставив Шертхальм и человечество без надежды на выживание. Монстру полностью снесло кисти, часть предплечья, части туловища и лицо, но если бы оно могло, то точно улыбнулось бы, удовлетворившись своей работой. Подняв кульями рук поваленное дерево и увидев остатки мозга на коре, оно развернулось и хотело, по всей видимости, подобрать подбитого стрелка, но мужской крик, полный ярости и отчаяния, заставил его обернуться. На него неслись две лошади с висящими на них трупами только что убитых им солдат. Времени на ответное действие было мало, и животные врезались в едва живое существо, сбив его с ног. Поскольку это был не чистый рой, а существо, состоящее из него, лошадей начало поглощать не так быстро, и они нанесли дополнительный урон своими копытами, пытаясь вырваться. От такого воздействия его правая рука полностью отделилась от тела, а следом Ян, который и устроил эту атаку, открыл огонь из винтовки по монстру. Как только кончались патроны, он не перезаряжал оружие, а выбрасывал его в сторону и хватал винтовку своего мёртвого друга, которую он снял с трупа. Магазины трёх винтовок были полностью опустошены, но он не остановился и, перезарядив уже свою винтовку, выпустил ещё два магазина. От такого огня существо потеряло левую руку, шею, а плоть по

всему телу была вырвана кусками. Стоя поодаль и наблюдая за уже обездвиженным существом, он убедился: оно мертво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.